

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES
ДЖЕННИФЕР ДОННЕЛЛИ

A woman in a large white hat and lace dress holding a letter. The background is a textured, brownish-gold wall with faint floral patterns.

ЧАЙНАЯ
РОЗА

СМЕРТЕЛЬНАЯ СХВАТКА С ПРОШЛЫМ
СТАНОВИТСЯ КЛЮЧОМ
К БУДУЩЕМУ.

The Big Book

Дженнифер Доннелли

Чайная роза

«Азбука-Аттикус»

2002

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Доннелли Д.

Чайная роза / Д. Доннелли — «Азбука-Аттикус», 2002 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-18485-5

1888 год. Восточный Лондон – это город в городе. Место теней и света; место, где воры и шлюхи соседствуют с мечтателями; где днем дети играют на булыжных мостовых, а ночью по ним крадется убийца; где светлые надежды сталкиваются с мрачной действительностью. Здесь, под шепот волн Темзы, Фиона Финнеган, работница чайной фабрики, мечтает однажды открыть свой магазин вместе с Джо Бристоу, сыном рыночного торговца, которого она знает и любит с детства. Движимые верой друг в друга, Фиона и Джо ведут повседневное сражение с жизнью, экономят на всем и терпят лишения; и всё во имя осуществления их мечты. Но привычная жизнь Фионы разлетается вдребезги, когда действия темного и жестокого человека отнимают у нее почти всё и всех, кого она любила и кто служил ей опорой. Опасаясь за свою жизнь, Фиона вынуждена бежать из Лондона в Нью-Йорк. Там, благодаря упорству и неукротимому духу, она поднимается от хозяйки скромного магазина в Вест-Сайде до владелицы процветающей чайной компании. Но призраки прошлого не дают ей покоя, и чтобы разобраться с ними, Фиона возвращается в Лондон. Смертельная схватка с ее прошлым становится ключом к ее будущему. Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-18485-5

© Доннелли Д., 2002
© Азбука-Аттикус, 2002

Содержание

Пролог	7
Часть первая	10
Глава 1	11
Глава 2	28
Глава 3	37
Глава 4	40
Глава 5	46
Глава 6	49
Глава 7	59
Глава 8	65
Глава 9	79
Глава 10	85
Глава 11	89
Глава 12	93
Глава 13	98
Глава 14	106
Глава 15	109
Глава 16	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Дженнифер Доннелли Чайная роза

Jennifer Donnelly

THE TEA ROSE

Copyright © 2002 by Jennifer Donnelly

Published by arrangement with St. Martin's Publishing Group

All rights reserved

thebigbook.

Серия «The Big Book»

Перевод с английского Игоря Иванова

Оформление обложки Ильи Кучмы

© И. Б. Иванов, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Дугласу,
моему синеглазому мальчику*

*У всех цветов хранится свет в глубинах их корней.
Теодор Рётке*

Пролог

Лондон, август 1888 года

Уайтчепельская шлюха Полли Николс была глубоко благодарна существованию джина. Джин ей помогал, лечил, утолял голод и прогонял озноб из костей. Джин унимал боль в ее гнилых зубах и другую боль, что была пронзительнее зубной и терзала Полли всякий раз, когда она справляла малую нужду. Этот волшебный напиток дарил ей блаженство, едва ли доступное другим. Джин успокаивал и утешал ее.

Пьяно покачиваясь в темноте переулка, Полли поднесла бутылку к губам, жадно переливая в себя содержимое. Спиртное обжигало как огонь. Полли закашлялась, бутылка выскользнула из пальцев и вдребезги разбилась. Полли досадливо выругалась.

Вдали послышался звон часов церкви Христа. Пелена густеющего тумана делала его тише и глуше. Два часа ночи. Полли сунула руку в карман кофты и нащупала монеты. Всего пару часов назад она сидела на кухне ночлежки на Трол-стрит без гроша в кармане. Там-то к ней и пристал подручный хозяина, требуя четыре пенса. Узнав, что денег у нее нет, этот прохвост вытолкнул ее на улицу. Полли ругалась и кричала, просила оставить койку за ней, обещая добыть деньги и заплатить за постой. Вообще-то, она их уже заработала, но успела пропить. За три раза, а может – за четыре.

– Ну что, подонок? Я их добыла, – бормотала она. – Не верил мне? А я добыла твои вшивые четыре пенса и чудненькую бутылочку.

Деньги и джин Полли обнаружила в брючных карманах одинокого пьянчуги, попавшего ей на Уайтчепел-роуд. Сразу он на нее не клюнул, пришлось немного помочь. В сорок два у тебя уже не такая мордашка, чтобы мужчины заглядывались. У нее не хватало двух передних зубов, а толстый курносый нос был сплюснен у переносицы, как у кулачных бойцов. Но большая грудь Полли еще не потеряла упругости, на что пьянчуга и попался. Полли вытребовала себе право вначале глотнуть его джина. Волшебная жидкость ее преобразит: в горле станет тепло, она приободрится, нос задерет. Запах джина перебьет смесь пива с луком, которой разило от пьянчуги. Держа бутылку в одной руке, другой Полли расстегнула камисоль. Пока владелец бутылки щупал и мял ей грудь, Полли незаметно сунула бутылку себе в карман. Все остальное он проделывал медленно и неуклюже. Полли едва дождалась, когда он отлепится и побредет дальше.

«Бог свидетель, ничто не сравнится с джином», – думала Полли, улыбаясь своему везению. Ощущать тяжесть бутылки в руках, прильнуть губами к стеклянному горлышку и чувствовать, как забористая голубая смерть жарким потоком льется тебе в глотку. Такое блаженство и сравнить-то не с чем. А ведь бутылочка-то была почти полной. Не какой-нибудь жалкий грошовый глоток. Улыбка Полли была недолгой и погасла при мысли, что ей до жути хочется еще джина. Она пила весь прошедший день и знала, что ее ждет, когда блаженное состояние закончится. Рвота, дрожь, а еще она снова увидит юрких черных существ, скалящихся на нее из трещин в стенах ночлежки, и услышит их невнятное бормотание. Это было куда сквернее дрожи и рвоты.

Послунив правую ладонь, Полли приладила волосы. Затем взялась за грязные тесемки камисоли и кое-как их завязала. Застегнув пуговицы, Полли выбралась из переулка и двинулась по Бакс-роу, напевая скрипучим, хрипловатым от джина голосом:

От невзгод не убережешься,
У судьбины свой каприз.
Что, милоч, об этом петься?

Нынче вверх, а завтра – вниз...

На углу Бакс-роу и Брейди-стрит она вдруг остановилась. У нее затуманилось зрение. В голове зажуужало. Казалось, рядом кружит рой мух.

– Допилась, подруга, до чертиков! – застонала Полли.

Она подняла руки, обнаружив, что они дрожат. Полли наглухо застегнула кофту и зашагала быстрее. Ей требовалась новая порция джина, и как можно скорее. Она шла опустив голову. Мужчину, стоявшего неподалеку, она заметила в последнюю секунду, едва не налетев на него.

– Вот те на! – воскликнула Полли. – С какой адской сковородки ты соскочил?

– Согласна? – взглянув на нее, спросил мужчина.

– Не-а, мил человек. Нездоровится мне. Спокойной ночи.

Полли собралась уйти, но мужчина схватил ее за руку. Она повернулась, готовая ударить его другой рукой, и тут ее взгляд упал на шиллинг, зажатый между большим и указательным пальцем.

– О, недурное лекарство, – сказала Полли.

На его шиллинг и те четыре пенса она купит выпивку и крышу над головой. Этого хватит на сегодня, завтра и послезавтра. Как бы паршиво ей сейчас ни было, глупо отмахиваться от такого улова.

Полли и ее клиент молча двинулись в обратном направлении. Они шли мимо полуразвалившихся домов и высоких кирпичных складских зданий. Мужчина шагал быстро и уверенно. Чтобы поспевать за ним, Полли почти бежала. Судя по дорогой одежде, деньжата у него водились. Поди, и красивенькие часики в кармашке тикают. Его карманы она проверит потом, когда у него будет только одно на уме.

В конце Бакс-роу, возле входа на конюшенный двор, мужчина вдруг остановился.

– Не здесь, – морща нос, возразила Полли. – Идем к слесарням... отсюда недалеко.

– И здесь сгодится, – ответил мужчина, прижимая ее к двум ржавым листам железа, скрепленным висячим замком на цепи.

Это были ворота конюшенного двора.

Их окружала темнота, но от лица мужчины исходило странное свечение. Может, потому, что лицо бледное? Его черные глаза смотрели холодно. От одного их вида к горлу Полли подступила тошнота. «Боженька, сделай так, чтобы меня не вывернуло!» – мысленно взмолилась она. Только не здесь и не сейчас, иначе не видать ей шиллинга. Полли заставила себя дышать поглубже, веля тошноте убраться подальше. Вместе с воздухом она вдыхала запахи клиента: макасаровое масло, пот и что-то еще... Чем это от него пахнет? Чаем. Треклятым чаем!

– Могу и здесь, – ответила Полли на его слова.

Она задрала подол, устало глядя на клиента и ожидая, когда он начнет делать свое дело.

Черные глаза зло сверкнули, будто две масляные лужицы.

– Грязная сука! – процедил он.

– Э, голубок, давай без грубостей. И не рассусоливай, а то некогда мне... Чё оробел? Пособить?

Полли потянулась к нему. Мужчина шлепнул ее по руке:

– Ты всерьез думала, что спрячешься от меня?

– Эй, красавец, так ты будешь... – начала Полли.

Она не договорила. Мужчина вдруг схватил ее за горло и ударил о ворота.

– Убирайся! – закричала Полли, молотя по нему кулаками.

Он еще сильнее сдавил ей горло.

– Ты бросила нас, – сказал он; его глаза пылали ненавистью. – Бросила ради крыс.

– Сжался! – прохрипела Полли. – Пощади, не калечь меня! Не знаю я ни про каких крыс. Клянусь... я...

– Врешь!

Полли не видела, как он выхватил нож. Она не успела вскрикнуть. Лезвие вонзилось ей в живот, прокалывая и разрывая внутренности. Мужчина быстро вытащил нож. Полли тихо застонала. Она смотрела на лезвие и не верила, что все это происходит с ней. Она выпучила глаза. Открытый рот напоминал большую круглую букву «О». Полли медленно и осторожно коснулась раны. Ее пальцы стали ярко-красными.

Она подняла глаза на убийцу и заглянула в лицо безумию. Из горла вырвался отчаянный, испуганный вопль. Взмахнув ножом, убийца ударил ее в горло. У Полли подогнулись колени. Ее окутала тьма и потащила в густой, удушающий туман – туман, который был глубже Темзы и чернее лондонской ночи. В нем сгинула ее душа.

Часть первая

Глава 1

Опьяняющий запах индийских чайных листьев – черных, хрустящих, отдающих солодом. Он наплывал со стороны шестиэтажного склада Оливера на северном берегу Темзы и достигал каменных ступеней Старой лестницы, которая находилась в Уоппинге и вела от извилистой, мощенной булыжником Хай-стрит к воде. Терпкий аромат чая перебивал все остальные запахи доков: зловоние прибрежного ила, солоноватый запах воды и теплые перемешанные ароматы корицы, перца и мускатного ореха, прорывающиеся со складов пряностей.

Фиона Финнеган закрыла глаза, глубоко втянув воздух.

– «Ассам», – сказала она себе. – «Дарджилинг» пахнет послабее, а «дуарс» не такой яркий.

Мистер Минтон, надсмотрщик на чайной фабрике Бертона, говорил, что у нее чутье на чай. Ему нравилось устраивать ей проверки: поднесет горсть листьев к ее носу и заставит назвать сорт. Фиона всегда называла правильно.

Чутье на чай. Может, и так. «А уж руки и впрямь для этой работы», – думала она, глядя на свои огрубелые руки. Чайная пыль въелась ей в костяшки, обосновалась под ногтями. Добро бы только там. Пыль была везде: в волосах, в ушах, под воротником. Подолом платья Фиона попыталась оттереть руки. Бесплезное занятие. Она вздохнула. Впервые за долгие часы ей удалось присесть. Из дому она уходила затемно, в половине седьмого. На кухне еще горела лампа, а улицы Уайтчепела тонули в сумраке.

Через пятнадцать минут она уже была на чайной фабрике. Мистер Минтон встретил ее у двери и велел в начале каждого часа готовить полуфунтовые жестяные банки для остальных упаковщиц. Вчера купажисты, работающие на верхних этажах, смешали две тонны чая «Эрл Грей», а к сегодняшнему полудню их нужно развесить и упаковать. За пять часов работы пятидесяти пяти девушкам предстояло упаковать восемь тысяч банок. На каждую банку отводилось по две минуты. Однако мистер Минтон считал две минуты непозволительно большим расходом времени. Он ходил между столами, останавливаясь за спиной каждой девчонки. Подгонял, стыдил за медлительность, грозил уволить, если не будет шевелиться. И все ради нескольких секунд, сэкономленных на каждой банке.

По субботам работали вполсилы меньше, но и это время казалось бесконечным. Минтон выжимал из Фионы и остальных упаковщиц все соки. Конечно, надсмотрщик не виноват. Он лишь выполняет приказы самого Бертона. Фиона подозревала, что хозяин ненавидел закон, обязывающий его предоставлять работникам полувыходной день, и потому заставлял их помучиться. Перерывов по субботам не было. Все пять долгих часов упаковщицы проводили на ногах. Фиона считала удачей, если ее ноги просто деревенели. Хуже, если в них появлялась тягучая боль, начинавшаяся с лодыжек и добиравшаяся до спины. Но убийственнее всего был отупляюще монотонный характер их работы: наклеить этикетку на банку, отвесить чай, наполнить банку, запечатать ее и поставить в ящик, после чего все повторялось. На ясный, живой ум, каким обладала Фиона, монотонность действовала губительно. Бывали дни вроде сегодняшнего, когда она думала, что сойдет с ума, когда казалось, что ей уже не выбраться из этого ада. Может, все ее жертвы напрасны, а большие планы никогда не осуществляются?

Фиона вытащила шпильки из тяжелого пучка на затылке и распустила волосы. Потом расшнуровала и сбросила сапоги, сняла чулки и вытянула длинные ноги. Они и сейчас еще болели от многочасового стояния. Прогулка к реке ничуть им не помогла. В мозгу зазвучал материнский упрек: «Девочка моя, будь у тебя хоть капелька соображения, ты бы не шлялась по берегу, а сразу вернулась домой и легла отдохнуть».

«Как можно не пойти на реку?» – удивлялась Фиона. Она смотрела на Темзу, серебрившуюся в лучах августовского солнца. Кто откажет себе в таком удовольствии? Бойкие речные

волны ударялись об основание Старой лестницы, обдавая Фиону брызгами. Она смотрела, как волны подбираются к ней. Может, река хотела прикоснуться к пальцам ее ног, покружиться вокруг лодыжек, увлечь в манящие воды и унести далеко-далеко? Ах, если бы она смогла отправиться вслед за водой!

Фиона смотрела на неутомимую воду и ощущала, как Темза вымывает из нее усталость. Она сильно устала за неделю. Свидетельство тому – темные круги под ее лучистыми глазами и болезненная скованность в молодом теле. Но сейчас все это уходило, сменяясь ликованием. Река восстанавливала Фиону. Со слов других она знала, что к западу от Уоппинга находится Сити – центр торговли, место, где расположены правительственные здания. Сити называли сердцем Лондона. Если это правда, тогда Темза – его кровь. При виде речных красот сердце Фионы билось учащеннее.

Темза представлялась Фионе средоточием всего красивого и волнующего, что было в мире. Вверх по реке поднимались корабли. Их трюмы были заполнены товарами со всех уголков необъятной Британской империи. Фиона смотрела на них, не переставая удивляться. Сегодня Темза напоминала оживленную улицу с непрерывным движением. Воды разрезали маленькие юркие ялики и лихтеры, причаливая к большим судам, стоящим на якоре. Эти лодки служили паромами, подвозя и увозя людей. Массивный пароход был полон решимости освободить себе путь и буквально отпихивал судно поменьше. Старенький траулер, ловивший треску в ледяных водах Северного моря, попыхивал трубой, держа курс к Биллингсгейту. Вверх и вниз по реке сновали баржи, требуя друг от друга уступить место. Они приставали к берегу, выгружая где тонну мускатных орехов, где мешки кофе и бочки с патокой. Шерсть, вино, виски. Тюки с табаком. И нескончаемые ящики с чаем.

Куда ни глянь – повсюду купцы. Они стояли на свайных причалах, разговаривая с капитанами, двигались между ящиками, бочками и штабелями поддонов. Торопливые, властного вида. Едва корабль приставал к берегу, они спешили сюда из Сити – проверять свои товары. Купцы приезжали в экипажах, и у каждого – трость, хотя они и не хромали. Они шелкали золотыми крышками карманных часов. А их руки! Белые, ухоженные. Фионе с трудом верилось, что у мужчин могут быть такие руки. Купцы носили сюртуки и цилиндры. Вокруг них суетились клерки с конторскими книгами. Те всюду совали свой нос, морщили лоб и что-то помещали в книги. Купцы представлялись Фионе алхимиками, способными превращать обычные товары в золото. Ей отчаянно хотелось войти в их круг.

Фиону не заботило, что предпринимательство – не женское занятие и уж тем более не для девчонок с окрестных улиц. Мать не уставала напоминать ей об этом. Девчонки с окрестных улиц учились стряпать, шить и вести хозяйство, чтобы найти мужей, которые будут их обеспечивать не хуже родных отцов. «Глупость!» – так отзывалась мать о ее мечтах, советуя дочери поменьше торчать на реке. Лучше бы песочное тесто делать научилась. А вот па не считал ее мечты глупыми. «Надо мечтать, Фи, – говорил он. – Если мечты исчезнут – сразу топай к гробовщику. Без них ты все равно что покойница».

Завороженная рекой, Фиона не услышала шагов. К Старой лестнице подошел парень. Он стоял и улыбался, глядя на Фиону и не решаясь ее потревожить. Потом он обнаружит свое присутствие, а пока ему хотелось полюбоваться ее стройной фигурой. Фиона сидела, прямая как струна, в окружении замшелых камней и черной полосы речного ила.

– Ку-ии, – тихо позвал парень.

Фиона обернулась. Увидев его, она просияла. С лица ненадолго исчезло привычное выражение решимости и целеустремленности. Эту решимость видели все. Соседские женщины охали, вздыхали и шептались у нее за спиной, говоря, что такое лицо намекает на сильную волю. А сильная воля – сплошная беда. Не найдет эта девчонка мужа. Парням такое не нравится. Им покладистых девок подавай.

Но этот парень совсем не возражал против волевого лица. И блестящие черные волосы, обрамлявшие ее лицо и ниспадавшие на плечи, ему тоже нравились, равно как и сапфировые глаза, горящие ярко-синим огнем.

– Раненько ты сегодня, Джо, – улыбаясь, сказала ему Фиона.

– Угу. – Парень быстро спустился и сел с ней рядом. – Мы с отцом сегодня без канители затарились на Спитафилдсе. Торговец овощами простыл. Так сильно прихватило, что даже торговаться не мог. А потому два ближайших часика – мои. Держи, – добавил он, подавая Фионе цветок. – Нашел, когда выезжали с рынка.

– Роза! – воскликнула Фиона. – Ой, спасибо!

Розы стоили дорого. Джо мог лишь иногда позволить себе раскошелиться на них. Фиона коснулась ярко-красными лепестками щеки, потом засунула цветок за ухо.

– Как с нашими денежками? Сколько накапало за эту неделю? – спросила Фиона.

– Двенадцать фунтов, один шиллинг и шесть пенсов.

– Добавь к ним, – сказала она, доставая из кармана монету. – Получится двенадцать фунтов и два шиллинга.

– Оставь себе. Поди, опять сэкономила на еде, чтобы скопить?

– Нет.

– Фи, я не шучу. Я рассержусь, если ты...

– Я же сказала тебе, что не голодала! – вспыхнула Фиона, сменив тему разговора. – Совсем скоро у нас будет пятнадцать фунтов, потом двадцать, а дальше – двадцать пять. Будет ведь?

– А то! Мы так быстро копим. Еще годик – и у нас наберется двадцать пять фунтов. Хватит на аренду за три месяца и первый запас сделать.

– Целый год, – вздохнула Фиона. – Вроде как вечность.

– Дорогуша, год мигом пролетит, – сказал Джо, сжимая ее руку. – Это пока тяжело. Откроем первый магазин, а через полгода денег хватит и на второй. Потом на третий. Не заметим, как целой сетью обзаведемся. Деньгу зашибать начнем только так.

– Мы разбогатеем! – воскликнула Фиона, и ее лицо снова осветилось.

– Не сразу, конечно! – засмеялся Джо. – Но однажды мы станем богатыми. Обещаю тебе, Фи.

Улыбающаяся Фиона обхватила колени, подтянув их к груди. «Год – совсем недолго. Не заметишь, как пролетит», – мысленно твердила она. Особенно если вспомнить, как давно они мечтают о своем магазине. Очень давно, с самого детства. Мечты оставались мечтами, пока два года назад они не начали откладывать деньги в старую жестяную банку из-под какао. Джо прятал банку у себя под кроватью. Туда складывались все деньги: выкроенные из жалованья обоих, полученные на Рождество и дни рождения. Даже несколько фартиггов, найденных на улице. Монеты незаметно накапливались, и теперь у них было двенадцать фунтов и два шиллинга. Целое состояние.

Год за годом они с Джо рисовали в воображении картину их магазина, оттачивая детали и добавляя сочные мазки. Эта картина стала настолько реальной, что, едва Фиона закрывала глаза, ее ноздри улавливали запах чая в кладовой. Ее рука скользила по гладкому дубовому прилавку. У входной двери тренькал медный колокольчик, возвещая об очередном покупателе. Их магазин будет светлым и безупречно чистым, не похожим на жалкие лавчонки. Настоящий красавец с такими потрясающими витринами, что люди просто не смогут пройти мимо. «Пойми, Фи: все зависит от умения показать товар, – постоянно говорил Джо. – Красивая выкладка – вот что привлекает покупателей».

Их магазин будет пользоваться успехом. В этом Фиона не сомневалась. Джо вырос в семье лоточника и знал все, что необходимо знать о торговле. По сути, он и рос на отцовской тележке, посаженный в корзину и окруженный репой и картошкой. Выкрикивать «Покупайте мою див-

ную петрушку-у!» он научился раньше, чем произносить свое имя. С его знанием торговли и при их общем усердном труде они просто не могли потерпеть неудачу.

Джо смотрел на реку. Фиона смотрела на него и думала: «Наш магазин. Только наш». Глазами она ласкала его лицо, наслаждаясь каждой черточкой: очертанием сильного подбородка, щетиной песочного цвета, покрывающей щеки, тоненьким шрамом над глазом. Это лицо она знала не хуже собственного. Джо Бристоу всегда был и всегда будет частью ее жизни. Они выросли на одной улице, грязной и убогой. Джо жил через дом от них. В детстве они вместе играли, вместе бродили по Уайтчепелу, утешая друг друга после родительских наказаний и душевных горестей.

В детстве у них были общие монетки и лакомства. Сейчас – общие мечты. А вскоре их ждет совместная жизнь. Они с Джо поженятся. Конечно, не сразу. Фионе было всего семнадцать. Отец твердил, что ей еще рано выходить замуж. Но на следующий год ей исполнится восемнадцать, а Джо – двадцать. У них будут сбережения и великолепные перспективы.

Фиона встала со ступенек и прыгнула на каменную площадку. Ее тело звенело от радостного возбуждения. Подбежав к воде, она набрала горсть камешков и начала метать их, стараясь бросить как можно дальше. Исчерпав запас, она повернулась к Джо. Тот по-прежнему сидел на ступеньках, наблюдая за ней.

– Однажды наше дело разрастется и станет громадным, как Темза! – крикнула Фиона, широко раскидывая руки. – Мы превзойдем «Уайт» и «Сейнсбери». И «Хэрродс» тоже превзойдем.

Фиона ненадолго замерла, оглядывая склады на этом берегу и причалы на противоположном. Посмотреть на нее – худенькая, хрупкая девчонка у кромки воды. Размечталась и не заметила, как запачкала низ подола в речном иле. Но стоило Джо заглянуть в ее глаза – и все менялось. В каждом ее движении и жесте ощущалась сила, соединенная с честолюбием. Весь ее облик дышал силой: от выпяченного подбородка до огрубелых рабочих рук, сжатых в кулаки, словно кто-то бросал ей вызов.

– Мы станем настолько могущественными, – продолжала она, – что все эти торгаши будут лезть из кожи вон, только бы продать нам свои товары. Откроем десять магазинов в Лондоне... нет, двадцать... И еще – по всей стране. В Лидсе, Ливерпуле, Брайтоне, Бристоле, Бирмингеме и... – Поймав взгляд Джо, она вдруг замолчала и застенчиво спросила: – Чего это ты так смотришь на меня?

– Какая ж ты чудная девушка!

– Неправда!

– Правда. Ты самая потрясающая из всех девушек, каких я видел. По смелости ты многих парней обскачешь. – Джо откинулся назад, уперся локтями в ступеньку и с восхищением посмотрел на Фиону. – Может, ты и не девчонка вовсе, а переодетый парень.

– Может, и так, – улыбнулась Фиона. – Может, спустишься и проверишь?

Джо встал. Фиона, настроенная проказничать, побежала вдоль берега. Хруст камешков подсказывал, что Джо прыгнул вниз и теперь догонял ее. Догнав, он схватил Фиону за руку. Она радостно завизжала.

– Бегаешь ты по-девчоночьи. – Джо притянул ее к себе и с нарочитой пристальностью стал разглядывать лицо. – Да и лицо слишком красивое. У парней таких не бывает. Думаю, ты все-таки девчонка.

– Так ты думаешь или уверен?

– Хм... Конечно, могу и ошибаться. Надо проверить...

Его пальцы коснулись щеки Фионы. Джо с исключительной нежностью запрокинул ей подбородок и поцеловал в губы, раздвинув их языком. Фиона закрыла глаза, наслаждаясь его поцелуем. Она знала, что не вправе позволять Джо такие вольности, пока они не поженились. Если на исповеди она расскажет отцу Дигану, он велит ей дюжину раз прочесть «Аве Мария»,

а если об этом узнает ее па... шкуру спустит живьем. Но как прекрасно было чувствовать губы Джо! Его язык был точно бархатный. А как вкусно пахла его кожа, разогретая послеполуденным солнцем! Не успев даже подумать, Фиона встала на цыпочки, обняла Джо за шею и наградила ответным поцелуем. Она крепко прижалась к нему, ощущая спиной его сильные руки.

Их объятие было прервано свистом и улюлюканьем. Мимо проплывала баржа, недавно вышедшая из ворот Уоппинга и державшая курс к одному из близлежащих причалов. Команда потешалась зрелищем целующейся парочки.

Лицо Фионы стало свекольного цвета. Она потащила Джо в лабиринт свай, там они и прятались, пока баржа не отошла на достаточное расстояние. Где-то ударил церковный колокол, сообщая время. Фиона спохватилась. Надо спешить домой, помогать матери с обедом. Да и Джо пора возвращаться на рынок. Поцеловавшись в последний раз, они вернулись к Старой лестнице. Фиона торопливо натянула чулки, затем обулась и едва не споткнулась о собственный подол.

Приготовившись уйти, она бросила прощальный взгляд на реку. Вернуться сюда она сможет только через неделю. Целую неделю ей придется вставать затемно и тащиться на фабрику Бертона, а затем, разминая усталые ноги, возвращаться домой, где ее всегда ждали нескончаемые домашние дела. Сейчас все это казалось Фионе пустяком. Еще год – и она распрощается с жизнью фабричной работницы. На волнах вздымались и изгибались клочья белой пены, а сами волны танцевали. Может, ей это только кажется или Темза и впрямь плясала, радуясь за них обоих?

«А с чего бы Темзе не радоваться?» – с улыбкой подумала Фиона. Они с Джо любят друг друга. У них есть двенадцать фунтов, два шиллинга и мечта. Что им Бертон и мрачные, тоскливые улицы Уайтчепела?! Еще год – и мир будет принадлежать им. В тот момент Фионе казалось, что все возможно.

– Пэдди! Пэдди, который час? – спросила мужа Кейт Финнеган.

Поглощенный чтением газеты, он лишь что-то пробурчал.

– Пэдди, я тебя про время спрашиваю, – нетерпеливо напомнила жена, держа в одной руке желтую миску, а в другой – венчик, которым взбивала содержимое миски.

– Кейт, дорогуша, ты меня уже спрашивала. – Вздохнув, Пэдди достал из кармана часы с помятой серебряной крышечкой. – Ровно два часа.

Кейт хмуро постучала венчиком по стенке миски, отряхивая проволочные лепестки от желтоватых шариков жидкого теста, после чего бросила венчик в раковину. Потом она взяла вилку и ткнула один из трех кусков баранины, жарившихся на сковороде. Брызнувший сок попал на почти раскаленную поверхность сковороды и мгновенно испарился. Убедившись, что мясо готово, Кейт переложила куски на тарелку и поставила в отделение для подогрева, которое находилось рядом с духовкой. Там уже стоял горшочек с луковой подливой. Кейт взяла связку колбасок и стала отрезать по одной, бросая на сковородку. Когда колбаски начали поджариваться, Кейт присела напротив мужа.

– Пэдди... – сказала она, легонько ударив по столу. – Пэдди!

Он взглянул вверх газеты и сразу же наткнулся на большие зеленые глаза жены.

– Да, Кейт. Чего тебе?

– Пора задать им нагоняй. Ишь взяли моду. Шляются самовольно, а ты – жди обеда. Да и я прохлаждаюсь и не знаю, когда запекать колбаски.

– Явятся с минуты на минуту. Можешь запекать. А если к их приходу все остынет, пусть на себя пеняют.

– Дело не только в обеде, – призналась Кейт. – Тут эти убийства начались, а наши шастают неведомо где.

– Ты никак думаешь, что Уайтчепельский Убийца рискнет появиться днем? Подкарауливает нашего крепыша Чарли? Если так, я ему не завидую. Ему и пары минут против нашего парня не продержаться. Даст деру и еще орать будет: «Караул! Убивают!» Да и наша Фиона – девка не промах. Помнишь, как она обошлась с этим дылдой Сидом Мэлоуном, когда тот попытался затащить ее в переулочек? Так въехала ему по носу, что сломала. А ведь Сид – здоровенный верзила. Раза в два ее шире.

– Да, но...

– Хватит кудахтать, Кейт! Тут опять статья Бена Тиллета. Этот парень создает рабочие союзы. Теперь вот задумал создать союз рабочих чайных складов. Ты послушай...

Кейт недовольно покосилась на мужа. Как в свою газету уткнется – глухой ко всему. Хоть крыша на доме загорись – рабочие союзы ему важнее. Чего бы там ни писали, Кейт не желала знать. Разговоры о союзах вызывали у нее беспокойство, а разговоры о забастовках откровенно пугали. Когда у тебя муж, четверо детей и жилец и всех надо кормить, тут только успевай поворачиваться, чтобы сводить концы с концами. Кейт это удавалось, но с трудом. Если какие-то умники затеют забастовку, ее семья будет голодать. И вдобавок, словно ей и так мало хлопот, еще этот убийца разгуливает по ночам. Уайтчепел и так был небезопасным районом. Тут обитала взрывная смесь кокни, ирландцев, поляков, русских, китайцев и бог еще знает кого. Богатых не было. Большинство корячилось на тяжелых работах. Пьющих среди них было много. Преступлений тоже хватало, но в основном воровства. Случалось, что ворье поубивает друг друга или кого в пьяной драке зашибут, но никто и никогда не полосовал женщин.

Пэдди продолжал читать. Кейт вернулась к плите и потыкала вилкой колбаски, шипящие в липком слое жира. Взяв миску с тестом, она вылила содержимое на сковородку, накрыв колбаски. Тесто тоже зашипело и быстро разлилось по всей сковороде, начав пениться и пузыриться. Кейт улыбнулась. Тесто получилось воздушным и быстро приобрело коричневый оттенок. Весь секрет был в чашке эля, добавляемой в тесто. Поставив сковороду в духовку, Кейт занялась сварившейся картошкой, которую требовалось превратить в пюре. Пока она орудовала толкушкой, громко хлопнула входная дверь. В коридоре послышались быстрые, легкие шаги дочери.

– Привет, ма! Привет, па! – весело поздоровалась Фиона.

Подойдя к полке, она взяла старую коробку из-под чая и опустила туда свое недельное жалованье за вычетом шестипенсовика.

– Привет, дорогуша, – ответила Кейт, поднимая голову от кастрюли.

Из-за газеты донеслось отцовское приветствие.

С крюка возле двери черного хода Фиона сдернула фартук, завязала на ощупь и нагнулась проведать малышку Айлин. Сестренка спала в корзине возле очага. Потом настал черед ее четырехлетнего братишки Шеймуса. Тот сидел на ковре и играл с бельевыми прищепками, заменявшими ему солдатиков. Фиона поцеловала брата:

– А теперь, Шейми, поцелуй старшую сестру.

Рыжеволосый мальчишка проказливо улыбнулся, приложил губы к щеке Фионы и вдруг издал громкий пукающий звук.

– Шейми! – воскликнула Фиона, вытирая щеку. – Отвратительная шутка! Кто тебя этому научил?

– Чарли!

– Тогда понятно... Ма, чем тебе помочь?

– Хлеб нарежь. Потом стол накроешь. Чай заварить. И принеси своему па его портер.

– Па, что нового? – взявшись за работу, спросила Фиона.

Пэдди опустил газету:

– Рабочий союз. Численность растет с каждым днем. Вскоре и уопингские парни вступят в него. Попомни мои слова: до конца года обязательно будет забастовка. В рабочих союзах – спасение рабочего класса.

– И чего добьются эти союзы? Прибавки в один пенс за час работы, чтобы мы дошли с голоду помедленнее, а не все разом?

– Фиона, не начинай... – предостерегла дочь Кейт.

– Хорошенькая позиция. Небось Джо Бристоу тебе голову замутил антирабочими идеями? Все они одинаковы, эти лоточники. Независимые слишком. А на своих братьев наплевать.

– У меня и без Джо идей хватает. Я вовсе не против рабочих союзов. Но у меня свой путь в жизни. А кто ждет, когда хозяева фабрик и причалов согласятся с требованиями разношерстной толпы членов этих союзов... долго им еще ждать.

Пэдди хмуро покачал головой:

– Тебе тоже не мешало бы вступить в союз, платить взносы, отчислять с жалованья на дело всеобщего блага. Иначе ты уподобляешься нашим хозяевам.

– Ошибаешься, па! Я им не уподобляюсь! – запальчиво возразила Фиона. – Наравне с тобой работаю по шесть дней в неделю. Согласна: жизнь рабочих должна быть получше нынешней. Двумя руками за. Вот только не собираюсь я сидеть на заднице и ждать, пока Бен Тиллет мне все это создаст.

– Фиона, за язычком последи, – бросила дочери Кейт, одновременно проверяя, как запекаются колбаски.

– Па, ты никак всерьез думаешь, что Уильям Бертон позволит всем, кто на него работает, вступить в союз? – продолжила Фиона, не обращая внимания на материнский упрек. – Ты ж на него корячишься и не хуже моего знаешь, что он за человек. Кора на старом дереве и та мягче. Ему бы побольше денежек под себя сгрести. Будет он с вами делиться, жди!

– Эх, девка, простых вещей не понимаешь! – с досадой воскликнул Пэдди и даже сутулиться перестал. – Само ничего не происходит. Кто-то где-то должен начать. Сначала ходишь на собрания, рассказываешь про союз, убеждаешь всех, кто работает на Бертона, туда вступить. Парней на причалах, фабричных девчонок. Бертон увидит, что взят в кольцо, и как миленький примет наши требования. Поначалу согласится на малые уступки, а там и больших добьемся. Слыхала про работниц спичечной фабрики Брайанта и Мэя? Не стало у них терпежа. Работали в жутких условиях. Так их еще и штрафами обложили. Перекинулась словом с соседкой – штраф. Отлучилась нужду справить – тоже. Вот и забастовали. Неделю фабрика стояла. Потом другую, третью. Представь себе, победили! Добились своего. А вроде бы слабые женщины. Пригрозить увольнением – и не пикнут. Попомни мои слова, Фиона: сила – в численности. Союзы спасут и грузчиков, и весь остальной рабочий класс.

– Я не против спасения рабочего класса, – ответила Фиона. – Я просто хочу держаться подальше от всяких союзов.

Пэдди с силой хватил кулаком по столу. Жена и дочь даже подпрыгнули.

– Довольно! – загремел он. – Не позволю у себя в доме хаять рабочий класс!

Гневно сверкая глазами, он стал шумно расправлять сгибы на газете.

Фиона кипела не меньше отца, но чутье подсказывало: дальше возражать ему опасно.

Пожав плечами, словно они говорили о пустяках, она принялась накрывать на стол. Но Кейт было не обмануть. Она видела, что Пэдди разозлил дочку. Сама виновата. Пора бы научиться держать язык за зубами. Пэдди всегда говорил, что дети должны жить своим умом, и вроде бы даже это поощрял. На словах. А на самом деле он не отличался от всех прочих отцов и предпочитал, чтобы дети думали, как он.

Кейт украдкой взглянула на мужа и дочь. «Боже милостивый, до чего ж они похожи!» – подумала она. Одинаковые волосы цвета воронова крыла, одинаковые синие глаза и упрямые

подбородки. Оба напичканы великими идеями. Ирландское наследие. Мечтатели. Пэдди вечно мечтает о счастливом завтра, когда капиталисты покаются в своих злодеяниях. Ну да, бывает, что и корова летает. И девка вся в отца. Ишь, свой магазин у нее будет. А она знает, сколько потов пролить надо, прежде чем торговля доход приносить начнет? Так она ж умнее всех. Слушать ничего не желает. С самого рождения такая. Самоуверенная.

Старшая дочь доставляла Кейт немало хлопот. Ее пугала прямолинейность Фионы и особенно – целеустремленность, смешанная с упрямством. Сердце Кейт защемило от желания уберечь дочку от бед и хоть как-то вразумить. Многие ли здешние девчонки мечтают открыть свой магазин? А вдруг Фиона осуществит свою давнюю мечту, откроет магазин и с треском разорится? Это же ей сердце разобьет. Потом всю жизнь будет горевать на осколках мечтаний. Может, поймет, что совсем не о том надо было мечтать, да только время не воротишь.

Кейт часто делилась своими опасениями с мужем, но Пэдди гордился, что старшая дочь у него – огонь-девка, и всегда отвечал: «У Фионы есть характер. Это же здорово». Здорово? Кейт знала, чем оборачивается характер для девушек и женщин. Таких первыми увольняли с работы, а дома следствием характера был синяк под глазом, полученный от мужа. И что толку в характере, если мир только и ждет, когда жизнь тебя сломает и втопчет в грязь? Кейт вздохнула: тяжело, протяжно, по-матерински. Ответы на все эти вопросы обождут. Пора обедать.

– Фиона, а где твой брат? – спросила Кейт.

– Пошел уголь собирать возле газового завода. Говорил, продаст миссис Маккаллум. А то ей дорого купить у угольщиков.

– Наш парень по части заработка денег изворотливее Английского банка. Он бы и дерьмо собирал, если бы платили по фартингу за кучку, – отозвался Пэдди.

– Хватит! – взвилась Кейт. – Здесь моя кухня, а не сточная канава. Фиона, доставай подливу.

Снаружи послышался скрип колес. Хлопнула входная дверь, и колеса закрипели в коридоре. Вернулся Чарли со своей деревянной тележкой.

Малыш Шейми наострил уши.

– Уайтчепельский Убийца! – радостно закричал он.

Кейт нахмурилась. Ей очень не нравилась отвратительная игра, с недавних пор затеянная сыновьями.

– Да, малыш, – донесся из коридора замогильный голос. – Это Уайтчепельский Убийца, хозяин ночи. Он ищет шкодливых детишек.

Вслед за словами послышался злорадный смех. Вопя от страха и удовольствия, Шейми закрутился на пухлых ножках, ища, где бы спрятаться.

– Сюда, малыш! – шепнула братишке Фиона.

Она устроилась в кресле-качалке у очага, раскинув подол юбки. Шейми забрался ей под юбку, но забыл спрятать ноги. Чарли ввалился в кухню, продолжая злобно посмеиваться. Увидев ботиночки, торчащие из-под сестриной юбки, он расхохотался по-настоящему, нарушив игру.

– Эй, миссус¹, вы, случаем, не видели тут шкодливых мальчишек? – спросил у матери Чарли.

– Будет тебе, – сказала Кейт, отмахиваясь от сына. – Нечего братишку пугать.

– Он это любит, – прошептал Чарли, заставляя ее умолкнуть. – Шэээймииии, – елеиным голосом позвал он, – давай вылезай!

Чарли открыл дверь кухонного шкафа:

– Здесь нет. – Он заглянул под раковину. – И тут нет. – Тогда Чарли подошел к старшей сестре. – Может, ты где видела шкодливых мальчишек?

¹ Искаженное «миссис». – Здесь и далее примеч. перев.

– Один стоит передо мной, – ответила Фиона, расправляя подол.

– Так. А это что? Неужто это твои ноги торчат из-под юбки? Слишком уж маленькие для такой здоровенной жирной коровы, как ты. Дай-ка я их получше разгляжу... Ага!

Схватив Шейми за лодыжки, Чарли вытащил брата наружу. Шейми заверещал, а Чарли тут же принялся его щекотать чуть ли не до полусмерти.

– Полегче, Чарли! – предостерегла сына Кейт. – Дай ему отдышаться.

Чарли дал, но Шейми лягнул его в ногу, и щекотка возобновилась. Увидев, что малыш совсем обессилел, Чарли остановился и дружески потрепал его по голове. Шейми распластался на полу. Он тяжело дышал и с искренним обожанием смотрел на старшего брата. Чарли был центром его мироздания, его героем. Шейми обожал Чарли, ходил за ним по пятам и даже старался одеваться, как брат. Малыш просил мать повязывать ему тряпку на манер шейного платка Чарли, воображая себя солдатом брата. У самого Чарли платок был ярко-красного цвета. Среди парней это считалось модным. Чарли и Шейми пошли в мать, унаследовав рыжие волосы, зеленые глаза и веснушки.

Повесив куртку, Чарли достал из кармана горсть монет и высыпал в коробку из-под чая.

– Вот, ма. На этот раз побольше. За сверхурочное время.

– Спасибо, дорогуша. Я рада. Я все пытаюсь набрать на куртку для твоего па. В лавке Малфлина есть недурные куртки. Не новые, но еще крепкие. А то старую я уже чинить устала. Заплата на заплате.

Чарли плюхнулся за стол, схватил большой ломоть хлеба и принялся жадно уплетать. Пэдди взглянул поверх газеты, увидел, как сын ест, и шлепнул его по макушке:

– Обожди мать и сестру. И шляпу сними, когда ешь. Ты ж не в ночлежке.

– Фиона, усаживай Шейми, – распорядилась Кейт. – А где наш Родди? Неужто дрыхнет? Как обедом запахнет, он всегда просыпался. Чарли, крикни его.

Чарли прошел к лестнице:

– Дядя Роддии! Обедать!

Ответа не было. Тогда Чарли потопал наверх.

Фиона вымыла Шейми руки, усадила за стол, повязала салфетку и дала кусок хлеба, чтобы не мешал. Затем достала из шкафа и понесла к плите шесть тарелок. На три выложила по куску мяса, добавив картофельного пюре с подливой. Кейт вытащила из духовки сковороду, разделив запеченные колбаски на три порции и разложив по оставшимся трем тарелкам. Туда же пошли остатки пюре и подливы.

– Жаба в норке², – захихикал Шейми, глядя на хрустящие холмики испекшегося теста и голодными глазами пересчитывая кусочки колбасы, выглядывающие оттуда, словно стайка пугливых лягушек.

Мясо для мужчин. Для женщин и Шейми – колбаски в тесте. Кейт и Фионе даже в голову не приходило оспорить такой порядок вещей. Мужчины были кормильцами семьи. Мясо требовалось им для поддержания сил. Женщины и дети по субботам и воскресеньям ели бекон или колбаски. Конечно, если недельный заработок это позволял. Кейт за гроши стирала белье и гробила себя ничуть не меньше, до боли в суставах отжимая простыни и рубашки и поднимая тяжелые корзины. Фиона часами упаковывала чай, под конец смены не чувствуя ног. Однако все это не являлось основанием, чтобы менять устоявшуюся традицию. Заработки Пэдди и Чарли составляли львиную долю семейного бюджета. С этих денег платили за жилье, покупали одежду и большинство продуктов. Заработки Кейт и Фионы шли на оплату угля и хозяйственные нужды вроде сапожной ваксы, керосина и спичек. Если, не дай Бог, Пэдди и Чарли заболеют и потеряют работу, пострадает вся семья. Так было в каждом доме на каждой улице Восточного Лондона: мужчины питались мясом, а женщины – чем придется.

² Игра слов: в английском слово «toad» означает как «жаба», так и «колбаски, запеченные в тесте».

На лестнице снова слышались тяжелые шаги Чарли.

– Мам, его там нет, – сообщил Чарли, возвращаясь за стол. – И кровать не тронута.

Похоже, он сегодня не ночевал.

– Странно, – пробурчал Пэдди.

– Ну вот, теперь его обед остынет, – забеспокоилась Кейт. – Фиона, давай мне тарелку.

В духовку поставлю. Куда ж он подевался? Пэдди, а утром ты его видел?

– Я ведь ухожу раньше, чем он возвращается. Я никак не мог его видеть.

– Только бы с ним ничего не случилось, – вздохнула Кейт.

– Если бы случилось, мы бы уже знали, – спокойно отозвался Пэдди. – Чего зазря волноваться? Может, сменщик его заболел и Родди остался дежурить. Служба у него такая.

Родди О’Мира, жилец семейства Финнеган, не был их родственником, но дети все равно звали его дядей. Он вырос в Дублине вместе с Пэдди и Майклом, младшим братом Финнегана. Затем все трое перебрались в Ливерпуль, а оттуда в Лондон, обосновавшись в Уайтчепеле, где Пэдди и Родди пустили корни. Майкл отправился дальше – в Нью-Йорк. Всех детей Финнеганов Родди знал с самого рождения. Маленькая Фиона и Чарли любили качаться на его коленях. Родди спасал их от уличных забияк и бродячих псов, а вечерами, перед сном, когда вся семья сидела у очага, рассказывал страшные истории. Для них он был в большей степени дядей, чем Майкл, которого дети никогда не видели. Естественно, они обожали дядю Родди.

Кейт заварила чай и тоже села. Пэдди прочел молитву. Семья принялась за еду. Кейт смотрела на мужа и детей и улыбалась. Ели они молча. Значит, можно насладиться несколькими минутами покоя. Чарли жадно глотал обед. Он постоянно хотел есть. Он не был рослым, но к своим шестнадцати годам успел стать широкоплечим и коренастым. Нрава он был крутого и драчливого, походя на бультерьеров, которых держали соседи.

– Мам, а есть еще картошка? – спросил Чарли.

– На плите.

Он встал, добавив себе несколько картофелин. В это время хлопнула входная дверь.

– Родди, это ты? – крикнула Кейт. – Чарли, достань дядину тарелку...

Она не договорила, увидев вошедшего Родди. Фиона, Пэдди и даже Шейми прекратили есть и тоже уставились на него.

– Господи Иисусе! – воскликнул Пэдди. – Ты в каком аду побывал?

Родди О’Мира не ответил. Полицейский шлем он держал в руке. По расстегнутому мундиру тянулась ярко-красная полоса.

– Родди, дружище... скажи хоть слово, – насторожился Пэдди.

– Новое убийство, – наконец выдал из себя Родди. – На Бакс-роу. Женщину звали Полли Николс.

Пэдди выругался. Кейт тихо вскрикнула. Фиона и Чарли сидели с выпученными глазами.

– Она была еще теплая. Что он с ней сделал... вам и в страшном сне не приснится. Кровь... повсюду. Повсюду. Тело нашел рабочий. Шел на работу еще затемно. Смотрю, человек бежит и орет во все горло. Всех вокруг разбудил. Я отправился с ним... Горло перерезано. Тело вспорото, будто туша на бойне. Все, что успел съесть, вывернуло подчистую. Начало светать. Люди стали собираться. Я послал в отделение за подмогой. Когда наши подвалили, так уже бунт назревал. – Родди провел рукой по усталому лицу. – Тело нельзя было убирать, пока дежурные сыщики не осмотрят. И коронер. А когда они закончили, пришлось целому отряду толпу оттеснять. Народ злющий до жути. Как же, еще одна убитая. Этот красавчик ходит кругами.

– Так и в газетах пишут, – сказал Пэдди. – Брызжут праведным гневом. Видите ли, это исчадие породило грязь и нищета бедняков. Чертовы газетенки! Раньше в них ни слова про Восточный Лондон не найдешь. А тут сыскался безумец, почуяли, что и до богатеньких добаться может, сразу затарахтели про Уайтчепел. Нет, не про нашу жизнь. Они вишь чего

учудили: вздумали нас забором огородить, чтобы убийца, упаси боже, не отправился в западную часть и не начал потрошить богатеньких.

– Пусть не трясутся, – сказал Родди. – Этот парень верен своим привычкам. Всегда нападает на женщин определенного сорта – пьяных и опустившихся. За пределы Уайтчепела не вылезает, зато наши места знает вдоль и поперек. Появляется будто призрак. Как его еще назвать? Совершается жестокое убийство, никто ничего не видел и не слышал... Эту убитую я никогда не забуду, – помолчав, добавил Родди.

– Родди, дорогуша, поешь, – заботливо предложила Кейт. – Сам же говорил, в желудке ничего не осталось. Нельзя так.

– В глотку ничего не лезет. Аппетит напрочь отбило.

– Господи, ужас какой! – произнесла Фиона и вздрогнула. – Бакс-роу совсем близко от нас. Как подумаю, все внутри переворачивается.

– Тебе-то чего волноваться? – усмехнулся Чарли. – Он же только шлюх потрошит.

– Прекрати! – раздраженно бросила сыну Кейт.

Хорошенькие у них разговоры за столом: кровь, кишки. Теперь еще и шлюхи.

– Устал я, – признался Родди. – Завалился бы и спал всю неделю подряд. Но вечером мне на дознание идти.

– Поднимайся к себе и отдохни, – предложил Пэдди.

– Так и сделаю. Кейт, убери мой обед в духовку.

Кейт молча кивнула. Родди снял подтяжки, разделся до пояса, торопливо ополоснулся и пошел наверх.

– Бедный дядя Родди, – вздохнула Фиона. – Увидеть такое. Он теперь не скоро оправится.

– Я бы год не вылезал, если не больше. Не переносу крови. Родди еще молодец. Я бы в обморок грохнулся рядом с этой Полли, – сказал Пэдди.

Кейт мысленно пожелала, чтобы убийцу поймали раньше, чем он убьет еще кого-нибудь. Ее взгляд пропутешествовал по коридору и уперся во входную дверь. Где-то сейчас этот зверь? Может, отсыпается или ест. Или сидит в пабе, неотличимый от местных мужчин. Он вполне мог работать на причале или на складе и жить в двух улицах от их дома. Или проходить мимо по ночам. От стояния у плиты ей всегда бывало жарко. Но сейчас Кейт пробрал озноб. «Кто-то перешагнул через твою могилу», – говорила в таких случаях ее мать.

– Я вот думаю: если убийца... – начал Чарли.

– Замолчи ради бога! – оборвала сына Кейт. – Доедайте обед. Я что, зря стряпала?

– Да что с тобой, Кейт? – спросил Пэдди. – Ты вся бледная, точно призрак.

– Ничего. Хочу, чтобы этот... это чудовище куда-нибудь исчезло. Чтобы его поймали.

– Не тревожься, дорогуша. Никакой убийца и пальцем тебя не тронет. И всю нашу семью, – успокоил жену Пэдди, взяв ее за руку. – Пока я здесь, он не посмеет сунуться.

Кейт вымученно улыбнулась. «Мы в безопасности. Все мы», – мысленно повторяла она. Дом крепкий, замки надежные. Это она знала, поскольку Пэдди проверял их по ее настоянию. Ее дети по ночам крепко спали, зная, что отец и дядя Родди дадут отпор кому угодно. Никакая мразь не попадет к ним в дом и не причинит вреда. Однако Фиона была права. Стоило подумать об Уайтчепельском Убийце, все внутри переворачивалось. И озноб прошибал до костей.

– Пепин! Налетай-покупай вкуснейшие пепинки! Четыре штуки всего за пенс! Дешевле в Лондоне не сыщете!

– Сердцевидки, живые сердцевидки! Живее не бывает!

– Кому моих дивных сельдей? Смотрите, они еще дышат и трепыхаются!

Это повторялось каждым субботним вечером: Фиона слышала рынок раньше, чем он открывался ее глазам. За две улицы до него слышны были выкрики торговцев, заполнивших рыночные прилавки и прикативших свои тележки. Воздух звенел от разноголосицы, отражав-

шейся от стен окрестных домов, переваливающей через крыши и растекающейся по перекресткам и переулкам. И каждый голос манил, звал покупать только у него.

– Леди, лучшая петрушка только здесь! Покупайте мою превосходную петрууушку!

– Аааапельсины! Два за пенс! Кому моих сочных апельсинчиков?

Но в привычную музыку рынка сегодня ворвалась новая нота: резкая, пронзительная, не согласующаяся с остальными. Слыша ее, вечерние покупатели ускоряли шаги, торопясь к своим очагам, под защиту стен и дверей, запертых изнутри на все засовы.

– И опять – чудовищное убийство! – выкрикивал малолетний оборванец-газетчик. – Только в «Клариион»! Жуткие подробности! Рисунки с места убийства! Море кровищи! Покупайте «Клариион»!

Когда свернули на Брик-лейн, возбуждение, охватившее Фиону, возросло. Впереди простирался ярко освещенный рынок. Громадное существо, умеющее смеяться, переругиваться и льстить. Веселое, постоянно меняющееся. Несколько шагов – и она станет частью этого существа. Фиона потянула мать за руку.

– Не спеши. Не девочка я, чтобы бегом бежать, – проворчала Кейт, уткнувшись в список покупок.

В ушах звенело от громких, наглых, лживых голосов местных кокни. Торговцы вели себя словно бойцовые петухи: распушали перышки, важничали, подзадоривая покупателей найти изъян в их товаре и споря друг с другом, чья цена лучше. Словом, действовали по хорошо известному в Восточном Лондоне правилу: «Хочешь избежать неприятностей – позови их».

– Лежалая форель? – раздраженно спрашивал торговец рыбой у женщины, усомнившейся в свежести его товара. – Да мои форели свежи, как розы. А если желаете увидеть лежащую форель, посмотритесь в зеркало!

Фиона подошла ближе. На подносах лежали сморщенные морские улитки, маленькие сердцевидки с голубыми хохолками, жирные сельди. В ведерках громоздились устрицы. У нескольких была удалена одна створка раковины, обнажая скользкое блестящее устричное тело. Рядом расположился мясник. Торцы его прилавка были аккуратно обернуты малиново-красной и белой креповой бумагой. На дощечках он разложил куски сочного мяса, тупоносые колбаски и жутковатого вида свиные головы, с которых капала кровь.

А как изошрялись зеленщики, торговцы овощами и фруктами! Из фруктов сооружались диковинные пирамиды: сверкающие пепины, ароматные груши, яркие апельсины и лимоны, сливы и виноград. А перед ними корзины с бугристыми кочанами цветной капусты, головками брокколи, маринованной краснокочанной капустой, репой, луком и картофелем для варки и запекания.

Перемигивались газовые фонари, покачивались язычки пламени керосиновых ламп. Были даже свечки, вставленные в пузатые репки. И запахи! Фиона остановилась и, закрыв глаза, вдыхала все ароматы рынка. Солоноватый запах океана – это сердцевидки в уксусе. Легкий аромат специй – яблочные фриттеры с сахарной глазурью и корицей. Жареные колбаски, картошка в мундире, горячие имбирные орешки. У нее заурчало в желудке.

Фиона открыла глаза. Ее мать пробивалась к лотку мясника. Казалось, здесь собрался весь Ист-Энд. Знакомые лица соседствовали с незнакомыми. Серьезные, набожные евреи торопились сюда после службы в синагоге. Моряки покупали заливного угря и гороховый суп. Возле дверей пабов толпились рабочие и ремесленники, приодетые, гладко выбритые. Некоторые держали под мышками елозящих терьеров.

Среди покупателей преобладали женщины всех возрастов и разнообразной внешности. Их пальцы что-то мяли и на что-то надавливали. Они оживленно торговались и, сойдясь в цене, покупали. Одних сопровождали мужья, которые несли корзины с покупками и попыхивали трубками. Но гораздо больше было пришедших с детьми, начиная от орущих младенцев на руках до ребят постарше. Те дергали матерей за подол, прося и требуя купить кекс, леденцов

или горячих маффинов. Малолетние кокни и ирландцы называли матерей почти одинаково – «ма», только у первых звук «а» был совсем коротким, а у вторых – чем-то средним между «а» и «э». Итальянцы, поляки и русские кричали одинаково – «мама», но желания у них были такими же: конфета в красивой обертке, яркий леденец на палочке, коньячные вафли. И их уставшие матери, заботящиеся о том, чтобы семье хватило денег на неделю, все-таки покупали глазированную булочку, деля на троих. Пусть у детей будет маленький праздник.

Фиона поискала глазами мать. Та стояла у прилавка знакомого мясника.

– Желаете ростбиф на завтра, миссис Финнеган? – спросил мясник.

– Не на этой неделе, мистер Моррисон. Мой богатый дядюшка еще не умер. А сейчас мне нужна грудинка. Скажем, фунта три. Пять пенсов за фунт, и ни фартинга больше.

– Хм... – Мясник поджал губы и нахмурился. – Все куски, что я сегодня нарезал, покрупнее и подороже... ну вот что я смогу для вас сделать, дорогуша моя... – Он подался вперед, упершись растопыренными пальцами в прилавок. – Я готов продать вам пятифунтовый кусок по отличной цене.

– Слишком дорого для меня.

– Чепуха, дорогуша моя! – невозмутимо ответил мясник, заговорщически понижая голос. – Расклад такой: чем больше кусок, тем меньше я беру за фунт. Азбука бережливости. Опт всегда выгоднее розницы. Вы платите больше, поскольку сам кусок больше, но в пересчете на фунт веса получается меньше...

Пока мать торговалась с мясником, Фиона оглянулась по сторонам, ища Джо. Их разделяли пять других лоточников. Джо самозабвенно расхваливал товар. Хотя августовские вечера были прохладными, он расстегнул воротник рубашки и закатал рукава. На щеках играл румянец. Чуть больше года назад отец Джо уступил настойчивым просьбам сына и позволил ему стоять не за прилавком, как раньше, а перед тележкой. Теперь Джо мог пускать в ход все свое красноречие. Отец не прогадал: его сын был прирожденным торговцем. Каждую неделю Джо один продавал сотни фунтов овощей и фруктов. Больше, чем любой продавец шикарного магазина в Вест-Энде за целый месяц. Если тем помогала солидного вида вывеска, репутация магазина, красивые витрины, реклама в газетах и на уличных щитах, то Джо добивался успехов исключительно за счет своего врожденного таланта.

Замирая от восхищения, Фиона следила, как он работает, непринужденно уговаривая людей в рыночной толпе подходить к его тележке. Вон Джо поймал взгляд какой-то женщины. Через мгновение она уже стояла возле его тележки. Все это время Джо не закрывал рта, шутя, смеясь и подогревая интерес к предлагаемому товару. Никто не умел так мастерски играть, как он. Бойких женщин он забалтывал, кокетничая с ними. Если видел недоверчивых, делал серьезное лицо и говорил доверительным тоном. Джо умел изобразить обиду и замешательство, если какая-то женщина морщила нос, разглядывая его овощи и фрукты. Таким он предлагал поискать в Лондоне морковь посочнее и лук позабористее. Порою Джо устраивал маленькое представление: разрезав апельсин пополам, выдавливал сок прямо на булыжники. Оранжевую струйку было видно за несколько футов. Фиона собственными глазами видела, как изумленные люди тянулись к его тележке. Затем Джо сворачивал из газетного листа кулек, бросая туда «не два, не три, а целых четыре больших чудесных апельсина, которые обойдутся вам всего в два пенса!». Кулек закрывался и церемонно вручался покупателю.

Небесно-синие глаза Джо и его улыбка никак не могли повредить торговле, равно как и торчащие из-под шапки русые кудри, завязанные сзади в хвост. Фиону обдало теплой волной. Ее щеки покраснели. «Мысли надобно держать в чистоте», – вспомнились ей наставления монахинь. Конечно, надо, но только это становилось все труднее. Под красным шейным платком Джо виднелась треугольная полоска кожи. Фиона представила, как она касается этого треугольничка пальцами, а потом и губами. Его кожа всегда была такой теплой и так вкусно пахла

свежей зелены, которую он весь день продавал. Его лошадь. Воздухом Восточного Лондона, вобравшего в себя оттенки угольного дыма и речного ила.

Однажды Джо залез Фионе под блузку. Было это в темноте, за пивоварней «Черный орел». Он целовал ее губы, шею, впалинку на шее, после чего расстегнул блузку и камисоль. Его рука скользнула под ткань камисоли. Фионе казалось, что она растает от жара его прикосновения и собственного желания. Она отодвинулась. Нет, не из скромности и не от стыда. Фиона боялась, что ей захочется большего, и не знала, куда желание их заведет. Ее представления о близких отношениях между мужчинами и женщинами были весьма туманными и в основном касались запрета на такие отношения до брака.

Никто и никогда не говорил с Фионой на подобные темы. Свои скудные знания она получала на улицах. До нее долетали разговоры соседней о случке их собак. Она слышала грубые шутки парней и вместе с подругами подслушивала разговоры старших сестер и матерей. Для кого-то нахождение в постели с мужчиной было откровенной пыткой, которую они стоически выдерживали год за годом. Иные, наоборот, хихикали и говорили, что им постоянно хочется еще.

Джо вдруг заметил ее в толпе и улыбнулся. Фиона покраснела. Он наверняка знал, о чем она сейчас думала.

– Фи, иди сюда! – позвала мать. – Я еще овощей не купила...

Кейт направилась к тележке Бристоу. Фиона поспешила за ней.

– Привет, дорогуша!

Это мать Джо поздоровалась с ее матерью. Роуз Бристоу и Кейт Финнеган выросли в Уайтчепеле. Их детство прошло на унылой улочке близ Тилли-стрит. Теперь они жили на Монтегю-стрит, разделенные одним домом. Из материнских рассказов Фиона знала, что в детстве ее мать и миссис Бристоу были неразлейвода. Вечно хихикали или шептались. И сейчас, став замужними женщинами, обе любили поболтать о том о сем.

– А я уж думала, этот убийца и тебя пришел, – пошутила Роуз, обращаясь к подруге.

Роуз была невысокого роста, толстенькая женщина-наседка, вечно улыбающаяся, как и сын. Свои веселые синие глаза Джо унаследовал от матери.

– Переработался он на этой неделе, – продолжила Роуз, имея в виду убийцу. – Привет, Фиона.

– Здравствуйте, миссис Бристоу, – ответила Фиона, кося глазами на Джо.

– Нашла повод для шуток! – поморщилась Кейт. – Ужас-то какой! Молю Бога, чтоб его поскорее поймали. Даже на рынок идти боялась. Но животы надо чем-то набивать. Картошки возьму у вас фунта три и пару фунтов гороха. Подруга, а яблочки ваши почему?

Джо передал отцу кочан брокколи и подошел к Фионе. Сняв шапку, он вытер рукавом вспотевший лоб:

– Фи, нам сегодня не продохнуть. Только успевай поворачиваться! Боюсь, яблоки распродадим еще до закрытия. Говорил отцу: надо закупить больше...

– ...но он и слушать не захотел, – закончила Фиона, сочувственно пожимая ему руку.

Сетования были знакомыми. Джо постоянно побуждал отца расширить торговлю, а мистер Бристоу постоянно этому противился. Он вообще не прислушивался к советам сына, и Джо это сильно огорчало.

– Двенадцать и два... – произнесла Фиона цифры, понятные только ей и Джо. Сумма денег в банке из-под какао. Ей хотелось подбодрить его. – Лучше подумай об этом.

– Подумаю, – улыбнулся ей Джо. – К завтрашнему дню станет больше. Отбоя нет. Сама видишь. Грех не добыть горсточку монет.

Он оглянулся на тележку. Отец и младший брат Джимми едва успевали отпускать товар.

– Ну, мне пора. Увидимся завтра после обеда. Выйдешь?

– Ой, не знаю, – кокетливо ответила Фиона. – Только если другие ухажеры не позовут.

– Угу, – выпучил глаза Джо. – Вроде торговца требухой. – Он кивнул в сторону скрюченного старика, чей лоток находился в нескольких шагах; тот продавал потроха на корм кошкам и собакам. – Или тебе по нраву старьевщик?

– Старьевщик всяко лучше, чем нукудышный лоточник, – сказала Фиона и пихнула носком своего башмака ботинок Джо.

– А я бы предпочла лоточника, – послышался мелодичный девичий голос.

Фиона повернула голову и едва не застонала. То была Милли Петерсон. Избалованная, высокомерная, думающая лишь о себе Милли. Светловолосая, пышущая здоровьем, счастливая, хорошенькая. Этакая поганая сучка. Ее отец Томми был одним из крупнейших лондонских оптовых торговцев, поставляя товар как Ист-Энду, так и рынку Ковент-Гарден. В люди выбился самостоятельно. Начинать простым лоточником вроде Джо, имея всего одну тележку. Благодаря способностям, упорному труду и крупицам удачи он достиг высокого положения. Среди предпринимателей его круга не было человека более прозорливого и дотошного. При всей занятости Томми старался постоянно бывать на лондонских улицах, где получал достоверные сведения, наблюдая за своими клиентами и за клиентами клиентов.

Томми вырос в Уайтчепеле. После женитьбы поселился на Чиксанд-стрит. От Монтегю-стрит – рукой подать. В раннем детстве Милли играла с Фионой, Джо и другими соседскими ребятами. Но когда доходы Петерсона начали расти, он перевез семью в Пимлико – процветающую, быстро застраивающуюся часть Лондона. Вскоре после переезда его жена забеременела вторым ребенком. Мечты о наследнике не сбылись: жена Томми умерла в родах. Умер и младенец. Прежняя жизнь разбилась вдребезги. Неудивительно, что смыслом его жизни стала Милли. Он окружил дочь заботой, осыпал подарками, стараясь хотя бы отчасти заменить ей умершую мать. Милли получала все, что ни пожелает. Но главным подарком, манившим ее с детства, был Джо. Джо не питал к ней никаких чувств, однако Милли это не останавливало. Она упорствовала, полная решимости получить желаемое. Обычно ей это удавалось.

Фиона Финнеган и Милли Петерсон никогда не дружили. Встретясь они в другом месте, Фиона без обиняков сказала бы ей, в каком направлении проваливать. Но они находились возле лотка семьи Бристоу, которая бóльшую часть закупок делала у отца Милли. Выгодные цены во многом зависели от хороших отношений. Фиона сознавала, что должна вести себя прилично и попридержать язык. Хотя бы попытаться это сделать.

– Привет, Джо, – сказала Милли, ослепительно улыбаясь ему. – Привет, Фиона, – добавила она, ограничившись сухим кивком. – По-прежнему живешь на Монтегю-стрит?

– Нет, Милли, – ответила Фиона, сделав бесстрастное лицо. – Перебрались в Вест-Энд. Есть там одно местечко. Букингемский дворец называется. Нам с па теперь не близко ходить на работу, зато улицы там покрасивше.

Улыбка Милли превратилась в кислую мину.

– Насмехаться надо мной решила?

– А уж это ты...

– Скажи-ка, Милли, – вклинился Джо, выразительно посмотрев на Фиону, – что занесло тебя в наши края?

– Решила прогуляться с отцом. Он захотел посмотреть на здешний рынок. На торговцев. Проверить, у кого торговля идет полным ходом, а кто спит за прилавком. Ты же его знаешь: он всегда думает о прибыли.

«Устроили прогулку, задницы себе растрясти», – язвительно подумала Фиона. Послал Господь испытание.

Все, включая Джо, смотрели на Милли. Она нарядилась в потрясающую юбку цвета лесного мха и такой же жакет, покрой которого подчеркивал ее узкую талию и пышную грудь. Ни у кого из уайтчепельских женщин не было подобных нарядов, и уж тем более им и в голову не пришло бы надевать столь дорогие вещи на рынок. Золотистые локоны Милли убрала под

шапочку того же цвета. Ее шея утопала в кружевах, в ушах покачивались жемчужные серьги, а изящные руки были обтянуты лайковыми перчатками цвета слоновой кости.

Глядя на Милли, Фиона получила резкий удар по самолюбию. Ее одежда годилась только для рынка: поношенная шерстяная юбка, белая хлопковая блузка и серая шаль на плечах. Фиона немедленно подавила эти чувства. Из-за расфуфыренных девок вроде Милли Петерсон она не должна ощущать себя замарашкой.

– Отец подыскивает себе новых клиентов? – спросил Джо.

Его глаза (да и не только его) сами собой переместились с лица Милли на ее грудь.

– Отчасти. Но его интересуют не только клиенты. Отец любит приходить на рынки и высматривать новые таланты. Он всегда ищет парней, подающих надежды. Не сомневаюсь, ты бы его очаровал, – сказала Милли, дотрагиваясь до руки Джо.

Фиону обдало волной ревнивой злости. Плевать ей на приличия! Милли Петерсон пересекла черту.

– Милли, тебе нездоровится?

– Нездоровится? – переспросила Милли, глядя на Фиону как на грудку мусора. – С чего ты взяла? Я прекрасно себя чувствую.

– Ой ли? У тебя такой вид... вот-вот упадешь. Потому и за Джо уцепилась. Джо, может, поднесешь пустой ящик – Милли посадить?

– Не трудись, Джо, – отрывисто бросила Милли, убирая руку.

– Как скажешь, – продолжала Фиона. – А то мало ли, вдруг грохнешься в обморок? Может, жакетик тебе жмет?

– Что ты в этом понимаешь, корова?! – взвилась покрасневшая Милли.

– Уж лучше быть коровой, чем сукой.

– Леди, ведите себя прилично. Ишь, вздумали браниться на рынке. Вы мне всю торговлю погубите, – пошутил Джо, пытаясь разрядить обстановку и успокоить обеих девушек.

Фиона и Милли смотрели друг на друга, как ошетилившиеся кошки, готовые сцепиться.

– Я-то веду себя прилично, – фыркнула Милли. – Не на дне живу. Не оборванка какая-нибудь.

– Думай, кого называешь оборванкой. И вышла ты со здешнего дна, Милли. – Фиона говорила тихо, ударяя словами наотмашь. – Может, ты и забыла, а мы тут хорошо помним.

Сознавая поражение, Милли изменила тактику:

– Пора мне. Я ж здесь не ко двору.

– Брось, Милли, – смущенно пробормотал Джо. – Фиона это сгоряча.

– Нет, не сгоряча, – возразила Фиона.

– Мне все равно, – упавшим голосом произнесла Милли, устремляя большие светлоразные глаза на Джо. – Пойду разыщу отца. Мы еще увидимся. Надеюсь, в более приятном обществе. Пока.

– Пока, Милли, – ответил Джо. – Отцу привет от меня передай.

Едва Милли отошла на достаточное расстояние, Джо повернулся к Фионе:

– Что, сдержаться не могла? Нужно было оскорбить дочку Томми Петерсона?

– Сама напросилась. Думает, что может купить тебя на папочкины денежки, точно мешок апельсинов.

– Не пори чушь! Знаешь ведь, что это не так. – (Фиона молча лягнула булыжник.) – Учись сдерживаться. А когда мы свой магазин откроем, тоже станешь такие фокусы устраивать и дурным характером торговлю губить?

Слова Джо больно заделали Фиону, но он был прав. Вела она себя как последняя дура.

– Джо! Долго еще прохлаждаться будешь? – крикнул мистер Бристоу.

– Сейчас иду! – ответил Джо. – Фи, мне пора. Постарайся больше ни с кем на рынке не попацаться. И не будь такой ревнивой.

– Кто ревнивая? Я не ревнивая. Просто... просто она... несносная тварь.

– Ты ревнуешь без всякой причины, – сказал Джо, возвращаясь к лотку.

– Нет! – крикнула вслед Фиона и топнула ногой, но Джо уже стоял перед лотком, расхваливая товар. – Ревнивая! – раздраженно повторила она. – С какой стати мне ревновать? Ну есть у нее красивые тряпки, побрякушки, большие сиськи, смазливая мордашка и куча деньжищ.

С какой стати Джо обхаживать оборванку Фиону, если она может предложить ему крохи? А у Милли такие возможности! Влиятельный отец с солидным капиталом. Хочешь, парень, магазин? На тебе магазин. Мало одного? Вот тебе десять. Быть может, не сегодня завтра Джо попросту плюнет на все: на их планы, на магазин. Вообще на все. Плюнет и закрутит с Милли. Особенно после этой сцены. Она же видела, что Джо рассердился. Ну и пусть сердится. Фиона Финнеган тебе не мешок гнилой картошки. Она первой порвет их отношения. Скажет, что ей больше по нраву Джимми Ши, сын владельца паба.

На глаза Фионы навернулись слезы. Они бы пролились, не подойди к ней мать.

– Никак я тут Милли Петерсон видела? – спросила Кейт, взглянув на дочь.

– Ее, – угрюмо подтвердила Фиона.

– Скромности ни на грош. Так вырядиться на рынок. Перед нами, что ль, похвастаться решила? Нет у девки никакого удержу.

– Ма, ты и вправду так думаешь? – спросила Фиона, немного успокоенная словами матери.

– Само собой. Давай-ка поспешать. Хочу скорее вернуться домой...

Мать направилась к другому лотку. Фиона услышала голос Джо, перекрывающий рыночный гул. Голос Джо звучал оживленнее прежнего. Фиона повернулась в его сторону. Джо улыбнулся ей. Вокруг нее было темно, но в этот момент ей показалось, будто взошло солнце.

– Вы посмотрите на эту превосходную капусту... – говорил Джо. – Обычно за такой кочан я беру три пенса, но сегодня я отдам его бесплатно! Да, его получит самая красивая девушка на рынке... Вот и она!

Джо бросил кочан Фионе, которая ловко его поймала.

– Ах, леди, – покачав головой, вздохнул Джо. – Что тут скажешь? Она украла у меня капусту, а вдобавок – и мое сердце. Но если она не выберет меня, тогда я возьму вас, моя дорогая, – подмигнул он беззубой старухе лет семидесяти.

– Я согласна, парнишка! – крикнула в ответ старуха. – Только капусты мне не надобно. Я лучше возьму твой огурец!

Женщины, теснившиеся у лотка, встретили старухину шутку скабрзным хихиканьем. В то время как родители Джо только успевали отпускать товар.

Самая красивая девушка на рынке! Фиона сияла. Какой же дурочкой она была, приревновав Джо к Милли! Джо был только ее парнем, и больше ничьим. Махнув ему на прощание, Фиона побежала догонять мать, вновь чувствуя себя счастливой и уверенной. Эмоции, кипевшие в ней еще недавно, успокоились и осели на дно, как чайники в чашке. Фиона о них и забыла.

Задержись она вблизи лотка Бристоу еще на минуту, ее ликование быстро бы померкло. В тот момент, когда Фиона догоняла мать, к лотку вновь подошла Милли, приведя отца. Она тянула его за рукав, указывая на Джо, как указывают на витрину с приглянувшейся вещью. Но Томми Петерсон не нуждался в дочерних подсказках. Его острый глаз уже зацепился за Джо. Он одобритительно кивал, глядя, с какой скоростью этот парень распродает товар. Впервые за вечер Томми улыбнулся. Его дочь была совершенно права: он увидел парня, подающего надежды.

Глава 2

– Вы только подумайте, ребята! Пять дерьмовых пенсов за час каторжного труда! – возмущался Пэдди Финнеган ударяя кружкой по стойке. – Ни гроша за сверхурочные. А теперь этот кровопийца заграбастал и наши премиальные!

– Мерзавец Бертон! Нет у него такого права! – подхватил Шейн Паттерсон, работавший вместе с Пэдди. – Керран говорил: разгрузите корабль к пяти часам, будет вам премия. Мы разгрузили к четырем. Спрашиваем: где денежки? А он ни фартинга не дал.

– Права не имеет, – сказал Мэтт Уильямс, тоже работавший с ними.

– Имеет – не имеет, а деньги мы не получили.

Пэдди помнил их крики и проклятия. Ребята обозлились, когда распорядитель работ заявил, что выплата премиальных за быструю разгрузку судна... отменяется.

Дверь паба открылась. Все повернулись к ней. Нынче вечером «Лев» был опасным местом. Здесь ожидалось выступление Бена Тиллета, создателя рабочих союзов, и потому каждый пришедший сюда рисковал остаться без работы. Пришедшего звали Дейви О'Нил. Он работал грузчиком на складе Оливера. Пэдди никак не ожидал увидеть его здесь. В прошлый их разговор Дейви ясно дал понять, что не желает связываться с союзом. В свои двадцать с небольшим он уже был отцом троих малолетних детей. На нем держалась вся семья, и он не скрывал, что боится потерять работу.

– А вот и наш Дейви! – крикнул Пэдди, наблюдая, как тот поведет себя дальше.

Дейви, худощавый мужчина с волосами песочного цвета и беспокойными глазами, поздоровался с собравшимися.

– Мэгги, пинту для меня и вторую для моего друга! – крикнул барменше Пэдди.

Пэдди привстал, ненароком толкнув сидящего рядом мужчину и опрокинув его кружку. Извинившись за неловкость, Финнеган предложил незнакомцу возместить ущерб и заказать ему новую порцию. Тот вежливо отказался:

– Ничего страшного.

Барменша подала кружки. Наливали здесь добросовестно – почти до краев. Над кружками пузырилась шапка пены. На стойке лежала горка монет. Взяв из них стоимость пива, Мэгги ушла. Дейви пытался возражать, но Пэгги слушать не хотел.

– Ты лучше расскажи, с чего тебя сюда занесло? Думал, ты на пушечный выстрел не подойдешь.

– Так и было... до этого дня, пока Керран нас не ограбил, – ответил Дейви. – Решил: пойду послушаю, о чем скажет Тиллет. В союз вступать погожу, но послушать интересно. Уже не знаю, кому и верить. Союз обещает, что нам будут платить по шесть пенсов за час. А Бертон грозит вышвырнуть вон всех, кто вступит. Если я потеряю работу, мне крышка. Лиззи – моя младшенькая – опять занемогла. Слабые легкие. Денег на лекарство нет. Жена ставит ей разные припарки, да толку мало. Малышка на крик кричит... – Дейви замолчал и хлебнул пива.

– Можешь не объяснять, парень. Все мы в одной лодке, – сказал ему Пэдди.

– В дырявой, – усмехнулся Мэтт. – Помните болтовню Керрана в обеденный перерыв?

Пэдди хорошо помнил назидательную беседу, которую им устроил распорядитель работ.

– Ребята, подумайте о своих семьях. Сообразите, чем вы рискуете.

– Мы о них только и думаем! – крикнули ему в ответ. – Если мы не будем требовать, то вообще ничего не получим. Керран, мы знаем, что Бертон обращается к банкам. Ищет денежки на расширение компании «Чай Бертона». Скажите ему, Керран, что мы и есть «Чай Бертона». Если он хочет развивать компанию, пусть начнет с нашего жалованья.

– Ох, парни, парни! – всплеснул руками Керран. – Бертон никогда не позволит, чтобы такие, как вы, диктовали ему условия. Выбросьте из головы все эти бредни о рабочем союзе. Вам никогда не выиграть.

– Дейви, слышал я его, – сказал Пэдди. – Болтовня это. Дескать, Бертон прилагает все силы для расширения компании. Есть у меня дружок. На чайных аукционах работает. Он узнал, что Бертон задумал купить громадную плантацию где-то в Индии. Чтобы заплатить, Бертон готов выбросить на биржу акции компании. Поверь мне: если кто всерьез и напуган, так это сам Бертон. Бойтся, что мы объединимся в союз и выжмем из него лишний пенни за час. Вот он и грозит нас поувольнять. Но ты раскинь мозгами... что, если мы все объединимся? Парни со всех причалов и складов? Со всего Уоппинга? Как тогда он нас уволит? И кем заменит? Каждый рабочий будет членом союза. Понимаешь? И никто не согласится работать на условиях Бертона. Потому-то и надо вступать в союз.

– Не знаю, – недоверчиво протянул Дейви. – Одно дело – слушать. Другое – вступать.

– Вот что мы сделаем. – Пэдди поочередно оглядел своих товарищей. – Мы выслушаем этого Тиллета. Он и сам грузчик. Знает про нашу жизнь. Если его речи будут нам не по нраву... что ж, послушали и разошлись. А если нас зацепит, он получит четырех новых членов.

Все согласились. Шейн сказал, что поищет столик. Мэтт и Дейви пошли вместе с ним. Пэдди спросил себе еще пинту. Пока барменша наполняла кружку, он посмотрел на карманные часы. Половина восьмого. Встреча должна была начаться полчаса назад. Где же этот Тиллет? Пэдди обвел глазами паб, но не увидел никого похожего на руководителя союза. Пэдди не знал Тиллета в лицо. Видел лишь на рисунках в газетах. Но эти художники так рисуют, что себя не узнаешь.

– Думаю, вы вполне убедили ваших товарищей, – сказал незнакомец справа от Пэдди.

Это его кружку Пэдди опрокинул, когда вставал. Мужчина был помоложе Пэдди. Худощавый, чисто выбритый, с открытым лицом. Одет он был так, как одеваются грузчики.

– Вы их руководитель? – задал новый вопрос незнакомец.

– Руководитель? – засмеялся Пэдди. – Нет у нас никаких руководителей. В том-то и наша беда. Как в газетах пишут? Организованный труд. А у нас в Уоппинге... сплошной разнобой.

– Вы могли бы стать руководителем. Я невольно слышал ваши слова. Вы хороший оратор. Убедительный. Чтобы так говорить, вы должны по-настоящему верить в силу рабочего союза.

– Я верю. Иначе сидел бы сейчас дома. Вы здешний?

– Теперь да. А родом я из Бристоля.

– Если б вы работали в Уоппинге, то знали бы, как нужен нам союз. Для нас это единственный шанс на достойные деньги и честное обращение... Видите того старика? – Пэдди указал в дальний угол. – Всю жизнь разгружал корабли. Однажды на него упал ящик и пробил голову. Он малость спятил. Так распорядитель вышвырнул его, как негодный хлам... Или еще. Вон, у очага сидит. Работал на складе Марокко. Повредил спину, работать уже не смог. Пятеро детей. И ни одного вшивого пенса за увечье. Дети настолько оголодали, что жена не выдержала и вместе с ними ушла в работный дом... – Пэдди умолк; рассказ взбудоражил его; глаза гневно сверкали. – Из нас выжимают все соки. Заставляют работать по десять, а то и по двенадцать часов при любой погоде. Даже с рабочей скотиной обращаются лучше, чем с людьми. И чего мы до сих пор добились? Ничего, кроме хозяйских угроз.

– А другие? Они разделяют ваши чувства? У них есть решимость бороться?

Вопрос задел Пэдди.

– Решимости, приятель, у них хоть отбавляй. Но их так долго били, что свою решимость они загнали поглубже. И теперь ее надо растормошить. Если бы вы только знали, сколько всего вынесли эти люди... Можете не сомневаться, есть у них решимость, – уже тише договорил Пэдди.

– И вы...

– Само собой... Больно много вопросов вы задаете. – Пэдди прикусил язык. Хозяева складов и причалов щедро платили за сведения о рабочем союзе.

– Вас-то как звать? – спросил он.

– Тиллет. Бенджамин Тиллет, – ответил собеседник, протягивая руку. – А вас?

У Пэдди округлились глаза.

– Боженька милостивый! – растерянно пробормотал он. – Неужто тот самый Бен Тиллет?

– Как видите.

– Это что ж, пока я тут разглагольствовал, вы сидели и слушали? Извините, дружище.

Я у вас время отнял.

Тиллет громко рассмеялся:

– Извинить вас? За что? Союз – моя любимая тема. Мне понравились ваши слова. Вам было о чем сказать, и сказали вы хорошо. Но вы так и не назвали своего имени.

– Финнеган. Пэдди Финнеган.

– Послушайте, Пэдди. Конечно, мне следовало самому начать эту встречу, но вы правильно сказали: у нас сплошной разнбой. Нам нужны руководители местного уровня. Люди, способные вдохновить товарищей по работе и воодушевлять их, когда союз терпит неудачи. Что вы на это скажете?

– Кого в руководители? Меня, что ли?

– Да.

– Я... не знаю. Отродясь никем не руководил. Справлюсь ли?

– Справитесь. У вас получится, – ответил Тиллет и, допив пиво, поставил кружку на стойку. – Поначалу, когда ваши друзья колебались, вы предложили им подумать. Теперь я прошу вас о том же. Вы же выполните мою скромную просьбу?

– Ясно дело, – ответил ошеломленный Пэдди.

– Вот и хорошо. Мы потом еще поговорим.

Тиллет стал пробираться на середину зала.

«Ну и ну, чтоб меня разорвало!» – думал Пэдди. Что лукавить: предложение Тиллета возглавить местный союз льстило его самолюбию. Но выслушать хвалебные слова и взяться за то, о чем тебя просят, – вещи разные. Потянет ли он? Да и хочет ли он вообще взваливать это на свои плечи?

– Братья-рабочие... – Тиллет начал выступление.

Он умело подогревал слушателей, рассказывая, как нагло обманули рабочих склада Оливера, пообещав и не заплатив премиальные. Потом заговорил об угрозах снизить жалованье рабочим чайного склада на Катлер-стрит. Все более воодушевляясь, Тиллет приводил пример за примером, описывая нищету и бесправие жизни грузчиков, после чего обрушивался на тех, по чьей вине это происходит. Разговоры за столиками смолкли. Люди слушали, забыв о пиве. Тихий, скромный человек превратился в пламенного трибуна.

Пока Тиллет обличал алчных капиталистов, Пэдди продолжал думать над его предложением. С чего начать? Пэдди смотрел на лица собравшихся – сплошь складских и причальных грузчиков. Не лица – наковальни, закаленные постоянными ударами молота жизни. Только крепкий портер был способен на время прогнать заботы и тревоги с их лиц. Пинта за пинтой. Пиво уносило крики и ругань распорядителя работ, требовавшего шевелиться быстрее. Исчезали печальные глаза жены и вечно недоедающих детей. Переставало грызть тягостное сознание, что ты живешь на дне и тебе не подняться. Сколько бы ты ни корячился, как бы ни рвал жилы, ты был и останешься грузчиком и тебе по-прежнему будет не хватать денег на уголь и мясо... Но сегодня собравшихся разгорячило не пиво. Их лица светились надеждой. Тиллет заставил их поверить в возможность победы.

Пэдди думал о своей семье. Ему выпал шанс бороться за их благополучие. В первых рядах. Не только за повышение жалованья. За что-то большее. За перемены и право быть услы-

шанными. До сих пор грузчики не имели голоса. Если он отклонит предложение Тиллета, как ему жить дальше, сознавая, что не до конца выложился ради своих детей?

Зал взорвался приветственными криками и рукоплесканиями. Пэдди взглянул на Тиллета, сумевшего с такой силой зажечь и взбудоражить собравшихся. Лицо Бена пылало, и отсветы этого огня Пэдди видел на десятках лиц. Он больше не сомневался. Когда Тиллет подошел к нему за ответом, Пэдди знал, что скажет.

Эй, Джек Дагган, сдавайся; нас трое, ты один.
Именем королевы, сдавайся, сукин сын!

Фиону разбудило пение, доносящееся с задворок дома. Она открыла глаза. В комнате было темно. Чарли и Шейми крепко спали, о чем говорило их дыхание. «Глубокая ночь на дворе», – сонно подумала она. С чего это па распевает в отхожем месте?

Она села на постели, нащупав лампу и коробок спичек «Веста». Сонные пальцы не желали подчиняться. Фиона несколько раз чиркнула спичкой по коробку, прежде чем та вспыхнула. Лампа тускло осветила комнатку, которая днем была гостиной, а ночью – спальней для Фионы и братьев. Ширмой, отделявшей ее постель от постелей мальчишек, служила старая простыня на веревке. Фиона отодвинула простыню и прошла на кухню.

Два пистолета выхватил Джек и гордо ими взмахнул...

Шумно захлопнулась дверь сортира, после чего послышались завершающие слова известной песни:

«Сдаваться? Нет, сражаться буду я», —
сказал Отчаянный Колонист.

– Па! – сердито прошипела Фиона, выходя на темный двор. – Так шумишь, что весь дом разбудишь. Иди внутрь!

– Иду, мой цветочек! – зычно отозвался Пэдди.

– Тише ты, па!

Вернувшись на кухню, Фиона поставила лампу на стол и наполнила водой чайник. Потом раздула огонь от углей, тлеющих под решеткой очага.

Пэдди вошел на кухню. Он виновато улыбался:

– Ох, Фи, перебрал я пива.

– Да уж. Проходи, садись. Я чайник поставила. Может, тебе хлеба поджарить? Пивом сыт не будешь.

– Сделай милость.

Пэдди сел перед очагом, вытянул ноги и закрыл глаза.

Фиона отрезала толстый ломоть и насадила на вилку для поджаривания хлеба.

– Не спи, па, – сказала она, расталкивая задремавшего отца. – Так недолго и в огонь свалиться.

Зафырчал вскипевший чайник. Фиона заварила чай. Выдвинув из-под стола второй стул, она села рядом с отцом. Фиона уперла ноги в теплую чугунную решетку. Пэдди жарил хлеб, поворачивая вилку над углями.

Взглянув на отца, Фиона улыбнулась. Если бы ма и Родди не спали, она бы не стала требовать тишины. Она любила слушать отцовское пение. И колыбельные в детстве ей пела не мать, а он. Пэдди всегда пел, возвращаясь с работы или из паба. Его было слышно еще за улицу. Пел он и по вечерам, если оставался дома. Расположившись на кухне, он латал их обувь или

вырезал игрушку для Шейми. И пел. Сколько раз Фиона, свернувшись калачиком, засыпала под его голос, становящийся то громче, то тише? Столько, что не счесть.

– Девонька, рассказать тебе новость? – спросил Пэдди, успевая при этом жевать.

– Какую новость?

– А такую. Сегодня ты пьешь чай не с какой-нибудь старой портовой крысой.

– Да? А с кем же?

– С руководителем новой Ассоциации работников чайных фабрик и разнорабочих Уоппинга.

У Фионы округлились глаза.

– Па, ты шутишь!

– Ни в коем разе.

– И когда ты им стал?

– Нынче вечером. В пабе, – ответил Пэдди, вытирая рот тыльной стороной ладони. – Перед встречей мы малость поговорили с Беном Тиллетом. Послушал он меня. Должно быть, понравились мои слова, потому что предложил возглавить местное отделение.

– Так это ж здорово! – воскликнула сияющая Фиона. – Мой па теперь в начальниках! Я такая гордая! – Она по-детски захихикала. – Ма завтра в обморок упадет, когда узнает! Отец Диган называет членов союза сворой безбожных социалистов. Вступить в союз – все равно что занять рога и остроконечный хвост. Ма теперь вдвое дольше молиться будет.

– Диган и не такое скажет. Особенно когда Уильям Бертон отвалил ему шестьсот фунтов на починку церковной крыши.

– И как ты будешь руководить?

– Постараюсь, чтобы как можно больше наших вступило в союз. Собrania буду проводить, взносы собирать. На собрания стану ходить с Тиллетом и другими руководителями. – Пэдди отхлебнул чая. – Может, и дочку свою в союз вовлеку.

– Хватит, па, – вздохнула Фиона. – Не начинай опять. Ты же знаешь: я деньги коплю на магазин. Нет у меня лишних пенсов на взносы.

– Поначалу могла бы просто ходить на собрания. За это денег не берут.

«Сейчас пустится рассуждать о необходимости объединяться», – подумала Фиона. Она решила пресечь отцовские поползновения.

– Послушай, па. Я не собираюсь всю жизнь корячиться на фабрике. Помнишь, что ты говорил, когда мы с Чарли были маленькими? «Надо мечтать» – вот что ты говорил. «Если мечты исчезнут – сразу топайте к гробовщику. Без них вы все равно что покойники». Союз – твоя мечта. Он для тебя много значит. А моя мечта – открыть магазин. И для меня это тоже много значит. Чего нам делить? Ты идешь своим путем, я – своим... Договорились?

Пэдди выразительно посмотрел на дочь, затем накрыл ее руку своей:

– Договорились, упрямая ты девка. Чай еще остался?

– Ага. – Фиона налила отцу вторую кружку, радуясь, что его не потянуло на возражения. – Ой, забыла сказать! Мы получили письмо от дяди Майкла. Тетя Молли ждет ребенка! Пишет, дела с магазином идут в гору. Хочешь прочесть?

– Не сейчас, Фи. Утром прочту. А то после пива глаза в разные стороны глядят.

– Нью-Йорк. Звучит потрясающе, – сказала Фиона, думая о ее дяде в Америке, его жене и их небольшом, но таком симпатичном магазине.

В прошлом году дядя Майкл прислал фотографию: они с женой перед магазином. «М. ФИННЕГАН. БАКАЛЕЙНЫЕ ТОВАРЫ» – значилось на вывеске. Фиону вдохновляла сама мысль, что ее родной дядя владеет магазином. Может, способности к торговле у них в крови?

– Па, а могу я написать дяде и расспросить про торговое дело? – поинтересовалась она.

– Чего ж не написать? Ему приятно будет. Поди, ответ тебе напишет на двадцати страницах. Любит он писанину разводить, наш Майкл.

– Тогда отложу несколько пенсов на бумагу и марку... – зевая, сказала Фиона.

Боязнь, что отец разбудит всю улицу, вышибла из нее весь сон. Но сейчас, согревшись изнутри и снаружи, она вновь почувствовала усталость. Если она немедленно не ляжет, то не выспится. А мать поднимется рано, чтобы пойти к мессе и разбудить домочадцев на работу.

Ее ма ходила к мессе не только по воскресеньям, но и почти каждое утро, беря с собой Шейми и Айлин. Отец вообще не ходил; даже по воскресеньям, когда Фиона и Чарли посещали церковь. Па не скрывал своей неприязни к церкви. Он не ходил даже на крещение своих детей, вынуждая дядю Родди ходить вместо него. Удивительно, как ма сумела убедить его пойти венчаться с ней.

– Па, – сонно произнесла Фиона, крутя на пальце завиток волос.

– Чего? – спросил Пэдди, вновь набив рот поджаренным хлебом.

– Почему ты никогда не ходишь с нами в церковь?

Пэдди прожевал и теперь смотрел на угли:

– Тяжеленький вопрос. Знаешь, мне никогда не нравилась кучка стариков в длинных одеждах, которые долдонят, как людям жить и что делать. Но это часть ответа. Есть еще кое-что, о чем я не рассказывал ни тебе, ни Чарли.

Фиона бросила на отца удивленный взгляд, почувствовав легкое волнение.

– Ты же знаешь, мы с дядей Майклом выросли в Дублине. Нас растила тетушка Эви, сестра нашей матери. Это ты помнишь?

Фиона кивнула. Она знала, что отец потерял родителей в раннем детстве. Мать умерла в родах, а вскоре умер и отец. Однажды она спросила, от чего умер ее дед. «От горя», – ответил па. Он вообще мало говорил о своих родителях. Фиона и не приставала, решив, что отец был слишком мал и почти не помнил их.

– А до Дублина мы с Майклом жили с нашими ма и па на маленькой ферме в Скибберине, на побережье графства Корк.

Фиона слушала с широко распахнутыми от любопытства глазами. Она застала деда и бабушку с материнской стороны, но ничего не знала об отцовской.

– Мои родители поженились в пятидесятом, – продолжал отец, глотая остывший чай. – Через год, как был последний неурожай из-за картофельной гнили. Мой па хотел жениться раньше, но голод мешал. Погано было жить тогда... Ты слышала предостаточно историй. Па сам жил впроголодь. Какая тут семья, если ее не прокормить? У него и у ма родители померли от голода. Сами чуть концы не отдали. Па часто говорил: если бы не надежда жениться на ма, он бы точно не выжил. – Пэдди отставил кружку и подался вперед, упершись локтями в колени; на губах мелькнула печальная улыбка. – Мой па любил ма до безумия. Обожал ее. Они были знакомы с раннего детства. Он всегда приносил ей разные странные штучки. По весне – дикие фиалки. Пустые голубые скорлупки яиц зарянки. Гладкие камешки с берега и птичьи гнездышки. Денег у моего па не было, а эти штучки ничего не стоили. Но для ма они были бесценными сокровищами. Она берегла каждый подарок. Пожившись, па и ма трудились, не щадя себя. Знали, насколько страшен голод, и не хотели, чтобы он снова вломился в их жизнь. Я был первенцем. Потом родился Майкл. Он моложе меня на четыре года. А когда мне стукнуло шесть, ма снова забеременела. Беременность давалась ей тяжело. Я хоть и маленьким был, но запомнил.

Пэдди рассказывал о детстве, и лицо у него менялось. Грустная улыбка потухла; глаза потемнели, выражение лица тревожное. Едва заметные морщины на лбу и щеках вдруг проступили с пугающей отчетливостью.

– Когда ма настало время рожать, па отправился за повитухой. Я остался с ней и братом. Как па ушел, у ма начались схватки. Она вертелась на кровати, за стенки хваталась. Губы сжи-

мала, только бы не кричать. Наверное, нас напугать боялась. Я старался помочь, чем мог. Бегал к насосу, мочил отцовские носовые платки и прикладывал ей ко лбу. Наконец па привел повитуху. Она лишь глянула на ма и тут же велела па идти за священником. Па не хотел оставлять ма. Стоял, точно к полу прирос, пока повитуха его не выгнала. «Иди, не мешкай! – кричала она. – Не стой столбом! Твоей жене священник нужен!» Священник жил неподалеку, и вскоре па его привел. Священника звали отец Макмагон. Был он длинным и тощим как палка. Мы с Майклом сидели за кухонным столом. Повитуха выгнала нас из спальни. Отец со священником прошли в спальню, но повитуха выгнала и па. Он сел у огня и сидел не шевелясь. Смотрел на пламя и молчал.

«Как ты сейчас сидишь, па», – подумала Фиона, и у нее сжалось сердце от боли за отца.

Пэдди сидел, ссутулив широкие плечи и сцепив пальцы своих больших, сильных рук.

– Я находился к двери спальни ближе всех и слышал разговор повитухи и священника. Миссис Рейли – так ее звали. Она говорила отцу Макмагону, что у ма сильное кровотечение и что ма очень слаба. В таких случаях спасают либо мать, либо ребенка. «Спасайте ребенка», – ответил священник. «Но, святой отец, – говорила ему повитуха, – у нее ж тогда двое детей без матери останутся и муж овдовеет. Нельзя же...» – «Вы меня слышали, миссис Рейли, – перебил он повитуху. – Младенец не крещен. Своим промедлением вы лишь губите его бессмертную душу, а заодно и свою».

Один Бог знает, как миссис Рейли сумела вытащить ребенка из ма. Новорожденные младенцы должны орать, а этот едва пискнул. Через несколько минут я учуял запах горящих свечей. Священник что-то бормотал на латыни. Па тоже услышал и кинулся в спальню. Я за ним. Па оттолкнул священника, подхватил ма на руки и стал качать как маленькую. Качал и шептал ей на ухо. А она умирала... – Пэдди тяжело сглотнул. – Младенца крестили. Священник назвал его Шон Джозеф, как нашего па. Наш младший брат прожил всего час и тоже умер.

Па еще долго держал мертвую ма на руках. Только в сумерки опустил на кровать. Священник ушел к Макгвайрам ужинать. Они жили по соседству. Сказал, что попросит миссис Макгвайр присмотреть за нами. Миссис Рейли запеленала младенца, приготовив к погребению. Па надел рабочую куртку, велел мне приглядывать за братом. Я удивился отцовскому спокойствию. Даже испугался. Если бы он гневался, плакал или мебель ломал, может, ему бы и полегче стало. Выгнал бы часть горя из себя. Но он не мог. Я увидел глаза па. Они были мертвыми. Погасшими. Никакой надежды. – Пэдди снова сглотнул. – Па сказал миссис Рейли, что сходит проведать скотину. Он ушел в хлев и не возвращался. Стемнело, а его все нет. Миссис Рейли пошла за ним в хлев. Видит, вся скотина накормлена и напоена, а па нет. Тогда она помчалась через поле к соседям и позвала отца Макмагона и мистера Макгвайра на поиски па... Его нашли рано поутру, у подножия утеса. Они с ма любили там гулять, когда еще не поженились. Па лежал со сломанной спиной. Волны бились о его искалеченную голову.

Глаза Пэдди совсем потускнели. Он потянулся за кружкой.

«Чай совсем остыл, – подумала Фиона. – Надо согреть и поджарить ему еще хлеба». Но она не сдвинулась с места.

– Священник отправился в Дублин, за нашей теткой. Мы с Майклом два дня прожили у Макгвайров. Ма и младенца похоронили в день приезда тетки. Я и сейчас помню, как все было. Каждую мелочь: открытый гроб, мессу, сами похороны. Я смотрел, как гроб с телом ма опускают в могилу. Туда же опустили и младенца в маленьком ящике. Я на кладбище ни слезинки не проронил. Знаешь почему? – Пэдди вдруг засмеялся. – Думал: а вдруг их души меня видят? Я хотел быть стойким и не плакать, чтобы ма и брат гордились мной. А на следующий день священник устроил похороны нашего отца... если это можно назвать похоронами. Его закопали в зарослях крапивы, возле утеса, с которого он прыгнул. Вот тогда-то, девонька, слезы хлынули у меня ручьем. Я плакал навзрыд и не понимал: почему па не похоронили на кладбище, рядом с ма и маленьким Шоном Джозефом? Никто из взрослых мне не растолко-

вал, что самоубийц запрещено хоронить на кладбищах. Этого я не знал и только думал, как одиноко будет па лежать здесь, где только волны, и больше никого. Одиноко... холодно... и далеко от ма...

Из потухших глаз Пэдди хлынули слезы и покатались по щекам. Он опустил голову и плакал, не стесняясь дочери.

– Да... миленький! – воскликнула Фиона, сама борясь с подступающими слезами, затем встала на колени рядом со стулом, положив голову на отцовское плечо. – Не плачь, па, – шептала она. – Не плачь.

– Этот паршивый Макмагон не имел права решать. Никакого права, – прохрипел Пэдди. – Жизнь моих родителей... она была во сто крат святее, чем любые святыни в его убогодочной Церкви!

Сердце Фионы переполняло сострадание к мальчишке, каким был тогда ее отец. Она вообще не видела своего отца плачущим. Правда, его глаза были подозрительно влажными во время родов жены. Айлин и Шейми достались Кейт тяжело. А перед Шейми у нее было два выкидыша. Теперь Фиона знала причину странного поведения отца. В отличие от большинства мужей, он не отходил от рожавшей жены и не торопился в паб.

Пэдди поднял голову.

– Ты меня извини, Фи, – сказал он, вытирая глаза. – Должно быть, это я из-за пива раскис.

– Не надо извиняться, па, – ответила Фиона, обрадованная тем, что отец больше не плачет.

– Спросишь, зачем я тебе все это рассказал? Когда я подросток, то крепко задумался над случившимся. Если бы не священник, мои родители, быть может, и сейчас еще бы жили. Не прикажи он повитухе спасти ребенка, ма осталась бы жива, а па не бросился бы с утеса. Я до сих пор так считаю. Потому-то я и не хожу в церковь. – (Фиона кивала, обдумывая услышанное.) – Конечно, твоя ма ни за что не согласится с моими доводами, – сказал Пэдди, глядя на дочь. – Лучше, если ты умолчишь о нашем разговоре. Для нее Церковь много значит.

– Я ей ничего не скажу.

О таком лучше матери не говорить. Кейт Финнеган была очень набожной женщиной, никогда не пропускала мессы и читала молитвы по утрам и вечерам. Она верила в безупречность священников и в то, что они угодны Богу, поскольку несут людям Его слово. Фиона никогда не задумывалась о правильности материнских суждений; они казались ей столь же естественными, как небеса, солнце и существование самого Господа Бога.

– Па... – нерешительно произнесла Фиона, захваченная пугающей мыслью.

– Слушаю, Фи.

– Ты хоть и не любишь священников и Церковь, но в Бога-то ты веришь?

Пэдди задумался.

– Знаешь, девонька, во что я верю? В то, что из трех фунтов мяса получается отличное жаркое. – Увидев ошеломленное лицо дочери, он усмехнулся. – А еще я верю, что тебе пора в постель, мой цветочек. Иначе завтра будешь носом клевать на работе. Иди ложись. Я сам ополосну кружку.

Фионе не хотелось ложиться. Она хотела получить от отца разъяснения насчет трех фунтов мяса, но он уже понес кружку к раковине. Вид у Пэдди был слишком усталый, чтобы продолжать разговор. Фиона поцеловала отца, пожелав ему спокойной ночи, и вернулась в кровать.

Уснула она быстро, но спала беспокойно. Вертелась с боку на бок, находясь во власти тревожного сна. Фионе снилось, что она со всех ног бежит к церкви Святого Патрика, опаздывая на мессу. Но церковная дверь закрыта. Фиона обежала вокруг, крича в окно, чтобы ее пустили. Когда это не помогло, она принялась колотить кулаками по двери, сбивая их в кровь. Неожиданно дверь приоткрылась. На пороге стоял отец Диган, держа в руках большую чугунную кастрюлю. Фиона полезла в карман юбки за четками и зачем-то отдала священнику. Тот

протянул ей кастрюлю и ушел, заперев дверь изнутри. Кастрюля была настолько тяжелой, что Фиона с трудом спустилась с ней по ступеням крыльца. Оказавшись внизу, она решилась поднять крышку. В лицо ударил пар, вкусно пахнущий тушеной бараниной, морковью и картошкой. Кастрюля была полна жаркого.

Глава 3

Вокруг газовых фонарей на Хай-стрит клубился густой туман, отчего они светили тусклее. Дейви О'Нил следовал за Томасом Керраном на склад Оливера. Ходить в такие ночи по причалам опасно: один неверный шаг – и угодишь в реку. Кричи не кричи – никто не услышит. Но Дейви согласился на риск. Распорядитель предложил ему работенку на стороне. Наверняка понадобилось перетаскивать краденое. В иное время Дейви не стал бы впутываться в сомнительные дела, но сейчас у него не было выбора. Лиззи продолжала болеть, и он нуждался в деньгах.

На склад они зашли со стороны улицы. Керран зажег керосиновый фонарь. В неярком свете проступили штабеля ящиков с чаем, тянущиеся до самого выхода на причал. Распорядитель молча двинулся туда. Туман полностью скрывал Темзу и большую часть причала. Как вообще можно заметить в такой мгле причал Оливера, не говоря уже о том, чтобы туда пристать? Дейви ждал указаний Керрана, однако тот молча закурил сигарету и встал, прислонившись к двери. Если Дейви вдруг передумает и решит уйти, Керран его попросту не выпустит. От этой мысли грузчику стало не по себе.

– Мистер Керран, мы еще кого-то ждем? – (Керран покачал головой.) – Мне взять со склада крючья? Или стропы?

– Нет.

– Тогда что мне надо делать? – растерянно улыбнулся Дейви.

– Ответить на несколько вопросов, мистер О'Нил, – послышалось у него за спиной.

Дейви резко обернулся. Никого. Казалось, это говорил туман. Дейви ждал, рассчитывая услышать звук шагов, но до него доносился лишь плеск речных волн, бьющихся о сваи.

Дейви вновь повернулся к Керрану. Ему стало страшно.

– Мистер Керран, сэ... что происходит... Я...

– Дейви, познакомься со своим хозяином, – ответил Керран, кивком указав куда-то вправо от грузчика.

Теперь Дейви увидел темную фигуру, появившуюся из тумана. Человек этот был среднего роста и крепкого телосложения. Черные волосы, зачесанные назад, тяжелый лоб и черные хищные глаза. Дейви прикинул его возраст. Лет сорок с лишним. Одет как джентльмен. Черное кашемировое пальто, сброшенное на серый шерстяной костюм. Из жилета свешивается тяжелая золотая цепочка часов. Но в его облике не было ничего джентльменского. Походка и выражение лица говорили о сдерживаемой жестокости. Чувствовалось, он способен на насилие.

Дейви поспешил снять шапку и теперь мял ее в руках, чтобы унять дрожь.

– Как... как поживать изволите, мистер Бертон, сэ?

– Скажите, мистер О'Нил, вы прислушиваетесь к словам мистера Керрана?

Беспокойно взглянув на Бертона, Дейви повернулся к Керрану, затем еще раз посмотрел на хозяина:

– Сэр, я не понимаю...

Бертон отошел от них к краю причала и убрал руки за спину.

– Или вам больше по нраву слова Бена Тиллета?

У Дейви сердце ушло в пятки.

– Мистер Б-бертон, сэ, – запинаясь, прошептал он, – пожалуйста, не увольняйте меня. Я всего на одно собрание сходил. Больше в жизнь не пойду. Пожалуйста, сэ. Я дорожу своей работой.

Бертон повернулся к нему лицом, которое абсолютно ничего не выражало.

– Так о чем Тиллет говорит вам и таким, как вы, мистер О’Нил? Подбивает на забастовку? А что надобно его союзу? – Бертон буквально выплюнул это слово. – Свалить меня? Оставить мой чай гнить на баржах?

– Нет, сэр...

Бертон стал медленно ходить вокруг Дейви.

– А я думаю, да. Я думаю, Тиллет хочет меня уничтожить. Разрушить мое дело. Я прав?

– Нет, сэр, – ответил Дейви.

– Тогда чего же добивается этот союз?

Дейви, успевший вспотеть, взглянул на Бертона, на причал и пробубнил ответ.

– Я не слышал твоего ответа, – сказал Бертон, подойдя так близко, что Дейви ощутил запах его гнева.

– Б-больше денег, сэр, и рабочий день покороче.

В последующие годы – горькие, унылые, иссушающие душу – Дейви не раз попытается вспомнить подробности случившегося с ним: то, как молниеносно Бертон выхватил нож, и дьявольскую искусность его движений. Но сейчас грузчик ощутил лишь обжигающую боль в левой стороне головы и что-то мокрое на шее.

А потом он увидел... собственное ухо... валяющимся на причале.

От боли и потрясения Дейви рухнул на колени. Он прижал руку к ране. Кровь струилась у него между пальцев, стекая с костяшек. Руки свидетельствовали о том, во что отказывался верить разум: на месте левого уха не было ничего.

Бертон поднял отрезанное ухо и швырнул в воду. Снизу донесся тихий всплеск. «Я больше никогда не увижу жену и детей», – подумал Дейви и зарыдал. Рыдания прекратились, когда он ощутил тонкое, холодное острие ножа, упершееся в правое ухо.

– Нет... – прохрипел Дейви, с неопишуемым ужасом глядя на Бертона. – Пощадите...

– Значит, эти мрази из союза намерены указывать, как мне вести дела? – (Дейви хотел покачать головой, но из-за приставленного ножа не смог.) – Значит, я должен подчиняться приказам шайки вымогателей и воров?

– Н-нет... пожалуйста, не трогайте второе ухо...

– Вот что я тебе скажу, мой юный друг. «Чай Бертона», каким его знают, – результат моего каторжного труда и отчаянной борьбы. Я уничтожу всё и всех, кто только попытается мне помешать. Ты понял?

– Да.

– Кто еще был на встрече? Мне нужно имя каждого.

Дейви тяжело сглотнул, но ничего не сказал.

– Скажи хозяину, парень, – посоветовал Керран. – Не будь дураком. Что тебе до них, Дейви? Никто не явится сюда тебе на подмогу.

Дейви закрыл глаза. Только не это. Боже, только не это! Он был готов говорить. Он хотел спасти себе жизнь, но не ценой предательства товарищей по работе. Если он назовет имена, Бертон схожим образом поступит и с ними. Дейви стиснул зубы, ожидая нового всплеска обжигающей боли, но ее не последовало. Тогда он открыл глаза. Бертон находился в нескольких шагах, и ножа у него в руках уже не было. Увидев, что Дейви смотрит на него, хозяин кивнул Керрану. Дейви сжался, приняв кивок за сигнал прикончить его, однако Керран лишь протянул ему конверт.

– Открой! – велел Бертон.

Дейви открыл. Внутри лежала десятифунтовая банкнота.

– Этого хватит на доктора для Элизабет?

– Как... как вы узнали?

– Я привык знать обо всем. Я знаю, что ты женат на милой женщине по имени Сара. У тебя есть четырехлетний сынишка Том. Твоей дочке Мэри три года. А малышке Элизабет

недавно исполнился годик. Чудесная семья. Мужчине нужно заботиться о такой семье. Следить, чтобы с ними ничего не случилось.

Дейви оцепенел. Ненависть, которую он чувствовал, была сильнее боли, страха и гнева. Все, что терзало его сердце, отражалось на лице. Бертон мог это увидеть, но Дейви сейчас было плевать. Тяжелее всего было сознавать, что он у Бертона в кулаке. Если он не расскажет этому страшному человеку все, что тому надо, расплачиваться будет его семья. Дейви был готов пожертвовать собой, но только не женой и детьми. Бертон это знал.

– Шейн Паттерсон... – начал он. – ...Мэтт Уильямс... Робби Лоуренс... Джон Пул...

Назвав всех, он услышал новый вопрос Бертона:

– А кто у них главарь?

Дейви замялся:

– Никто. Назначить не успели... нет у них...

– Мистер О'Нил, кто у них главарь?

– Патрик Финнеган.

– Отлично! Продолжай ходить на собрания и держи мистера Керрана в курсе. Если слушаешься, мою благодарность увидишь в конвертах с жалованьем. А если нет или если тебе хватит глупости рассказать всем о том, что здесь было, твоя жена очень пожалеет. Спокойной ночи, мистер О'Нил. Теперь тебе пора домой, заняться раной. Крови ты потерял достаточно. Если начнут спрашивать про ухо, скажешь: нарвался на вора. Узнав, что с тебя нечего взять, он расшвырял и полоснул ножом по уху. Куда скрылся – ты не знаешь. Туман кругом был.

Дейви встал. У него кружилась голова. Зажимая рану носовым платком, он побрел по причалу, и до него донесся разговор Бертона с Керраном.

– Этот главарь... Финнеган. Кто он такой?

– Самоуверенный ублюдок. За словом в карман не полезет. Работник хороший, этого от него не отнимешь. Один из лучших у меня.

– Я хочу сделать из него пример.

– Это как, сэр?

– С ним надо разобраться. Я поручу Шихану. Он тебе сообщит.

«Пэдди... боже мой... что я наделал?!» – мысленно воскликнул Дейви, захлебываясь стыдом. Дейви покинул верфи и вышел на окутанную туманом улицу. К головокружению добавилась слабость в теле. Он споткнулся, зацепившись за булыжник, но успел схватиться за фонарный столб и устоял. Сердце тяжело билось. Дейви прижал окровавленную руку к сердцу и мучительно застонал. Он теперь – предатель. Иуда. И в груди у него бьется не сердце, а нечто черное, гнилое, зловонное и разбитое.

Глава 4

Фиона пересыпала отвешенные листья в жестяную коробку. У нее дрожали руки. Только не поднимать глаза. Едва он это увидит, как тут же уволит. А для чего еще он сюда явился? Ясное дело: кого-то выгнать. С какой стати Уильяму Бертону вдруг показываться на фабрике? Чтобы объявить о всеобщем повышении жалованья? Фиона слышала у себя за спиной его неторопливые, размеренные шаги. Ощущала его глаза, когда запечатывала банку и наклеивала этикетку. Бертон дошел до конца стола, повернулся и двинулся назад, уже с другой стороны. Где-то на середине он остановился. У Фионы замерло сердце. Ей не требовалось поднимать голову. Она и так знала, за чьей спиной остановился владелец компании. За спиной Эми Колдуэлл. «Иди дальше, – молчаливо просила Фиона. – Оставь девочку в покое».

Эми было пятнадцать лет. Простодушная, недалекого ума. Ее пальцам не доставало проворства. Иногда она роняла чашу весов, рассыпая чай, или криво наклеивала этикетку. Остальные работницы старались покрывать ее промахи. Каждая делала чуть больше, чтобы медлительность Эми не сказывалась на ее жалованье. Таково было их негласное правило: поддерживать друг друга.

Фиона отвесила новую порцию чая, моля Бога, чтобы Эми не сделала ошибки. Молитва не успела дойти. Послышался характерный лязг роняемой чаши. Фиона вскинула голову. Чай Эми рассыпался по столу, а эта дурочка – нет чтобы быстренько все убрать. Стояла столбом и беспомощно пялилась. Еще и подбородок дрожал.

– Быстро все убери, подружка, – шепнула ей Фиона. – Будь умницей, давай...

Эми кивнула, смела рассыпанный чай, а Бертон двинулся дальше – утрашивать другую девочку. Фиона сердито посмотрела ему вслед. Эми оплошала исключительно по его вине. Если бы Бертон не задержался у нее за спиной, она бы не уронила чашку. Понятное дело, бедняжка разволновалась.

Уильям Бертон был одним из самых богатых и успешных чаоторговцев Англии. Он выбился из низов, сделавшись конкурентом прославленных имен в чайной торговле: Твайнинга, Брука, Фортнума и Мейсона, Тетли. Подобно всем, кто на него работал, Фиона знала историю его жизни. Бертон родился в той части Лондона, которая называлась Камден. Он был единственным ребенком обедневшей портнихи, ныне покойной. Его отец-моряк погиб в океанской пучине. В восемь лет Бертон бросил школу и пошел работать в чайный магазин. В восемнадцать, благодаря упорному труду и бережливости, он выкупил магазин, с которого и началась история «Чая Бертона». Он никогда не был женат и не имел семьи.

Фиону восхищали стойкость и решимость Бертона, приведшие его к успеху, однако сам он вызывал у нее отвращение. Она не понимала, как человек, долго живший в бедности и сумевший выбраться из этой ямы, не испытывал сострадания к тем, кого увольнял, лишая средств к существованию.

Завершив обход, Бертон подозвал мистера Минтона. Фиона услышала их разговор вполголоса. С Бертоном пришел еще один человек. Она слышала и его голос. Через пару минут Фиона все-таки рискнула поднять голову. Бертон указывал на некоторых работниц. Минтон кивал. Третий – торопливый, богато одетый толстяк – поглядывал на часы. Затем несговорчивый, важничавший Минтон хлопнул в ладоши:

– Попрошу внимания, девушки! Мистер Бертон сообщил мне, что с недавних пор занят расширением и усовершенствованием своего чайного дела. Расходы, которые он несет, вынуждают его прибегать к строжайшей экономии...

Фиона, а с ней еще пятьдесят четыре встревоженные девушки глядели на надсмотрщика. Работницы не понимали мудреных слов, но чувствовали: добром это не закончится.

– ...а это значит, что я должен уволить некоторых из вас.

Все шумно выдохнули.

– Тех, кого я назову, прошу подойти в контору и получить причитающееся жалование. Вайолет Симмс, Джемма Смит, Пэтси Гордон, Эми Колдуэлл... – Минтон назвал пятнадцать имен и фамилий, однако было видно, что ему самому неловко; он помолчал, а затем произнес: – Фиона Финнеган...

Боже, смилостивься! Что она скажет ма? Ее деньги в семье были далеко не лишними.

– ...будет оштрафована на шесть пенсов за разговор на рабочем месте. Если это повторится, а также в случае иных нарушений тишины, виновные будут уволены. Возвращайтесь к работе.

Фиона посмотрела на него, испытывая облегчение, что ее не уволили, и в то же время злясь на штраф за попытку помочь Эми. Вокруг слышались сдавленные всхлипывания и шарканье ног. Работницы собирали свои нехитрые пожитки. Фиона закрыла глаза. За веками мелькали точки яркого света. Изнутри поднималась ярость, которую Фиона старалась подавить.

Поглубже вдохнув, она открыла глаза и взяла совок, но работать не смогла. Голова сама поворачивалась в сторону уволенных. Побледневшие, с дрожащими руками, они брели в контору Минтона. Фиона знала, что Вай Симмс – единственная кормилица себя и больной матери. У Джеммы было восемь братьев и сестер и отец, пропивавший ее деньги. А Эми... сирота, живущая с сестрой в крохотной каморке. Где, спрашивается, эта девочка найдет другую работу? Что будет есть на следующей неделе? Вид ошеломленной Эми, стоящей в выцветшем капоре, с дырявой шалью на плечах, стал для Фионы последней каплей. Она швырнула совок. Если Бертон хотел уволить ее за разговор, пусть напоследок послушает ее слова.

Фиона направилась в контору, обогнав уволенных работниц. Глупым Уильяма Бертона никак не назовешь. Дурак не смог бы построить чайную империю. Но тогда почему он такой недаленовидный? Только что он наблюдал, как они работают, и неужели не заметил низкую отдачу от такого способа работы? Увольняя пятнадцать девушек, он рассчитывал сэкономить. Но если никого не увольнять, а устроить работу по-другому, он еще и прибыль получит. Сколько раз Фиона пыталась рассказать об этом мистеру Минтону – тот и слушать не желал. Может, теперь прислушается?

Оттеснив одну из уволенных, Фиона вошла в контору:

– Прошу прощения.

Мистер Минтон сидел за столом, отсчитывая шиллинги и пенсы.

– Что там еще? – не поднимая головы, спросил он.

Зато Бертон и его спутник подняли глаза от пухлой конторской книги и уставились на Фиону. Она сглотнула, сжимаясь под их буравящими взглядами. Гнев, погнавший ее сюда, сменился страхом, который требовал поскорее исчезнуть. Только сейчас Фиона всерьез почувствовала, что ее действительно могут уволить.

– Прошу прощения, мистер Бертон. – Фиона старалась говорить спокойно. – Но увольнение девушек – это ложная экономия.

Теперь и Минтон обратил на нее внимание. Казалось, прошла вечность, прежде чем надсмотрщик заговорил.

– Премного извиняюсь, мистер Бертон, сэ... – пробормотал он, вставая, чтобы выпроводить Фиону.

– погоди. – Бертон закрыл книгу. – Любопытно послушать, почему эта упаковщица считает, что разбирается в делах лучше меня.

– Я знаю только свою часть работы, сэ. Я этим занимаюсь каждый день.

Фиона заставила себя смотреть прямо в глаза Бертому и его спутнику. Глаза хозяина были черными и холодными, а у толстяка – красивого бирюзового цвета и совершенно не вязались с его жестким, алчным лицом.

– Если вы не станете увольнять этих работниц, но измените характер работы, скорость упаковки чая возрастет. Вы только выиграете.

– Продолжай.

Фиона глотнула воздуха:

– Сейчас... каждая из нас делает по несколько операций. Согласны? Если это коробка, ее надо склеить. Если банка – наклеить этикетку. Затем нужно наполнить коробку или банку чаем, запечатать и оттиснуть цену. Это заставляет нас покидать рабочие места, чтобы взять то одно, то другое. Мы понапрасну теряем время. Иногда чайники прилипают к кисти. Тоже убыток. А можно сделать так. Из пятидесяти пяти работниц взять, скажем, двадцать и поставить их готовить коробки и банки. Еще пятнадцать будут отвешивать чай в подготовленные коробки и банки. Десятерых поставить на запечатывание и штамповку цены. И оставшиеся десять будут следить за тем, кому что надо, и подносить прямо к столам. При таком устройстве работы каждая работница успеет за то же время сделать больше. Скорость упаковки возрастет, а ее стоимость понизится. Я в этом уверена. Сэр, разве нельзя хотя бы попробовать так работать?

Бертон сидел молча. Взглянув на Фиону, он устремил глаза к потолку, обдумывая ее слова.

Фиона сочла это обнадеживающим знаком. Он не сказал «нет» и не уволил ее. Во всяком случае, пока не уволил. Она знала, что девушки тоже слышали ее слова. Фиона спиной ловила их взгляды, чувствуя у себя на плечах груз их отчаянных надежд. Ее идея не была пустой фантазией, и она это знала. А теперь, Господи, сделай так, чтобы Бертон тоже это понял!

– Что ж, предложение дельное, – наконец сказал Бертон, и Фиона возликовала. – Мистер Минтон, когда закончишь, примени его к оставшимся работницам.

– Но мистер Бертон... – У Фионы задрожал голос. – Я думала... вы их оставите...

– Зачем? Ты мне только что рассказала, как заставить сорок работниц выполнять работу сотни. Зачем я буду платить деньги пятидесяти пяти? – Он улыбнулся спутнику. – Повышение производительности при одновременном снижении затрат. По-моему, Рэндольф, банку это очень понравится.

– Еще бы! – усмехнулся толстяк и потянулся за другой расходной книгой.

Фионе казалось, что ей вlepили пощечину. Она молча вышла из конторы Минтона, чувствуя себя униженной. Какая же она дура! Хотела уберечь подруг от увольнения, а вместо этого сама же подтвердила, что без них обойдутся. Взяла и рассказала Уильяму Бертому, как меньшее число работниц смогут делать больше работы. Неудивительно, если Бертон применит ее идею на своих фабриках в Бетнал-Грине и Лаймхаусе и часть тамошних упаковщиц тоже лишится работы. Ну когда, когда она научится держать характер в узде, а рот – на замке?!

У Фионы пылали щеки. Ей было стыдно. Она старалась не поднимать глаз. Кто-то тронул ее за руку. Тоненькие, хрупкие пальчики обвили ее запястье. Эми.

– Спасибо, Фи, – прошептала она. – За попытку отстоять нас. Какая ты смелая! Мне бы такой стать.

– Дура я, Эми, а не смелая, – ответила Фиона, готовая разреветься.

Эми поцеловала ее в щеку. Вайолет – в другую. А Джемма посоветовала ей поскорее возвращаться на рабочее место, если не хочет пополнить их очередь.

Предзакатное солнце приятно согревало спину Джо, и оно же подчеркивало грязь и убожество переулков и узких улиц Уайтчепела, по которым гуляли они с Фионой. Беспощадные косые лучи ложились на обветшалые дома и магазины, высвечивали прохудившиеся крыши, закопченные кирпичные стены и зловонные сточные канавы. Все, что скрывалось за пеленой дождя или тумана, солнце безжалостно обнажало. Джо так и слышал отцовские слова: «Солнце – первый враг здешних мест. Всю гнусь высветит. Оно что румяна на старой шляхе. Только хуже делает».

Жаль, что он не может сводить Фиону в более приятное место. Например, в один из модных пабов с красными бархатными обоями и матовыми стеклами. Но денег у Джо было в обрез, и единственным развлечением, какое он мог предложить Фионе, стала прогулка по Коммершел-стрит, чтобы поглазеть на витрины и угоститься кулечком чипсов или имбирных орешков.

Джо наблюдал за тем, как Фиона разглядывает витрину ювелирного магазина. Судя по выпяченному подбородку, она продолжала терзаться из-за разговора с Бертоном и участи уволенных работниц. Джо позвал ее на прогулку сразу после ужина, и по дороге Фиона все ему рассказала.

– Но ты же не рассчитывала победить? – спросил Джо.

Фиона повернулась к нему. Вид у нее был безутешный.

– То-то и оно, что рассчитывала.

Джо улыбнулся и покачал головой:

– Ни у кого нет девчонки с медными яйцами. Только у меня.

Фиона засмеялась. Ее смех обрадовал Джо. До этого она плакала, проливая по уволенным работницам горькие слезы гнева и отчаяния. Видя Фиону плачущей, Джо всегда терялся, ощущая собственное отчаяние и бесполезность. Он обнял Фиону, прижал к себе и поцеловал в макушку.

– Двенадцать и шесть, – прошептал Джо, когда они пошли дальше. – И к чертям Уильяма Бертона!

– Двенадцать и шесть? – взволнованно переспросила Фиона.

– Угу. Я добавил. Торговля на этой неделе шла хорошо.

– А как у тебя с отцом?

Джо пожал плечами. Не хотелось ему портить прогулку разговорами об отце, но Фиона попыталась. Пришлось рассказать, что сегодня они с Бристоу-старшим крупно повздорили.

– Опять? Теперь из-за чего?

– Из-за покупки второй тележки. Я прошу, а он – ни в какую.

– Но почему?

– Тут такое дело, Фи... – начал Джо, постепенно входя в раж. – Вроде бы нам и одной тележки хватает. Отбоя от покупателей нет. Но можно торговать еще успешнее. В торговле надо вертеться. В прошлую субботу – да ты и сама видела – был громадный наплыв покупателей. Мы едва успевали отпускать товар. А потом у нас он закончился. Понимаешь? Закончился! Представь, Фи: люди хотели у нас купить! Мы бы легко продали ящик яблок, фиги, картошку, брокколи. А так? Люди видели пустую тележку и шли к другим. Я два месяца отцу долдонил: па, давай купим вторую тележку и разделим весь товар. На одной – фрукты, на другой – овощи и зелень. Он и ухом не ведет.

– Но почему? – снова спросила Фиона. – Идея-то здравая.

– У отца один ответ: нам и так хорошо. На жизнь зарабатываем, а рисковать незачем. Его любимая присказка: «От добра добра не ищут». С ним всегда так. Не хочет видеть дальше своего носа. А мне мало зарабатывать на жизнь. Я хочу, чтобы торговля давала прибыль. Хочу расширять дело.

– Бог с ним, Джо. Не бери в голову, – сказала Фиона. – Еще годик-полтора, и отцовская власть над тобой закончится. Мы будем сами себе хозяева, и уж мы-то сделаем все, чтобы наш магазин приносил как можно больше прибыли. А пока потерпи. Выше головы не прыгнешь.

– Ты права, – угрюмо согласился Джо.

Вот только надолго ли хватит его терпения? Отношения с отцом делались все напряженнее. Джо не захотел огорчать Фиону – ей сегодня и так досталось, – а потому не сказал, что у него с отцом едва до кулаков не дошло.

Джо утаил не только это. После перепалки с отцом, когда Бристоу-старший пошел успокоить себя пинтой пива, оставив сына управляться в одиночку, на рынке появился Томми Петерсон. Он похвалил раскладку товаров на тележке, отметил проворство Джо и пригласил зайти завтра в его контору на Спитафилдсе. Джо был уверен: Томми посоветует им обзавестись второй тележкой и, возможно, предложит более выгодные условия для оптовой закупки, чтобы она не пустовала. А что Джо скажет в ответ? Что отец противится расширению торговли? И кем он будет выглядеть в глазах Томми? Дураком, если не сказать хуже.

Разговор стих. Джо с Фионой брели дальше. Солнце зашло. Стало прохладно. Лето близилось к концу. Скоро наступит осень с дождями и холодом. Тогда уже не очень-то погуляешь. Джо не представлял, откуда взять денег, чтобы они поскорее открыли магазин и смогли пожениться.

– А давай пойдем напрямик, – вдруг предложила Фиона.

– Что?

– Есть короткий путь, – озорно улыбнулась она, указав на переулок, начинавшийся между пабом и конторой торговца углем. – Выйдем напрямиком на Монтегю-стрит. – (Джо удивленно посмотрел на Фиону.) – Что смотришь? Хочу побыстрее попасть домой, – простодушно объяснила она, увлекая его за собой.

Едва они оказались в переулке, из-под нагромождения пивных бочек выскочило какое-то юркое существо с когтистыми лапками. Фиона завизжала и затопала ногами.

– Всего лишь кошка, – сказал Джо. – Есть такие... карликовой породы.

Хихикая, Фиона прижала его к стене и поцеловала. Такая смелость была не в ее характере. Обычно Джо сам ее целовал. Но ему это даже понравилось.

– Ты потому и потащила меня в переулок? – спросил он. – Потискаться захотелось?

– Если не нравится, никто тебя не держит, – ответила Фиона, снова его поцеловав. – Можешь уйти, когда захочешь. – Она наградила Джо третьим поцелуем. – Только скажи.

Джо задумался над ее предложением.

– Может, это не так уж и плохо, – ответил он, обнимая Фиону за плечи.

Его ответный поцелуй был долгим и крепким. Руки Фионы упирались ему в грудь. Их тепло проникало под рубашку. Джо осторожно дотронулся до груди Фионы, ожидая, что она оттолкнет его руку. Нет, не оттолкнула. Ладонь ощущала удары ее сердца – такого сильного и в то же время совсем беззащитного. Он держал в руке сердце Фионы. Ощущение захватило его целиком. Фиона была его родственной душой, частью его существа, такой же, как плоть и кровь, из которых состояло его тело. Она была с ним, в нем и во всем, что он делал. Главным желанием его жизни. Пределом мечтаний.

Влекомый ее телом, Джо вытащил наружу блузку Фионы, затем камисоль и скользнул рукой внутрь. Пальцы обхватили ее левую грудь – мягкую и тяжелую, как вино в бурдюке. Он нежно помял теплый бугорок. Фиона тихо застонала. Этот призывный звук вызвал у него сильную эрекцию. Джо хотел Фиону. Нуждался в близости с ней: здесь и сейчас. Ему хотелось войти в Фиону, задрав ей подол и прижав к стене. Джо было очень нелегко управлять своим желанием. Нежность ее кожи, ее запах и вкус сводили с ума. Но он удержался. Их первая близость не должна происходить впопыхах, в грязном переулке. Однако нужно было что-то делать, пока боль в мошонке не станет острой и невыносимой.

Джо взял руку Фионы и опустил вниз. Фиона погладила по его брюкам, а затем запустила руку внутрь. Джо показал, что делать. И Фиона ласкала его напрягшийся член, пока дыхание Джо не сделалось шумным и жарким. Потом он застонал, уткнувшись ей в шею. Его тело содрогнулось. Наступил сладостный миг освобождения. Боль исчезла. Джо, не открывая глаз, вновь привалился к стене. Его грудь тяжело вздымалась.

– Джо! – послышался тревожный шепот Фионы. – С тобой все хорошо?

– Ага, – усмехнулся он. – В лучшем виде, Фи.

– Ты уверен? У тебя, случаем, крови не было?

– Крови? Не иначе ты оцарапала!

– Как? Я же осторожно! – чуть не завизжала Фиона.

– Тише! Я просто пошутил, – расхохотался Джо.

Он вытерся носовым платком, который скомкал и швырнул на землю.

– Такое не понесешь домой и не попросишь ма постирать.

– Но почему? Платок денег стоит.

– Ой, Фиона, какая же ты темная в этих делах!

– Сам не ахти какой светлый! – огрызнулась она.

– Но об этом знаю побольше твоего, – сказал Джо, поцеловав ее в шею. – Я могу доставить тебе такое же удовольствие, какое ты доставила мне.

– Тебе понравилось?

– Спрашиваешь!

– А на что это было похоже?

Джо поднял ей подол и, немного повозившись с панталонами, засунул руку внутрь. Он гладил бедра Фионы, удивляясь, насколько шелковистая у нее там кожа. Затем его пальцы нащупали мягкую расщелину. Фиона оцепенела. Она смотрела на него во все глаза, не понимая, чем это кончится. Ее дыхание участилось. Джо прошептал ей, чтобы не боялась. Их окружала темнота... Потом в этой темноте зазвучал церковный колокол, отбивавший время.

– Ой нет... Вот черт! – воскликнула Фиона, отстраняясь от Джо. – Я ж совсем про время забыла! Девять часов! Ма с меня шкуру спустит. Наверное, думает, меня убили. Поторапливайся, Джо!

Джо спешно заправил рубашку, застегнул брюки. Фиона возилась с блузкой. «Ну почему у нас всегда так?» – думал он. Почему им придется обниматься и целоваться украдкой: то в грязном переулке, то на илистом берегу реки?

Фиона волновалась, как бы ей не попало за опоздание, и вслух придумывала объяснение. Остаток пути до Монтегю-стрит они проделали бегом.

– Ну вот, Фи, тебя не успели хватиться, а ты уже дома, – сказал Джо, торопливо поцеловав ее на ступенях крыльца.

– Надеюсь. Хорошо, па не вернулся. До завтра.

Прежде чем войти в дом, Фиона обернулась. Джо по-прежнему стоял и смотрел на нее. Ждал, когда она войдет и закроет дверь.

– Двенадцать и шесть, – сказала она.

– Да, любовь моя, – улыбнулся Джо. – Двенадцать и шесть.

Глава 5

При виде внушительной груды грязного белья Кейт Финнеган застонала. Простыни, скатерти, салфетки, блузки, кружевные ночные сорочки, камисоли, нижние юбки. Чтобы все это втиснулось в корзину, понадобится не меньше сноровки, чем у грузчиков на причале. А потом еще тащиться с корзиной домой и следить, как бы не соскользнула с плеча.

– Лилли, скажи своей миссус, что за такую пропасть белья я возьму с нее вдвойне! – крикнула Кейт из чулана в доме миссис Бранстон.

В дверь просунулась рыжая голова Лилли, служанки миссис Бранстон, долговязой ирландской девицы.

– Я-то ей скажу, миссис Финнеган, а уж там как повезет. Вы ж ее знаете. За фартинг удавится. Чайку на дорожку не хотите?

– Я бы не прочь, да только не хочу тебе хлопот доставлять.

– Какие хлопоты! – весело воскликнула Лилли. – Миссус поперлась на Оксфорд-стрит. Будет шляться по магазинам до скончания века.

– Тогда, милая, ставь чайник.

Затолкав все белье в корзину, Кейт уселась возле кухонного стола. Лилли заварила чай и выставила блюдо с печеньем. За разговорами не заметили, как осушили весь чайник. Кейт рассказывала о детях, Лилли – о своем ухажере по имени Мэтт, работающем в коммерческих доках.

– Вы часто видите? – спросила Кейт. – А то ты целыми днями здесь. Он – на другом берегу.

– Теперь часто, миссис Финнеган. После всех этих убийств он ходит за мной как тень. Провожает утром, по пути на работу. Вечером встречает. По правде говоря, я ужасно рада. Прежде любила погулять в темноте. Теперь как отшибло.

– Понятное дело. Я вот думала, женщины таких занятий перепугаются и носу впотьмах не высунут. Ан нет. Пэдди говорит, они ему и сейчас попадаются поздним вечером.

– Они ж другого не умеют. Если перестанут ловить клиентов, с голода помрут.

– Отец Диган обещал в воскресной проповеди поговорить о корнях этих убийств. Плата за грех есть смерть и все такое. Ему виднее, какие проповеди говорить. Священник все-таки. Но мне жалко этих женщин. Я их тоже иногда вижу. Кричат, бранятся. Пьяные все и... полованные. Не думаю, что они сами такую жизнь себе выбирали. Кого джин сгубил, кого разные тяготы.

– Вы бы слышали, как миссис Бранстон их честит! – сердито подхватила Лилли. – Убитых называет не иначе как прислужницами Сатаны. Говорит, сами заработали, за свое ремесло. Ей-то что? Живет в тепле, денежки чуть ли не из задницы выковыривает. – Лилли хлебнула чая и немного успокоилась. – Сколько этой миссус кости не полощи, другой все равно не станет. Бабка моя так говорила: «Мораль для тех, кому она по карману». А вообще-то, миссис Финнеган, меня не так убийства волнуют, как настроения у парней на причалах и складах.

– А то я не знаю!

– Они правильно требуют. Я с ними согласна. Но если дойдет до забастовки... один Бог знает, когда мы с Мэттом сможем пожениться, – с тревогой призналась Лилли. – Только на следующий год.

– Не волнуйся, дорогуша. Думаю, вы поженитесь скорее, – сказала Кейт, коснувшись руки подруги. – А если и подождать придется подольше, твой Мэтт – хороший парень. Он тебя любит и все понимает.

Кейт старалась успокоить Лилли, однако у самой на душе было беспокойно. Угроза забастовки делалась все реальнее. Пэдди не сомневался, что забастовка обязательно начнется, и

весь вопрос – когда. На прошлой неделе Кейт взяла листок бумаги, карандаш и попыталась высчитать, сколько они продержатся, если Пэдди уволят. Несколько дней. В лучшем случае неделю.

За свой труд грузчика Пэдди получал около двадцати шести шиллингов в неделю, работая по шестьдесят часов, а иногда и больше. Когда приходили крупные партии товара, заработки возрастали. Но бывали и дни затишья, уменьшавшие сумму недельного жалованья. Еще три шиллинга Пэдди приносили дежурства в качестве ночного сторожа или тарирование чая. Он переворачивал ящики и сгребал чайные листья в кучи, готовя работу для сортировщиков. Итого – двадцать девять шиллингов. Два из них он оставлял себе на пиво, табак и газеты. Еще шиллинг – отчисление на союз. Остальные отдавал Кейт, в чью задачу входило растягивать их на расстояние, превышавшее длину Майл-Энд-роуд.

К деньгам мужа Кейт добавляла свои, полученные за стирку. После расходов на мыло и крахмал у нее оставалось четыре шиллинга. Родди платил ей за жилье и стол пять шиллингов в неделю. Около одиннадцати шиллингов приносил домой Чарли, около семи – Фиона. Старшие дети получали больше, но Чарли оставлял себе на пиво и шейные платки, а Фиона откладывала на магазин. Получалось пятнадцать шиллингов. Суммарные доходы семьи Финнеган равнялись двум фунтам десяти шиллингам в неделю плюс-минус шиллинг.

За жилье приходилось отдавать восемнадцать шиллингов. Дом стоил очень дорого. Многие семьи снимали только один этаж, платя от восьми до десяти шиллингов. Однако дом был теплым, сухим и без клопов. Жизнь скопом Кейт считала ложной экономией: что сбережешь на арендной плате, потом отдашь на врачей и вычеты за пропущенные дни. Уголь стоил им шиллинг в неделю. К зиме придется отдавать два. Масло для ламп – еще шесть пенсов.

После этих вычетов у Кейт оставался фунт и девять шиллингов. Все это она могла бы потратить на еду, хотя и таких денег не хватило бы на достойный стол. Кейт ограничивала себя двадцатью шиллингами в неделю на покупку мяса, рыбы, картошки, фруктов и овощей, муки, хлеба, крупы, нутряного сала, молока, яиц, чая, сахара, масла, джема и патоки. Из всего перечисленного она умудрялась трижды в день готовить еду на шестерых (маленькая Айлин не в счет). За похоронную страховку отдавали шиллинг в неделю. Еще один – на случай, когда чья-то одежда или обувь прохудится и потребует починки. Два шиллинга Кейт откладывала на «последствия забастовки», начав пару месяцев назад. В этом она не делала себе никаких послаблений. Монеты добавлялись регулярно, даже если ей приходилось изымать их из денег на еду. Оставшиеся деньги – что-то около четырех шиллингов – уходили на оплату врача, сапожную ваксу, сухари, леденцы для горла, спички, иголки и нитки, воротнички, мыло, травяную настойку, марки и мазь для рук. После всех расходов в семейной копилке оставалось лишь несколько пенсов.

Их нынешний уровень жизни был результатом усердного, самоотверженного труда Пэдди и Кейт. Пэдди имел постоянную работу и, таким образом, занимал привилегированное место среди грузчиков. А когда они только поженились, он перебивался случайными заработками. Каждый день поднимался затемно и шел на берег в расчете, что где-то понадобятся рабочие руки. Распорядитель отбирал самых сильных, платя по три пенса в час. Когда подростки Фиона и Чарли тоже начали работать, их деньги заметно облегчили положение семьи. Семья Финнеган относилась к числу бедных, но они были уважаемыми бедняками, имеющими работу, а это значило очень много. Кейт не закладывала вещи, чтобы купить еды. Ее дети ходили опрятными, в чистой одежде и в целой обуви.

Постоянная борьба за сведение концов с концами иногда выматывала Кейт. Однако судьба не оставляла им выбора: или так, или... полная нищета. Для Кейт это было невыносимо. Жизнь превращалась в кошмар. Нечем платить за жилье? Домовладелец вышвырнет твою семью на улицу вместе с пожитками. А дальше – убогая комнатенка в мебелирашке, где вся семья быстро подцепит вшей. Прозябание, когда одежда превращается в лохмотья, когда

твой муж целыми днями пропадает в пабах, потому что ему невыносимо смотреть на тощих, оголодавших детей. На своей улице Кейт видела такое не раз, когда глава семьи терял работу или заболел. У тех семей, как и у ее собственной, не было сбережений, кроме нескольких монет в жестяной коробке. Бедность всегда виделась ей пропастью, в которую гораздо легче скатиться, чем выкарабкаться из нее. Кейт старалась, чтобы их семья находилась как можно дальше от пропасти. Забастовка угрожала толкнуть их к самому краю.

– А я знаю, как мы поступим, миссис Финнеган, – захихикала Лилли. – Я в газетах читала: за поимку Уайтчепельского Убийцы объявлена награда. Сто фунтов. Это же куча денег! Вот мы с вами его и поймает.

Кейт тоже засмеялась:

– Еще бы, Лилли! А какая парочка получится из нас! Темной ночью пойдем в самый глухой переулок. Я возьму метлу, ты – молочную бутылку. И не знаешь, у кого сильнее поджилки трясутся.

Они поговорили еще немного, потом Кейт допила чай, поблагодарила подругу и сказала, что ей пора. Лилли открыла кухонную дверь. Чтобы выбраться на улицу, Кейт требовалось завернуть за угол, выйти через боковые ворота в узкий проход, тянувшийся вдоль дома. Она вечно задевала костяшками пальцев за кирпичную стену. Проще было бы выйти через парадную дверь. Но вдруг кто из соседей увидит и скажет миссис Бранстон? Улица считалась приличной; в здешних домах жили люди среднего класса, и прислуга не смела входить и выходить через парадную дверь.

– Пока, миссис Финнеган.

– Пока, Лилли. Дверь запереть не забудь.

Громадная корзина с бельем заглушала голос Кейт и делала ее похожей на диковинное существо.

Глава 6

«Вот уже и осень», – думала Фиона, кутаясь в шаль. Куда ни помотришь – везде приметы осени: листья падают, дни короче, угольщик с телеги призывает подумать о скорых холодах. Сентябрь есть сентябрь. Воскресный день выдался пасмурным. «СЕЗОН СМЕРТИ» – кричал газетный заголовок. «УАЙТЧЕПЕЛЬСКИЙ УБИЙЦА ПО-ПРЕЖНЕМУ НА СВОБОДЕ».

Фиона сидела на ступеньке крыльца, читая отцовскую газету. Шейми играл рядом. И как только женщины отваживались гулять по закоулкам с незнакомцем, зная, что где-то рядом бродит убийца? «Он дьявольски обаятелен», – сказала ее ма. Скорее всего, мать права. Нужно обладать изрядным обаянием, чтобы женщина согласилась пойти с ним неведомо куда, когда вокруг темень и густой туман.

На ее улице и по всему Уайтчепелу люди отказывались верить, что кто-то способен совершать зверские убийства и затем бесследно исчезать. Полицейские выглядели шутами. Их критиковал парламент, над ними издевались газетчики. Фиона знала, как это сказывается на дяде Родди. Он так и не оправился после убийства Полли Николс. Ему продолжали сниться кошмары.

Мало того, что убийца был чудовищем. Газеты сделали его символом всех бед общества. В рабочей среде это был символ насилия и беззакония, в высших слоях – разврата. Богатые видели в убийце члена некой тайной организации низов, двуногого зверя, обозленного на весь мир. Бедные, наоборот, считали его аристократом, джентльменом, получавшим извращенное наслаждение от охоты на проституток. Для католиков он был протестантом, для протестантов – католиком. Иммигранты, живущие в Восточном Лондоне, считали его сумасшедшим англичанином, пропившим мозги и необычайно опасным. Соотечественники Джона Буля видели в нем грязного, безбожного иностранца.

Фиона не пыталась представить, как выглядит убийца. Зачем это ей надо? Не все ли равно, какое у него лицо? Ей хотелось, чтобы его поймали. Тогда она сможет спокойно гулять с Джо по вечерам, а если опоздает на пять минут, ма не подумает, что ее дочь валяется в переулке со вспоротым животом.

Кубики, которыми играл Шейми, с грохотом посыпались вниз, заставив Фиону вздрогнуть.

– Твою мать! – завопил Шейми.

– Это Чарли тебя научил? – спросила Фиона, и мальчик с гордостью кивнул. – Берегись, чтобы наш па не услышал.

– А где Чарли? – спросил Шейми, поворачиваясь к сестре.

– В пивоварне. За работу по выходным платят больше.

– Скорей бы вернулся. Он мне лакричных конфет обещал.

– Потерпи, малыш. Он скоро придет.

Фионе было неловко за свое вранье. Чарли сейчас находился не в пивоварне, а в «Лебеде» – пабе на берегу Темзы, где колошматил того, с кем бился на кулаках. Но рассказывать Шейми об этом нельзя. Он еще слишком мал, хранить секреты не умеет и невзначай разболтает матери. Чарли участвовал в кулачных боях, чтобы заработать. Фиона узнала об этом от Джо, а он слышал от приятеля, который ставил на Чарли и выигрывал. Теперь понятно, почему с недавних пор Чарли стал приходить домой с синяками. На расспросы отвечал одно и то же: «С парнями поцапался».

Поскольку Фионе не полагалось знать об участии брата в кулачных боях, она не смела спросить, что он намерен сделать с заработанными деньгами. Но она догадывалась: Чарли хотел отправиться в Америку к дяде Майклу. Она помнила, как сияли глаза брата, когда ма вслух читала дядино письмо, где он подробно описывал свой магазин и жизнь в Нью-Йорке. Потом

Чарли сам перечитывал это письмо, сидя за кухонным столом. На Фиону даже глаз не поднял, только коротко бросил:

– Фи, я поеду к ним.

– Нет, Чарли. Ма будет плакать, – возразила она. – Да у тебя и денег на билет нет.

Этот довод на Чарли не подействовал.

– Бьюсь об заклад: раз дела у дяди Майкла идут в гору, он обрадуется помощнику. Тем более что у тети Молли скоро появится ребенок и все такое. Зачем брать кого-то, когда есть родной племянник? Я не собираюсь всю жизнь горбатиться в пивоварне за вшивые деньги.

– Подожди немного, и пойдешь работать к нам в магазин, – сказала Фиона, и Чарли выка- тил глаза. – Нечего кривиться! У нас с Джо будет свой магазин, вот увидишь.

– Я хочу жить по-своему. Поеду в Нью-Йорк.

Фиона позабыла о том разговоре и вспомнила совсем недавно, узнав, что брат зарабатывает кулачными боями. Маленький бунтарь был настроен серьезно. Его манила Америка, где улицы вымощены золотом. Если Чарли туда уедет, он там быстро станет видным парнем. Но Фиону пугала мысль, что он окажется в такой дали. Она крепко любила брата, хотя он доставлял семье немало хлопот. Люди, уезжавшие в Америку, почти никогда не возвращались. Воспоминания да редкие письма – вот и все, что останется им, когда Чарли уедет.

Если так случится, она будет скучать по брату, однако Фиона понимала его желание уехать. Как и она, Чарли не мог смириться с будущим, где нет ничего, кроме изнурительного труда. И почему они с братом должны безропотно принимать такое будущее? Только потому, что бедны? Быть бедным – не преступление. Господь Иисус тоже был беден и происходил из рабочих. Па постоянно напоминал ей об этом. И отец Диган говорил, что бедность – не порок, но нужно проявлять смирение. Если вы бедны – значит Господь уготовил вам такую судьбу, и вы должны безропотно принимать Его волю. Знайте свое место и все такое.

Фиона обвела взглядом противоположную сторону Монтегю-стрит. Ветхие, покрытые копотью дома с тесными комнатами, тонкими стенами и окнами, от которых вечно дуло. Она знала судьбы почти всех соседей. В пятом номере жила семья Макдонаф с девятью вечно голодными ребятишками. В седьмом – Смиты; муж – картежник, жена вечно ходит по ломбардам, дети без присмотра. В девятом – Филлипсы; выживают изо всех сил, но их уважают. Фиона никогда не видела миссис Филлипс улыбающейся, однако эта женщина постоянно мыла крыльцо.

«Неужто и мне так жить?» – думала Фиона. Черта с два она просила себе такую жизнь! Пусть другие смиряются и не ропщут. У них с Джо будет счастливая и богатая жизнь.

Джо. Вспомнив, чем они недавно занимались в переулке, Фиона улыбнулась. Стоило ей подумать об этом, как внутри поднималась темная волна и начинало зудеть между ног. А думала она об этом постоянно. Фиона решила сходить в церковь и покаяться отцу Дигану в грехе, однако по пути решила, что священника это не касается, поскольку ничего грешного она не сделала. Священник назвал бы их ласки непотребством, но Фиона была иного мнения. Она не с кем попало ласкалась, а с Джо.

«Что ж со мной творится?» – удивлялась Фиона. То она было твердо убеждена, что такие вольности недопустимы и даже думать о них нельзя. И буквально через минуту снова представляла себя наедине с Джо: его поцелуи, его руки, трогающие ее там, где не положено. Может, они исчерпали все доступные ласки, а дальше – только то, что бывает между мужчиной и женщиной? И как это происходит? Фиона толком не знала. Слышала: мужчина с силой пихает в тебя свой конец. Но зачем? Потому что не входит? А если не входит, не бывает ли женщине больно? Эх, кто бы ей рассказал! Подруги сами знали не больше, чем она. Спросить у Чарли? Нет, она скорее умрет, чем спросит у него.

Шейми привалился к ее плечу. Он тер глаза и зевал. Пора было его укладывать на дневной сон. Фиона собрала кубики и увела брата в дом. Шейми едва дошел до кровати и заснул

раньше, чем Фиона успела его разуть. Постояв около спящего брата, она вышла из комнаты и плотно закрыла дверь. Чарли еще не вернулся. Дядя Родди ушел в паб. Айлин спала в комнате родителей. Даже отец с матерью легли вздремнуть, как всегда по воскресеньям. Фиона и Чарли с ранних лет знали: дневной родительский сон лучше не тревожить.

В распоряжении Фионы было часа полтора свободного времени. Можно заварить себе чая и почитать. Можно прогуляться по Коммершел-стрит, поглазеть на витрины или навестить подруг. Фиона остановилась в коридоре, раздумывая над решением. В дверь постучали. Она открыла.

– Добрый день, миссус, – послышалось с крыльца. – Не желаете ли каких фруктов или овощей? Репы? Лука? А может, брюссельской капусты?

– Тише, дурень, не то брата разбудишь, а заодно и родителей, – сказала Фиона, радуясь приходу Джо. – Ранехонько ты сегодня. Что, торговля с утра не задалась?

– Торговля? Нет, что ты. Просто... сегодня закончили пораньше. Вот и подумал: позову тебя, прогуляемся к реке, – ответил Джо, улыбаясь во весь рот.

Его улыбка почему-то насторожила Фиону. Раннее окончание торговли – тоже. Какие там прогулки к реке, когда после субботней и воскресной торговли он едва стоял на гудящих ногах? Не иначе как что-то случилось.

– Тогда идем, – сказал он, потянув Фиону за руку.

Шел Джо быстро, даже торопливо, не говоря ни слова. Наверняка о чем-то думал. Неужто опять с отцом повздорил? Фионе не терпелось узнать, но у Джо не было привычки выпаливать все сразу. Соберется с мыслями, успокоится, потом заговорит.

На причалах по обе стороны от Старой лестницы было тихо. Тихой была и река. Прилив схлынул. На волнах покачивалось всего несколько барж и яликов. Раздвижные двери складов были накрепко закрыты. Замерли краны. Темза, как и Лондон, старалась отдышаться в «день Господень», как называли воскресенье.

К реке они не спустились, а уселись на середине Старой лестницы. Джо подался вперед, оперев руки в колени. Он по-прежнему молчал. Фиона перевела взгляд с его лица на речную гладь, ожидая, когда Джо заговорит. Глубоко вдохнув, она ощутила запах чая. Неизменный запах. В ящиках, громоздящихся на складе Оливера, или насыпанный горками на складском полу. Фиона представила коричневую пыль, проникающую сквозь половицы и щели в дверях. Она закрыла глаза и снова втянула воздух. Запах был сладковатым и насыщенным. «Дарджилинг».

– Слышал, Чарли становится своим парнем в «Лебеде», – нарушил молчание Джо.

Фиона знала: он позвал ее на реку совсем не для разговоров о Чарли. Это так, для начала, чтобы подобраться к главному.

– Только бы наша ма не пронюхала. Мигом вытащит его оттуда за ухо.

– И куда он тратит призовые деньги?

– По-моему, копит на билет в Америку. В Нью-Йорк, к нашему родному дяде. Хочет работать у него...

– Фиона... – прервал ее Джо, взяв за руку.

– Чего?

– Я позвал тебя... Мне надо тебе сказать... – Он растерял все свое красноречие. – Выдался шанс... Работа появилась... – Джо вновь умолк, водя носком ботинка по нижней ступеньке, затем посмотрел на ленивые речные волны, набрал полную грудь воздуха и стремительно выдохнул. – Как ни верти, знаю: тебе это не понравится. Словом... Томми Петерсон предложил мне работу, и я согласился.

– Ты... что? – ошеломленно спросила Фиона.

– Согласился на его предложение, – ответил Джо и зачистил словами: – Фи, там хорошее жалованье. Гораздо больше, чем моя доля в отцовской торговле.

– Ты согласился работать у Томми Петерсона, отца Милли?

– Да, но...

– А нашему магазину – конец? – сердито спросила она, выдергивая руку. – Ты это хотел мне сказать?

– Нет, совсем не это! Фиона, ну чего ты взбеленилась? Так и знал, что сделаешь из мухи слона. Лучше помолчи и послушай!

Фиона нарочно отвернулась к реке. Конечно, Милли Петерсон приложила тут свою пухлую ручку. Джо взял Фиону за подбородок и повернул лицом к себе, но она оттолкнула его руку.

– Я буду делать почти то же, что делал на рынке, – торговать овощами и фруктами, – начал объяснять он. – Томми видел меня у отцовской тележки. Ему понравилась моя манера. Но теперь я буду продавать не покупателям, а другим лоточникам... – (Фиона сидела с каменным лицом и молчала.) – Я много узнаю про оптовую торговлю. Я буду работать с теми, кто поставяет товар. С фермерами из Джерси и Кента. С французами. Я увижу продажи и покупки на крупнейшем лондонском рынке и...

– Где? На Спитафилдсе? – перебила его Фиона, имея в виду близлежащий оптовый рынок.

– Не-а, и в этом вся соль. Я сначала тоже думал, что Петерсон определит меня на Спитафилдс. А он сказал, я буду работать на Ковент-Гардене.

– А Монтегю-стрит, значит, прости-прощай, – угрюмо заключила Фиона.

– Фи, мне иначе никак. Работа начинается в четыре утра. Из Уайтчепела туда топать два часа. Сейчас фермеры свозят свой урожай чуть ли не круглые сутки. Мне придется работать до позднего вечера. Само собой, лучше ночевать рядом с работой.

– Это где же?

– Петерсон отвел комнату в здании рынка. Над конторскими помещениями.

– И там тебя ждут кровать, умывальник и хозяйская дочка.

– Нет, Фи. Со мной будет жить его племянник. Парень моего возраста. И за комнату с меня не возьмут ни пенса. – (Фиона молча повернулась к реке.) – Фи, грех упускать такой шанс. Ну почему ты сердисься?

Почему? – мысленно спросила себя Фиона, приклеившись глазами к барже. Потому что я с самого детства привыкла видеть тебя на Монтегю-стрит; потому что стоит мне тебя увидеть и у меня колотится сердце; потому что от твоего лица, улыбки, голоса это место становится не таким унылым. А еще потому, что наши мечты дают мне надежду и помогают переносить каждодневные тяготы. Тебе мало?

Она проглотила комок в горле, удерживая слезы, готовые пролиться, невзирая на весь ее гнев.

– Ты меня огорошил. Все так неожиданно. Ты согласился на новую работу далеко от дома. Я тебя не увижу ни на улице, ни на рынке. С кем я теперь буду сидеть здесь субботними днями? И... и... – Фиона замолчала, кусая губы.

– Фиона, посмотри на меня, – попросил Джо, смахивая слезинку с ее щеки; она повернулась, но смотреть на него отказывалась. – Я ж не с бухты-барахты согласился на эту работу. Петерсон предложил мне два дня назад. С тех пор я только об этом и думаю. Кручу и так и эдак. Думаю, что лучше. Не для себя одного. Для нас. И эта работа – как подарок судьбы. Пойми, Фи: мне осточертело работать с отцом. У нас с ним постоянные стычки. И свое дело начать я тоже не могу. Получится, что я – конкурент отцу, отбиваю кусок хлеба у семьи. У Петерсона я буду зарабатывать вдвое больше, чем у отца. А значит, и накопление денег на наш магазин пойдет быстрее. И еще. Я совсем бесплатно узнаю разные торговые хитрости, которые мы потом применим у себя. Разве ты не понимаешь, как это нам поможет? – спросил он, крепко сжимая руку Фионы.

Фиона кивнула. Она понимала. Вспышка гнева прошла. Джо был прав: это хороший шаг, пусть и тяжелый. Все, что позволит им открыть свой магазин пораньше, можно считать благом. Но грусть не проходила. Умом она понимала доводы Джо, а сердце было готово разорваться.

– Когда уезжаешь?

– Завтра.

– Ну и подарочек ты мне сделал, Джо.

– Да не кисни ты, бедняжка, – сказал он, тщетно пытаясь приободрить Фиону. – Это же не навсегда. Я выберусь при первой возможности. И что-нибудь тебе привезу. Хочешь?

– Только себя. Больше ничего не надо. И обещай не залипать на Милли. Она найдет повод постоянно наведываться на рынок. Будет там глазками стрелять и кокетничать.

– Не будь дурочкой.

Фиона быстро спустилась к берегу и побрела в сторону причала Ориент. Набрав по дороге камешков, она начала швырять их в воду, стараясь успокоиться. Как ей не стыдно? Думала только о себе. Ах, ей не с кем будет посидеть у реки. А о Джо она подумала? Ему придется нелегко. Новое дело, интересное. Но его же позвали не бумажки в конторе писать. На Ковент-Гардене ему придется крутиться еще больше, чем на местном рынке. Фиона кое-что слышала о Томми Петерсоне. Этот человек сам работал чуть ли не сутками и других заставлял.

Джо встал рядом и тоже начал бросать камешки. Перебросав все, нагнулся за новыми. Один камень застрял в речной глине и упорно не желал вылезать. Потом вылез с чмокающим звуком. Лунка сразу же заполнилась водой. Внизу блеснуло что-то синее. Бросив упрямый камень, Джо сунул руку в речной ил. Пальцы нащупали небольшой твердый предмет. Вскоре Джо вытащил его на поверхность.

– Фи, ты посмотри, – сказал Джо, отмывая находку от ила.

Фиона тоже наклонилась. На ладони Джо лежал гладкий овальный камешек, плоский снизу и слегка выпуклый сверху. От края к середине тянулась глубокая борозда, которая на середине раздваивалась, и каждая борозда изгибалась к краю камешка. Камешек был цвета индиго и длиной чуть больше дюйма. Когда он подсох, поверхность стала матовой. Судя по всему, камешек долго пролежал в реке, испытывая воздействие воды и песка.

– Какая красивая у него синевая, – сказала Фиона.

– Даже не знаю, откуда он. Может, доньшко старого пузырька из-под лекарства, – сказал Джо, вертя находку между пальцами, потом взял Фиону за руку, положил камешек ей на ладонь и сжал ее пальцы. – Вот. Речной самоцвет для тебя. Это лучшее, что я могу подарить тебе сейчас, но в один прекрасный день я сделаю тебе более дорогой подарок. Обещаю!

Фиона, разжав руку, внимательно разглядывала свое сокровище, наслаждаясь тяжестью камешка. Когда Джо уедет, она будет носить его подарок с собой повсюду. Если ей станет одиноко, достаточно сунуть руку в карман и нащупать камешек, который напомнит ей о Джо.

– Фиона...

– Мм... – промычала она, разглядывая камень.

– Я люблю тебя.

Фиона изумленно посмотрела на Джо. Прежде он таких слов не говорил. Их чувства друг к другу были чем-то понятным без слов. В мире кокни не принято говорить о сокровенных чувствах. Джо любил ее. Фиона это всегда знала. Ей и в голову не приходило усомниться. Но услышать об этом из его уст...

– Я люблю тебя, – повторил Джо уже с напором. – Поэтому береги себя. Меня рядом не будет, и присмотреть за тобой некому. Когда возвращаешься с фабрики, не пытайся сокращать расстояние. Никаких переулков. Иди прямо по Кэннон-стрит, там быстренько через дорогу и домой. На реку одна не ходи, только если нужно встретить па. И вообще, после того как стемнеет, носу из дому не высовывай. Этот подонок все более распоясывается.

Печаль, владевшая Фионой, вдруг сделалась невыносимой. На глаза опять навернулись слезы. Джо уезжал всего-навсего в Вест-Энд, но для нее это все равно что Китай. Ей к нему не приехать – омнибус стоит недешево. Фиона не представляла, как будет жить в разлуке с Джо. Ее ждала череда одинаковых, унылых и бесцветных дней. И Джо уже не попадется ей на глаза ранним утром катящим тележку на рынок, а вечером он не придет на ее крыльцо.

– Джо, – тихо сказала она.

– Чего?

Фиона обвила ладонями его лицо и поцеловала:

– Я тоже тебя люблю.

– Еще бы не любила, – буркнул он, смущенный признанием. – Кто ж устоит перед таким ладным парнем, как я?

Фиона не засмеялась. Ее охватил неподдельный страх потери. Ей казалось, что у нее отбирают Джо. Она снова поцеловала его, страстно, как никогда еще не целовала. Пальцы вцепились в его рубашку. Фионой двигала слепая, неудержимая потребность в нем. Ей хотелось крепко прижать Джо к себе и никуда не отпускать. Объявить его своим, утвердить свое право на него. Фиона знала, насколько опасны подобные чувства и куда они способны завести, но это ее не волновало. Он уедет, по-другому нельзя. Но пусть увезет с собой частицу ее, а она сохранит частицу его.

От места, где они стояли, было совсем недалеко до причала Ориент и сумрачного пространства под сваями. Фиона повела Джо туда, под сваи, на которых держался вдающийся в реку причал. Здесь было даже не сумрачно, а по-настоящему темно. Тихо плескались речные волны. Других звуков не было. Можно не опасаться, что их заметят с баржи или корабля и начнут свистеть и улюлюкать.

Она вновь притянула Джо к себе, целуя в губы и шею. Когда его рука передвинулась с ее талии на грудь, Фиона сама вдавила его пальцы в блузку. Ее девчоночьи страхи исчезли. Она всегда жаждала его губ и прикосновений и одновременно боялась. Сейчас Фиона была готова последовать желаниям тела – неотступным и неистовым. У нее громко стучало сердце. Болезненный жар, начавшийся в нижней части живота, разливался по всем жилам, заглушая предостерегающие голоса в голове. Ей было мало прежних ласк. Сколько бы она ни целовала Джо, сколько бы ни водила руками по его телу, сколько бы ответных прикосновений ни получала... все это не могло удовлетворить нового, сильного желания, возникшего у нее. Наоборот, оно только крепло. Фиону обдавало волнами невыносимого жара. У нее перехватило дыхание. Фиона боялась, что умрет, если не заполнит саднящей пустоты внутри.

Пальцы Фионы потянулись к плечам Джо, сбросив с них куртку. Он торопливо вытащил руки из рукавов и швырнул куртку вниз. Фиона расстегнула на нем рубашку, водила ладонями по груди и спине. Она приникла губами к коже и вдыхала его запах. Могло показаться, что она стремится запомнить ощущения каждого уголка его тела, запечатлеть в памяти запах и вкус. Но и этого ей было недостаточно.

Фиона расстегнула и сняла блузку, потом взялась за тесемки белой хлопчатой камисоли. Через мгновение камисоль белым облачком опустилась на землю, оставив ее обнаженной по пояс. Встретившись с глазами Джо, она увидела в них желание, но не знала и даже не догадывалась, насколько велико его желание. Джо с раннего детства почти ежедневно виделся с Фионой, знал, в каком она настроении, знал ее выражения и жесты. Но такой он видел ее впервые. Волосы, разметавшиеся по плечам, иссиня-черные на ее коже цвета слоновой кости. Ее прекрасные груди – круглые и зрелые. И ее глаза: синие и глубокие, как океан.

– Боже... до чего ж ты красивая! – прошептал Джо.

Осторожно, с необычайной нежностью, он взял в ладони ее груди и поцеловал. Потом поцеловал ложбинку между ними и наконец место над сердцем. А дальше произошло нечто странное. Джо поднял с земли одежду Фионы и подал ей.

– Ты что же... меня не хочешь?

– Я? Не хочу? – усмехнулся Джо и порывисто схватил ее руку и поднес к выпирающему бугру. – Похоже, что я тебя не хочу? – (Фиона отдернула руку и густо покраснела.) – Фиона, я ужасно тебя хочу. Так сильно, что и сравнить не с чем. Я чуть было не разложил тебя прямо на земле. Одному Богу известно, как я нашел силу остановиться.

– Почему? Я не хотела, чтобы ты останавливался.

– А ты не знаешь, что от этого дети бывают? Представь: я далеко, на Ковент-Гардене, а ты здесь, с большим брюхом. Да твой отец убьет нас обоих.

Фиона закусила губу. Незачем Джо знать, что она была готова рискнуть – настолько сильно его хотела.

– Случись такое, Фи, я бы сразу на тебе женился. Ты и сама знаешь. Но зачем нам сейчас ребенок? При нашей-то нищете? Нельзя отступать от нашего плана. Скопим денег, откроем магазин, поженемся. А когда пойдут дети, у нас уже будут деньги, чтобы устроить им достойную жизнь. Согласна?

– Согласна, – тихо отозвалась Фиона.

Она оделась, заплела волосы в аккуратную косу, стараясь вести себя спокойно и собранно. Ее ум соглашался с доводами Джо, а тело – нет. Ей было неуютно в собственном теле: жарком и глубоко неудовлетворенном. Оно по-прежнему требовало завершения и не желало думать о последствиях.

– Тогда пошли, – сказал Джо, протягивая руку.

Он прижал Фиону к себе, и они простояли так еще несколько минут, затем пошли обратно к Старой лестнице. Поднявшись наверх, Джо остановился и в последний раз посмотрел на баржи, чайные склады и реку. Неизвестно, когда он снова увидит знакомый пейзаж.

По пути домой Джо, как обычно, стал поддразнивать ее. Он безотрывно смотрел на Фиону и улыбался. Когда она, не выдержав, потребовала объяснений, Джо расхохотался и покачал головой:

– Я и подумать не мог.

– О чем это ты подумать не мог?

– Помнишь, как однажды у стены пивоварни ты волновалась, что я зайду слишком далеко? Кто бы мог подумать, что моя робкая фиалочка, моя стыдливая девочка окажется... ненасытной козой?

– Не смей меня дразнить! – воскликнула Фиона, покраснев до корней волос.

– А по-моему, это здорово. Мне понравилось. И в день нашей свадьбы изволь быть ненасытной козой, иначе я на тебе не женюсь. Отправлю тебя назад к родителям. Верну, точно ящик гнилых яблок.

– Тише ты! Вдруг услышат?

Навстречу им шла пожилая пара. Джо изменил голос и, подражая манере деловых людей, сказал:

– Что ж, даже если мне сегодня и не удалось заключить сделку, я хотя бы подробно осмотрел товары. И скажу тебе, дорогая, я доволен их качеством.

Весь обратный путь из Уоппинга Джо смешил Фиону. Она почти забыла, что завтра он уезжает. Но когда они свернули на Монтегю-стрит, ей стало не до смеха. Завтра Джо покинет родные места. Она придет с работы, а его уже нет.

Почувствовав ее состояние, Джо взял ее за руку:

– Фи, помни о том, что я тебе говорил. Это ж не навсегда. Ты и соскучиться не успеешь, как я появлюсь. – (Она кивнула.) – Береги себя, – сказал Джо, целуя ее на прощание.

– И ты тоже, – пробормотала она.

Фиона смотрела ему вслед и не могла прогнать мысль, что Джо уходит от нее.

Родди О'Мира скрючился и застонал. Внутри что-то забурлило, поднялось, а еще через мгновение желудок исторг пирог с говядиной и луком, который он ел на ужин. Родди привалился к щербатой кирпичной стене во дворе дома номер 29 по Хэнбери-стрит и заставил себя глубоко дышать, пытаясь силой волей удерживать новые позывы к рвоте. Он вытер пот со лба. Вот те на! Шлема на голове не было.

– Не хватало еще и шлем заблевать, – проворчал он.

Родди проглотил комок в горле, заметил валявшийся шлем, торопливо осмотрел и надел на голову, потуже затянув ремешок под подбородком. После этого он заставил себя вернуться к телу. Желудок желудком, а работу делать надо.

– Тебе получше? – спросил полицейский врач Джордж Филлипс.

Родди кивнул и потянулся за фонарем «бычий глаз», оставленным возле тела.

– А теперь, приятель, посвети-ка мне сюда, – попросил доктор Филлипс, присаживаясь на корточки перед трупом.

Родди направил луч на голову убитой. Доктор принялся строчить в записной книжке, попутно задавая вопросы и выслушивая мнения дежурного инспектора Джозефа Чандлера и нескольких сыщиков. Родди оглядел тело. То, что еще несколько часов назад было живой, дышащей женщиной, превратилось в изуродованный труп. Она лежала на спине, с бесстыдно раздвинутыми ногами и вспоротым животом. Убийца вытащил оттуда все кишки и свалил осклизлой горкой рядом. Он изрезал ее бедра и исполосовал плоть между ними. Рана на перерезанном горле напоминала тугое ожерелье с гранатами. Застывающая кровь зловеще поблескивала в свете фонаря.

– Боже милостивый! – пробормотал кто-то из сыщиков. – Представляю, как газеты распишут сцену убийства. Кишки повсюду...

– Газетчиков здесь не будет. Ни одного! – рявкнул Чандлер, поднимая голову. – Дэвидсон, – обратился он к сыщику, – возьмите дюжину полицейских и расставьте перед зданием. Никого, кроме наших, сюда не пускать.

Нынешнее убийство было самым жестоким. После убийства Полли Николс на Бакс-роу полиция усилила патрулирование улиц, но прошло всего девять дней, и Уайтчепельский Убийца лишил жизни еще одну проститутку.

Родди доводилось видеть смерть. Случалось, мужья забивали жен. Умирили от голода беспризорные дети. Кто-то становился жертвой пожара или несчастного случая. Но те смерти не шли ни в какое сравнение с цепочкой зверских убийств. Убийца был охвачен ненавистью, черной и ошеломляюще безумной. Тот, кто расправился с этой и остальными женщинами, яростно их ненавидел. Причина такой ненависти оставалась для всех загадкой.

Жуткая картина грозила застрять у Родди в мозгу. Но на этот раз он не позволит ей стать новым источником кошмаров. Весь свой ужас и гнев он направит на поимку злодея. Они поймут Уайтчепельского Убийцу. Это лишь вопрос времени. И когда они схватят это чудовище, преступника ждет виселица. Пока доктор Филлипс осматривал труп, десятки полицейских и сыщиков прочесывали окрестности, пытаясь найти хоть какие-то зацепки. Они стучали в двери домов, будили жильцов. Вдруг те что-то видели или слышали?

– Посвети сюда, – попросил доктор Филлипс, указав на вспоротый живот убитой.

Родди передвинулся, переступив через лужу крови. Луч фонаря осветил изуродованное чрево. Желудок Родди сжался до размеров грецкого ореха. Его мутило от сладковатого медного запаха крови, а также от зловония человеческих органов и их содержимого.

– Горло перерезано обычным способом: слева направо. Убийство произошло не более получаса назад. Трупное окоченение еще не наступило, – продолжая делать записи, сообщил инспектору Филлипс. – Травмирование брюшной полости отличается большей жестокостью, чем в прошлый раз. Такое ощущение, что...

Скрип неподатливого окна, которое пытались открыть, заставил доктора Филлипса поднять голову. Родди и остальные последовали его примеру. На верхних этажах домов, выходящих во дворик, были открыты почти все окна. Оттуда высовывались головы и руки, указывающие на труп.

– Прошу закрыть окна и отойти от них! – крикнул доктор. – Это зрелище не для добропорядочных людей.

Закрылось всего несколько окон. Из остальных продолжали глазеть.

– Вы слышали? Или по-хорошему не понимаете? Отойдите от окон, а не то я привлеку вас за попытки помешать полицейскому расследованию! – проревел Чандлер.

– Неча нас пугать, начальник! – ответил чей-то дерзкий голос. – Я здешнему старому хрычу два пенса дал, чтоб поглазеть.

– Боже милостивый! – простонал Филлипс, затем повернулся к телу и хмуро бросил: – Давайте покончим с осмотром и прикроем труп. Не будем устраивать зрелище для этих вурдалаков.

Завершив осмотр тела, врач отпустил Родди, и тот присоединился к полицейскому оцеплению с фасада здания. Пока инспектор и сыщики осматривали место преступления на предмет улик, Родди и его сослуживцы остались один на один с угрюмой толпой.

Напротив него оказалась женщина в мужском пальто, накинутаго поверх ночной сорочки. Ее глаза были полны страха и гнева.

– Констебль! – крикнула она, делая несколько шагов в его сторону. – Чё, опять этот хлыщ, да? Уайтчепельский Убийца? Еще одну распотрошил? А ваши молодцы опять профукали?

Соблюдая официальные правила, Родди ничего ей не ответил и намеренно устремил взгляд на дом через дорогу.

– Ничего-то вы не делаете! – продолжала кричать женщина; ее пронзительный, визгливый голос напоминал крики грачей. – А все потому, что он беднячек режет. До нас никому дела нет. Погодите, вот он на запад пожалует, богатеньких дамочек чикать. Тогда вы его вмиг схватите!

– Вот-вот, миссус, – подхватил какой-то мужчина. – Эти молодцы даже триппер в борделе поймать не могут.

Глумливые и язвительные насмешки множились. Толпа становилась гуще и угрюмее. Инспектор Чандлер протолкнулся вперед, высматривая самых крикливых.

– Сейчас приедет карета «скорой помощи», – сообщил он полицейским. – Как только увезут тело, эти... обличители быстро рассеются.

– Скольких еще он пришьет? – завизжала другая женщина. – Чё молчите?

Чандлер с неприязнью посмотрел на толпу. Подозвав сыщиков, он собрался уйти, как вдруг из толпы послышалось:

– Да, инспектор, скольких еще он пришьет?

Чандлер скорчил гримасу.

– Сэр, вам задали вопрос. Публика имеет право знать!

Родди мельком взглянул на говорившего. Этот голос был ему знаком. Энергичный, возбужденный, с почти веселой интонацией, голос принадлежал жилистому, всклокоченному человеку, который сейчас торопливо проталкивался к Чандлеру.

– Мне нечего вам сообщить, Девлин! – прорычал инспектор.

– Горло у нее перерезано?

– Без комментариев.

– Тело изуродовано?

– Я же сказал, без комментариев! – отрезал Чандлер.

Велев полицейским не поддаваться на провокации, он вернулся к Филлипсу.

Отказ не смутил репортера. Девлин смерил взглядом цепочку полицейских:

– А что скажете вы, джентльмены? Похоже, наш парень продолжает забавляться? Но полиции, как всегда, рядом не оказалось. Прибежали лишь на ее предсмертный крик. Будь вы попроворнее, она бы осталась жива. А вы плететесь в хвосте...

Девлин умел ловить рыбку в мутной воде. Вот и сейчас один молодой полицейский, обиженный словами репортера, заглотнул наживку.

– Мы не плелись в хвосте! Ей горло перерезали. Смерть была мгновенной. Она...

– В какое время? – тут же спросил Девлин. – Кто ее обнаружил?

Парня пихнули локтем под ребра, велев закрыть рот, и Девлин, приготовившийся записывать, ушел несолоно хлебавши.

Родди вздохнул. Он был раздражен и взбудоражен. Ему не хотелось стоять на месте. Лучше стучаться в двери домов. Лучше хоть чем-нибудь заняться. Только так можно стереть из памяти жуткое зрелище: изуродованное тело жертвы, ее раскинутые ноги и красный цветок, прикрепленный к кофте. Сможет ли он спать после этой ночи? Родди закрыл глаза, но картины продолжали мелькать и за сомкнутыми веками. А в голове неумолчно звучал изводящий душу голос Девлина: «Сколько он еще пришьет?»

Глава 7

Горячая вода, которая течет прямо из крана. Трубы без засоров. Это было чертовски здорово и удивительно! Джо опустил бритву в тазик с теплой мыльной водой, не переставая удивляться чудесам современных бытовых удобств. Умывальник. Ванна. Смывной сортир. И всё – внутри. Глядя на себя в зеркало ванной, он намылил щеку и соскреб покрывавшую ее светлую щетину.

Когда Петерсон сказал, что жить он будет над конторскими помещениями, Джо ожидал увидеть темную каморку, где отовсюду дует и где справлять нужду придется в грязном и сыром отхожем месте на заднем дворе. Как же он обманулся в своих ожиданиях! Но Джо был только рад этому обману. Комната находилась на верхнем этаже трехэтажного кирпичного здания. Когда-то в ней размещался склад, затем ее отвели под ночлег фермеров, приезжавших издалека. А когда к Петерсону на работу приехал из Брайтона его племянник Гарри, комнату переделали, и она превратилась в приемлемое холостяцкое жилище, светлое и чистое, хотя и скромно меблированное. Стены были выкрашены в теплый кремовый цвет. Комната обогревалась чугунной плитой, позволявшей разогреть обед и вскипятить чайник. У плиты лежал старый плетеный ковер, а по бокам стояли два потертых кожаных кресла с подголовником, привезенные сюда с чердака дома Петерсона. Гарри и Джо имели отдельные кровати и узкие шкафы для одежды. Ночными столиками им служили ящики из-под фруктов. На каждом стояло по масляной лампе.

«Пока я могу только благодарить Томми», – думал Джо. Платит хорошо. Жилье выше всяких похвал. Однако Петерсон дал ему нечто большее, чем кров и жалованье; то, что поднимало Джо в собственных глазах. Новый хозяин его выслушивал. Петерсон был умопомрачительно занят. Он командовал целой армией своих работников: закупщиков, продавцов, грузчиков, кучеров, но тем не менее находил время, чтобы выслушать идеи подчиненных, от скромного грузчика до старшего закупщика. Наблюдая за луцильщиками гороха, Джо подметил, что они непроизводительно тратят время, постоянно отлучаясь с рабочих мест за новыми порциями стручков. Если нанять мальчишку-подносчика, они за то же время сумеют сделать больше. Выслушав его предложение, Петерсон нанял мальчишку. Производительность возросла, а Джо заработал одобрительное похлопывание по спине. «Умница, парень», – сказал ему Петерсон. Еще одно предложение Джо сделал, наблюдая за шеф-поварами крупных отелей и ресторанов. Это была разборчивая, вечно спешащая публика. Они кружили по рынку, придирчиво выбирая товар и покупая брокколи в одном конце, а яблоки – в другом. Джо предложил угощать их чаем. Томми согласился, и повара, радуясь возможности выпить горяченького в четыре часа утра, уже не так торопились и покупали больше.

Джо нравилось новое жалованье и удобное новое жилье, но одобрительные слова Томми делали его по-настоящему счастливым. Отец никогда не интересовался его идеями, наоборот – противился каждому предложению, даже толком не выслушав сына. У Петерсона Джо убеждался: его идеи не были пустыми затеями. Они принимались, подтверждались и вызвали похвалу Томми.

Едва у Джо выдалось свободное время, он написал Фионе, рассказав о своей новой жизни: «Мыться в горячей ванне я могу когда пожелаю. Кровать у меня своя. Комната теплая, угля для отопления полным-полно. Все это однажды появится и у нас с тобой и еще много чего». Он рассказывал о работе, о племяннике Петерсона, о фермерах из Девона и Корнуолла и о постоянном столпотворении на рынке Ковент-Гарден. Все это заняло у него четыре страницы. На пятой он сообщил самое главное. Через две недели у него будет два выходных дня – Томми давал два выходных только раз в месяц. Он заедет за ней и повезет в центр Лондона. Она увидит магазины на Риджент-стрит и Бонд-стрит. И это только начало. Как он и говорил,

теперь он может откладывать больше, а значит, они откроют магазин раньше, чем думали. А когда они разбогатеют, у них будет уютный дом с ванной комнатой. Письмо Джо завершился словами: «Очень по тебе скучаю. Надеюсь, и ты по мне скучаешь».

Так оно и было. Он ужасно скучал. Тосковал по дому и семье, но больше всего – по Фионе. Каждый день он узнавал что-то новое и жаждал поделиться с ней. Такое множество новых людей, столько впечатлений! Жаль, что нельзя прийти к ней вечером, рассказать обо всем, что узнал за день, и посмотреть, как она это воспримет. Джо тосковал по ее голосу и широко распахнутым глазам. Улегшись спать, он думал о Фионе, представляя ее прекрасное лицо и улыбку. Но чаще всего он мысленно воссоздавал их прощальную воскресную прогулку, когда под сваями она хотела ему отдаться. Часть личности Джо говорила, что он поступил правильно, тогда как другая часть называла его дураком. Ну какой парень в здравом уме откажется, когда красивая полуголая девчонка сама предлагает? Джо твердо решил: когда они снова окажутся наедине и Фиона снимет блузку, он не станет колебаться. За дни своей жизни в Ковент-Гардене он кое-что узнал не только об устройстве торговли. Спасибо Гарри, просветил.

Мысли о Фионе прервали дождевые струи, застучавшие по окну ванной. День выдался ненастный. Джо собирался отправиться с Гарри на прогулку, но тот похрапывал в кресле у плиты. Никуда они в такой дождь не пойдут. Жаль, конечно. Воскресенье было у них единственным свободным днем после изматывающей недели. Недурно бы выйти на воздух, размяться, может, пропустить по пинте. Но раз зарядил дождь, можно остаться дома и скоротать время за чтением газеты. Они оба изрядно намаялись за неделю. Петерсон был требовательным хозяином и не щадил ни Джо, ни родного племянника. Особенно по субботам, когда он хотел распродать всё подчистую. К концу дня Джо говорил охрипшим голосом, ноги у него гудели, а тело ломало. Они с Гарри дрыхли до самого полудня, проспав перезвон колоколов, выкрики мальчишек-газетчиков и продавца маффинов, обосновавшегося у них под окном.

Джо насухо вытер лицо. В животе заурчало. Может, Гарри все-таки рискнет высунуть нос и они куда-нибудь сходят на обед? Он уже собирался задать Гарри этот вопрос, как внизу кто-то принялся громко колотить в дверь. Джо быстро надел рубашку, накинул подтяжки и вышел из ванной. Стук разбудил и Гарри, и теперь он сонно моргал.

– Кто это? – спросил Джо.

– Понятия не имею, – зевнул Гарри. – Ты ближе к двери. Сходи посмотри.

Джо распахнул дверь на лестницу и помчался вниз.

– Гарри! Впусти меня! Я скоро утону под дождем! – прокричал женский голос.

Джо отодвинул засов, распахнул дверь и нос к носу столкнулся с промокшей Милли Петерсон.

– Джо, дорогуша! – воскликнула она, протягивая ему плетеную корзину. – Держи. Я привезла и вторую. Харрис поможет тебе выгрузить.

Улыбаясь во весь рот, Милли протиснулась в дверь и побежала наверх. Джо с кучером вытащили из кареты вторую корзину. Поблагодарив кучера, он потащил обе корзины наверх.

– Милли-глупышка! – послышался из комнаты возглас Гарри. – Решила нас навестить!

– Как видишь. Хотела сделать тебе сюрприз. Я приготовила две корзины для пикника. Думала, съездим куда-нибудь в парк, а тут этот противный дождь. Ничего, мы и под крышей попируем.

Тяжело дыша, Джо втащил в комнату корзины Милли. Гарри крепко обнял двоюродную сестру, затем поднял и закружил.

– Гарри, опусти меня! Ты меня раздавишь!

Но он продолжал кружить Милли до тех пор, пока она с визгом не стала умолять его остановиться. Когда же наконец он опустил Милли, оба шатались, страдая от головокружения, и взахлеб хохотали, глядя друг на друга.

– Ты у меня получишь, Гарри Итон. Погоди, голова вот перестанет кружиться.

– Помнится, ты любила, когда я тебя кружил.
– Дурачок, мне тогда было пять лет!
– Рад тебя видеть, Милли! – Гарри с искренним восхищением смотрел на нее. – Здесь такая скуотица! Торчим вдвоем, как два пня. А ты – как солнышко в этом унылом месте.
– Скуотица? Унылое место? Большое тебе спасибо, приятель, – сказал Джо.
– Прости, дружище. Ты великолепный сосед, но моя двоюродная сестричка украсит нашу холостяцкую жизнь.

С появлением Милли в комнате и впрямь стало светлее. Она сняла мокрый плащ, оставшись в светло-коричневой клетчатой юбке и жакете. Под жакетом была блузка цвета слоновой кости, с кружевным воротником и манжетами. Наряд прекрасно сочетался с ее светло-кариими глазами и волосами соломенного цвета. В ушах покачивались серьги с топазами, а на запястье поблескивал такой же браслет, маленький и очень изящный. Волосы были убраны в затейливый узел, схваченный черепаховым гребнем. Не девчонка, а картинка, кто бы отрицал. Подумав, что Милли и Гарри хотят полакомиться и пообщаться наедине, Джо решил им не мешать. Он прошел к шкафу за курткой.

– Куда ты собрался? – спросила Милли, поднимая голову от корзины.

– Пойду прогуляюсь.

– В такой-то день? Под дождем? Никуда ты не пойдешь. В такую погоду недолго простудиться и помереть. Оставайся, и попируем втроем. Я надеялась... Я думала, что ты тоже здесь, и потому привезла кучу разных вкусностей. Что же получается: я здесь, а ты – за порог? Гарри, убеди его остаться.

– Боюсь, сэр, тебе придется подчиниться. Милли ясно выразила свои пожелания. Если ты уйдешь, то смажешь нам все пиршество. Милли мне этого не простит.

Джо понял: уходить после таких просьб было бы грубостью. Милли уже начала распаковывать корзину, а он и в самом деле был зверски голоден.

– Ну, если я вам не помешаю...

– Ни в коем разе, – ответила Милли. – Возьми скатерть и расстели перед плитой. Гарри, ты не подкинешь уголька?

Выполняя распоряжения Милли, Джо и Гарри быстро придали комнате праздничный вид. Гарри подбрасывал уголь, пока пламя за дверцей не загудело. Чтобы побыстрее согреть комнату, он приоткрыл дверь на площадку. Джо постелил на ковер белую скатерть и откупорил бутылки с имбирным пивом. Милли выложила на скатерть часть привезенных деликатесов, приглашая парней садиться. Она подала обоим салфетки, достала тарелки, вилки, ножи и ложки. Вскоре на тарелках уже лежала соблазнительно пахнущая еда.

– Слушай, Милли, да тут на целую армию хватит! – воскликнул Джо.

– Эту армию зовут Гарри, – ответила она, разрезая пирог со свиной. – Я, быть может, и не сдвинулась бы с места, если бы не тетя Марта, мамочка Гарри. Написала мне и попросила позаботиться о своем дорогом птенчике, чтобы не оголодал у дяди. Я получила целый список его любимых блюд.

– Надеюсь, мама не написала, чтобы я утупел все это за один присест? Даже мне такой подвиг не по плечу, – сказал Гарри.

В дополнение к огромному пирогу со свиной Милли привезла яйца по-шотландски, колбаски в тесте, пирожки с мясом, жареную курицу, холодную баранину, копченую сельдь, пеклеванный хлеб, стилтонский сыр и сыр чеддер, имбирные хлебцы и лимонное печенье. Джо и Гарри оба были голодны и, едва Милли подала им наполненные тарелки, тут же накинулись на еду.

– Потрясающе, Милли! Спасибо тебе, – произнес Джо.

– И от меня, – пробормотал с полным ртом Гарри. – Несравненно лучше, чем разные помои из закуской.

Пока парни ели, Милли без умолку болтала. Расспрашивала их о работе, вспоминала забавные истории из ее с Гарри детства, заставлявшие смеяться всех троих. Джо узнал, что мать Гарри была единственной сестрой покойной матери Милли и что Гарри старше Милли всего на полгода. В детстве они постоянно играли вместе, но в последние годы, когда семья Гарри переехала в Брайтон, виделись все реже.

Джо смотрел на них: оба светловолосые, у обоих – смеющиеся лица. Их похожесть сразу бросалась в глаза. Даже цвет их кожи был одинаковым, но, в отличие от Милли, Гарри был рослым и мускулистым. Он любил спорт, лошадей и хорошеньких девчонок. Торговля его ничуть не привлекала, в чем он однажды признался Джо, заставив поклясться, что тот ни словом не обмолвится дяде. Гарри хотел путешествовать, мечтал повидать Индию и Африку. Так оно и будет, когда в декабре ему исполнится двадцать.

Едва Джо съел все, что лежало на тарелке, Милли наполнила ее снова. Он глотнул имбирного пива, откинулся на спинку кресла и решил есть помедленнее, чем в первый раз. Им овладела приятная лень. Вкусная еда, пылающий огонь и щебетание Милли рассеяли унылость дня и прогнали чувство одиночества. Ему было тепло; он ощущал сытость и удовлетворение. В его прежней жизни таких дней не было. А тут – никакой работы, никаких забот. Сиди себе перед огнем с друзьями. Он вдруг почувствовал незнакомую легкость.

Джо смотрел на болтающую Милли и думал, есть ли в ее жизни хоть одна тревога и знает ли она вообще, что это такое. Она смотрела на Гарри, но сидела рядом с Джо; настолько близко, что он улавливал запах ее духов. Сирень. От тепла у нее покраснелись щеки. Отсветы пламени красиво играли на ее светлых волосах. Джо закрыл глаза и представил, как бы обрадовалась Фиона этим лакомствам: имбирному пиву, стилтонскому сыру, лимонному печенью. Жаль, что ее здесь нет. Пожалуй, надо будет написать ей и рассказать об этом пикнике под крышей. Впрочем... лучше не стоит. Фионе не понравится, что он столько времени провел в обществе Милли. Пусть Милли и приехала проведать двоюродного брата и выполнить просьбу тетки, Фиона все равно станет ревновать. Пристрастна она к Милли, а ведь Милли – просто милая, общительная девушка. Нет, об этом пикнике лучше умолчать.

Джо слегка ущипнули за ногу. Гарри и Милли смеялись. Потом он сообразил: они смеются над ним.

– Бристоу, ты куда выпал из нашей компании? – спросил Гарри.

Джо открыл глаза, улыбнулся.

– Никуда я не выпадал, – потягиваясь, ответил он. – Просто решил дать отдых глазам.

– Гарри, который час? – спросила Милли.

– Только что пробило пять.

– Мне пора. – Милли принялась заворачивать несъеденное. – Я просила Харриса подъехать к пяти. Наверное, он уже здесь.

– Нет, – возразил Гарри, хватая ее за руку. – Ты никак не можешь уйти. Тебе придется остаться с нами навсегда.

– Это едва ли было бы пристойно с моей стороны. Гарри, отпусти мою руку. Дай собраться... – захихикала она, пытаясь высвободиться.

– Отпущу, если пообещаешь приехать снова. И поскорее. Обещай, Милли.

– Хорошо, но если и Джо тоже хочет меня видеть.

– Конечно хочу, – ответил Джо, стремительно краснея. – Ты так скрасила наш унылый выходной.

Он не кривил душой. В обществе Милли день пролетел незаметно.

Милли улыбнулась ему и продолжила сборы. Гарри и Джо ей помогали.

– Оставшуюся еду я с собой не повезу, – сказала она. – Вынесите на площадку. Там прохладно. Лучше сохранится.

– Охренеть! Нам этого хватит не на один день, – обрадовался Гарри.

– Я вам и вторую корзину оставлю. В ней шерстяные одеяла. Близятся холода, а отцу невдомек, что мерзнут не только яблоки и апельсины.

Когда посуду убрали в корзину, а скатерть аккуратно сложили, Гарри подал Милли плащ и сам завязал тесемки капюшона.

– Будь осторожна по пути домой, – предостерег он. – Мы проводим тебя вниз.

Гарри спускался первым. За ним шла Милли, а за ней – Джо. Дождь прекратился, но на улице было сумрачно и сыро. Помаргивали огни газовых фонарей, отражаясь на мокрых булыжниках. На карете Милли с обеих сторон горели фонарики.

– Добрый вечер, Харрис, – поздоровался с кучером Гарри.

– Добрый вечер сэр, – ответил тот, приподняв шляпу.

Гарри открыл дверцу кареты:

– Пока, Милли-глупышка. Жаль, что ты уезжаешь.

– Я снова приеду. В погожий день. Мы куда-нибудь отправимся на чай или погуляем в парке.

Привстав на цыпочки, Милли чмокнула Гарри в щеку, затем повернулась к Джо и тоже поцеловала его. Его ноздри вновь уловили запах ее духов, щека почувствовала торопливое прикосновение ее губ. Милли крепко сжала ему руку. Затем Гарри усадил ее в карету, постучал по стенке, и Милли уехала.

Несколько минут Гарри и Джо смотрели карете вслед, пока та окончательно не исчезла из виду. Когда поднялись к себе, комната показалась им серой и пустой.

– Очаровательная девчонка. Согласен?

– Угу, – ответил Джо. – Один смех чего стоит. Без нее как-то пусто.

– Прямо кровь с молоком, – продолжал Гарри, усаживаясь перед огнем. – Попомни мое слово: тот, кому она достанется, не прогадает. Приятное личико, богатый отец и отличные сиськи в придачу.

– Я чего-то не заметил, – сказал Джо, нагибаясь за углем, чтобы подбросить в плиту.

– Конечно не заметил, – усмехнулся Гарри, вытянул ноги и удовлетворенно похлопал себя по сытому животу. – Женятся и не на таких лапочках, как Милли. Не будь она моей двоюродной сестрой, я бы сам на ней женился.

Джо вдруг стало неуютно. Слишком уж серьезно Гарри заговорил обо всем этом.

– Может, попытаешься, старина? Кому еще ты нужен? – попытался пошутить Джо.

Гарри скорчил гримасу:

– Увы, ты ошибаешься. Есть жуткая особа по имени Кэролайн Торнтон.

– Кто такая?

Джо закрыл дверцу плиты и тоже сел:

– Особа, которую моя дорогая мамочка выбрала мне в невесты. В Брайтоне. Пучеглазая, никакого намека на сиськи, зубы что старый забор, но зато деньжищ немерено. И влюблена в меня по уши.

– Сущий ангел, – засмеялся Джо.

– Скорее, дьяволица, – фыркнул Гарри. – Но ей меня не заполучить. Нет, сэр. Вот что я тебе скажу, Джо: я поступаю на военную службу за границей. Поклянись, что не разболтаешь моему дяде.

– Я уже клялся.

– Поклянись еще раз.

– Ну хорошо, клянусь, – ответил Джо, глаза которого округлились от неожиданной новости.

– К концу года отбуду к месту службы. Далеко от Лондона, Брайтона и мисс Кэролайн Торнтон. И от яблок с апельсинами тоже. Терпеть не могу торговлю. Ну не лежит у меня к ней душа. Чем дальше, тем постылее мне это занятие.

– Может, расскажешь дяде? – предложил Джо. – Объяснишь все. Глядишь, он тебя поймет.

– Никогда. Дядя Томми убьет меня, когда узнает, но будет уже поздно. Я в то время буду плыть на пароходе на восток. – Гарри замолчал, разглядывая огонь. – Дядя хочет сделать из меня сына, которого у него никогда не было... точнее, которого потерял вместе с женой... но я в сыновья не гожусь.

– Мало ли чего он хочет. У тебя своя жизнь. А дядя... переживет твой отъезд. Пусть поищет себе другого парня в сыновья.

Гарри кивнул, затем повернулся к Джо и с улыбкой ответил:

– Может, уже нашел.

Глава 8

Ничто в Лондоне не могло соперничать с захватывающим зрелищем, которое каждым субботним утром являл собой продуктовый отдел универсального магазина «Хэрродс», поражающий головокружительным разнообразием товаров, а также людским столпотворением. Это был настоящий храм еды, где богатые леди выбирали соблазнительно выглядящие торты и печенье и где властные экономки неумолимо нагружали пакетами безропотных слуг, следовавших за ними. Шустрые продавщицы с молниеносной скоростью заворачивали покупки, а расторопные парни в фартуках неумолимо подносили товары, не давая полкам пустеть.

Фионе казалось, что она перенеслась в волшебную сказку. Двигаясь по проходам между прилавками, она крепко держалась за руку Джо, чтобы не споткнуться. Смотреть вперед она не могла, только по сторонам.

– Ты посмотри! – в очередной раз воскликнула Фиона, указывая на искусную мозаику из рыбы, выложенную на сверкающей горе раскрошенного льда.

Позади этого шедевра на стальных крюках висели кролики, фазаны, гуси, утки и куропатки. Слева тянулся мясной прилавок, где никаких тебе шеек и спинок. Здесь продавали мясо для богатых: нежное филе, темно-желтые окорока, вырезки толщиной с кулак. Они миновали секцию пряностей. Рядом находился винный отдел с нескончаемой чередой бутылок высококачественного портвейна и мадеры. Во фруктовой секции Джо не без гордости указал на румяные яблоки сорта «брамли» и золотистые груши сорта «боск», доставленные сюда от Петерсона с Ковент-Гардена.

Их последней остановкой стал кондитерский зал. Фиону заворожил удивительно красивый свадебный торт. Его вершину цвета слоновой кости украшали каскады красных сахарных роз, сделанных с таким мастерством, что не отличишь от настоящих. Табличка у основания сообщала любопытным: перед ними – копия торта, приготовленного к свадьбе Лилиан Прайс Хаммерсли из Нью-Йорка и Джорджа Чарльза Спенсера Черчилля, восьмого герцога Мальборо. Сахарные розочки, как было написано на табличке, копировали «Американскую красавицу» – сорт роз, недавно выведенный в Соединенных Штатах.

– И у нас с тобой будет такой же, – сказал Джо. – Только его украсят «Уайтчепельские красавицы».

– «Уайтчепельские красавицы»? Что-то не слыхала о таких цветах.

– Их еще называют ромашками.

– Неужто «Хэрродс» повезет заказ в Уайтчепел? – со смехом спросила Фиона.

– То-то зрелище будет! – подхватил Джо и тоже засмеялся. – Фургон от «Хэрродса» ищет дорогу в Уайтчепел. Они, поди, и не знают, что это тоже Лондон.

Корчась от смеха, Фиона и Джо вышли из магазина. Оба представили, как зеленый фургон магазина «Хэрродс», с кучером в белых перчатках, подскакивает на выбоинах уайтчепельских улиц, сопровождаемый толпой уличных сорванцов и стай бродячих собак. А кучер невозмутим и держится прямо, как стрела.

– Куда теперь? – спросила Фиона, синие глаза которой возбужденно сверкали.

– Мы пройдем мимо Гайд-парка к Бонд-стрит и Риджент-стрит, а дальше будет сюрприз. Идем.

Сегодня все для Фионы было сюрпризом, начиная с раннего утра, когда Джо приехал на Монтегю-стрит и постучался в дверь ее дома. Она помчалась открывать, зная, что это он. Джо еще две недели назад сообщил в письме, что хочет взять ее на прогулку в центр Лондона.

Фиона спросила разрешения у матери.

– Спроси своего па, – ответила Кейт.

Отец немного поворчал, но согласился. Затем Фиона попросила мистера Минтона дать ей отгул в субботу. Он упирался, заставил ее чуть ли не на коленях умолять, однако разрешил, не преминув напомнить, что вычтет из жалованья.

Поначалу Фиона только и думала о скорой встрече с Джо, торопя время. Но вскоре ее посетила тревожная мысль: у нее ведь нет нарядного платья. Придется выбирать лучшую из двух юбок и простую хлопчатобумажную блузку. Мать сразу заметила померкшее настроение дочери и быстро догадалась, в чем дело. Кейт великолепно умела решать подобные вопросы и вскоре нашла выход. Она повела Фиону к себе в спальню, открыла сундук и рылась, пока не нашла приталенный жакет с баской в синюю и кремовую полоску с такой же юбкой. В нем Кейт выходила замуж. Ей он был уже тесен – после четверых детей она раздалась в талии и груди, а на Фионе сидел как влитой, подчеркивая изящную фигуру дочери. У своей подруги Бриджит Фиона одолжила латунную, с эмалевым покрытием брошку в виде букета анютиных глазок, а у Грейс, подруги дяди Родди, – красивую вышитую сумочку.

Отец и дядя Родди довершили ее выходной наряд темно-синей бархатной шляпой с широкими полями и двумя красными искусственными розами. В пятницу, вернувшись с работы, Фиона увидела то и другое на ее месте за столом. Па, как обычно, сидел, закрывшись газетой, а дядя Родди неторопливо наливал себе портер. Чарли и Шейми тоже сидели за столом, ожидая обеда. Кейт стояла у плиты. Фиона удивленно посмотрела на шляпу, потом на мать.

– Это от па, – пояснила мам. – И от дяди Родди.

Фиона повертела шляпу в руках. Не новая. Бархат немного потерт в одном месте, где оторвалась часть окантовки. Но красные розы все отлично скроют. Фиона догадывалась: цветы выбирала мать, а деньги на это дали отец и дядя Родди. Она хотела поблагодарить мужчин, но у нее сдавило горло, а глаза влажно заблестели.

– Что, не нравится? – обеспокоенно спросил дядя Родди.

– Что ты, дядя Родди! – воскликнула Фиона. – Чудесные цветы! Спасибо тебе огромное. И тебе спасибо, па!

– Цветочки-то я выбирал, – сказал Родди.

Пэдди хмыкнул.

Фиона обняла Родди, затем, отодвинув газету, обняла отца.

– Спасибо, па. Можно было и без этого.

– А-а, мелочи, – проворчал он. – Погуляй завтра как следует. И скажи молодому Бристоу, чтобы смотрел за тобой, иначе я с него спрошу по полной.

По-прежнему держа шляпу, Фиона провела по мягким бархатным полям. Когда она решила, что удержится от слез, Чарли положил перед ней пару темно-синих кожаных перчаток. И слезы пролились.

– Да не раскисай ты так, – смущенно пробормотал брат. – Перчатки как перчатки. Купил их в магазине подержанных вещей. По-моему, моя сестренка этого стоит.

Тем же вечером Фиона нагрела воды и вымылась. Она хотела вымыть и голову, но Кейт сказала, что сделает это сама. Покончив с мытьем, Фиона принялась гладить юбку, блузку и жакет. Тем временем мать пришивала розы к шляпе. Фиона думала, что ей будет не уснуть, но она уснула, хотя и проснулась рано. Умывшись, она расчесала волосы и с материнской помощью уложила их в прическу. Затем оделась, примерила шляпу, сняла, снова надела.

– Ты так всю прическу испортишь, – заволновалась Кейт.

Наконец Фиона решила, что готова к выходу.

– Пэдди, ты только посмотри на нее, – с гордостью и какой-то грустью сказала Кейт, прикрепляя к лацкану жакета одолженную брошку. – Выросла наша старшая. Красивая, как июньская роза.

Чарли, уплетавший завтрак, хмыкнул, подавившись куском. Пэдди, одеваясь на работу, посмотрел на дочку и улыбнулся:

– Вся в мать.

Фиона украдкой бросила взгляд в зеркальце на кухонной полке и осталась довольна. Мать придумала ей красивую прическу. И жакет сидел на ней как новенький.

Долго любоваться собой ей не пришлось. Во входную дверь постучали. Фиона побежала открывать. При виде ее у Джо округлились глаза. Ему было не удержаться от поцелуя.

– Выглядишь бесподобно! – прошептал он. – Я не помню тебя такой красивой.

Фиона была невероятно рада встрече с Джо. Он уехал всего две недели назад, а ей казалось – прошли долгие месяцы. Внешне Джо изменился: отрастил волосы, похудел на новой работе. Ей не терпелось остаться с ним вдвоем, но приличия требовали зайти в дом и поговорить с ее родителями. Джо прошел на кухню, взял предложенную ему чашку чая и стал рассказывать о своей новой работе.

Когда Пэдди заговорил о рабочих союзах, Фиона поняла: им с Джо пора выходить. Они направились на Коммершел-стрит, где останавливались омнибусы. Но в конце Монтегю-стрит Джо потащил ее в узкий переулок и принялся страстно целовать.

– Как же я по тебе соскучился! – признался он, всматриваясь в лицо Фионы.

Она хотела сказать, что тоже соскучилась, однако Джо вновь прижал ее к себе и поцеловал.

– Идем на омнибус, не то мы так и не вылезем из этого переулка, – сказал он.

По дороге к остановке Джо продолжал рассказывать о рынке Ковент-Гарден, о шеф-поварах из «Клариджа», «Кафе рояль» и клуба «Сент-Джеймс», джентльменам которого невозможно угодить. Он говорил о разносчиках, таскавших тяжелые корзины на голове, о крикливых, сыплющих непристойностями женщинах, что зарабатывали на жизнь лущением гороха и колкой грецких орехов. Подъехал омнибус, запряженный несколькими лошадьми. Заплатив за проезд, Джо и Фиона уселись наверху. Сентябрьский день обещал быть погожим. Несколько потеплело, и поездка на крыше омнибуса позволяла увидеть весь Лондон.

Фиона, никогда прежде не ездившая на омнибусе, была сама не своя от обилия впечатлений. Однако привычка считать каждый пенс все же дала себя знать.

– А это не слишком дорого? – прошептала она. – Тебе по карману?

Джо засмеялся и велел ей не думать об этом.

Омнибус вез их к лондонскому Сити – центру торговли. Джо показывал Фионе здания, где находились конторы богатых торговцев. Она крепко держалась за его руку, поглощая все новые впечатления. В одном месте ее внимание привлек дом, который был выше и роскошнее соседних. Увидев, куда она смотрит, Джо пояснил:

– Владение Бертона. Мне говорили, переделка стоила ему огромных деньжищ. Напрасно твой отец рассчитывает, что союз заставит этого скупердяя прибавить им жалованье.

Сейчас, когда они покинули «Хэрродс» и шли по Бромптон-роуд, Фиона уже не смотрела по сторонам. Ей было не отвести глаз от Джо. Он вновь заговорил о Петерсоне, но умолк, видя, что Фиона смотрит на него, улыбается и явно не слышит его слов.

– Что?

– Ничего, – ответила Фиона.

– Нет, ты скажи.

– Смотрю на тебя, только и всего. Был далеко, теперь рядом. Вроде тот же, но другой. Говоришь без умолку – и все о новых делах и новых людях. И это тебя волнует.

– Фи, а о чем еще говорить? Ты меня удивляешь. Если меня это волнует, то лишь потому, что я думаю о нас. О нашем магазине. Месяца не прошло, а я уже столько полезного узнал. Остался бы я с отцом, вовек бы этого не узнал. Не забывай: Петерсон мне хорошо платит. Помнишь нашу банку из-под какао?

– Еще бы! Я сегодня туда тоже добавлю.

– Подожди, пока не увидишь, сколько там теперь.

– Сколько?

– Увидишь.

– Скажи!

– Нет.

– Почему?

– Надо же чем-то заманить тебя в мое жилище? – лукаво улыбнулся Джо. – Так ты окажешься в моем логове.

– Хочешь познакомить меня со своим соседом Гарри? – спросила Фиона, намеренно сделав вид, что не поняла его слов.

– Он уехал на целый день.

– Да ну? Какое совпадение!

– Еще бы!

– Тогда почему ты хочешь позвать меня к себе? – спросила Фиона, удерживаясь от смеха.

– Потому что там не прибрано, а я не могу тратиться на уборщицу.

– Нахал!

Они задержались возле Гайд-парка, чтобы поглазеть на богатых леди и джентльменов, катавшихся верхом. Дойдя до конца Найтсбриджа, снова остановились: Фионе захотелось увидеть Букингемский дворец, в котором жила королева. Дальнейший их путь лежал по Пикадилли, в сторону Бонд-стрит.

Фиону ждала новая порция впечатлений и удивления. Роскошные витрины «Гаррарда» – ювелиров королевской семьи. «Маппин и Вебб» – золотых и серебряных дел мастера. Универмаг «Либерти», куда ездили за покупками лондонские модницы. Вскоре у Фионы зарябило в глазах от обилия магазинов и товаров, выставленных в витринах. Рулоны всевозможных тканей: шелка, дамаста, бархата. Обувь из мягчайшей кожи. Фиона даже рот раскрыла: оказывается, существовали туфли красного, розового и голубого цвета. До сих пор она считала, что обувь бывает либо черной, либо коричневой. Несколько шагов – и вот уже другие витрины манили обилием кружев и лент, шелковых цветов на шляпы, красивых носовых платков, кружевных перчаток и расшитых бисером сумочек. В здешних магазинах не продавали все подряд; в одном – только мыло, в другом – духи, в третьем – книги. Невзирая на осень, в цветочных магазинах было полно живых цветов из оранжерей. А рядом, в кондитерском магазине, продавали соблазнительного вида торты, печенье и конфеты в красивых коробках.

Фионе хотелось купить что-нибудь для семьи, и она мучительно раздумывала, на чем остановиться. В ее кармане был всего шиллинг. Порадовать ма кружевным носовым платочком? Но тогда она не сможет ничего купить для отца, братьев и дяди Родди. Ее па явно не откажется бы от сигарет в красивой коробке. А что она купит матери? Джо пришел ей на помощь, предложив купить красивую банку ирисок тоффи. Лакомство, которое понравится всем, кроме малышки Айлин. Но та еще не доросла до конфет.

Однако нельзя сказать, чтобы Фиона только глазела. Они с Джо смотрели на витрины, подмечая все, что потом может пригодиться в собственном магазине. По пути им попался дорогой фруктовый магазин, где каждое яблоко было завернуто в тонкую голубую бумажку. Фиона и Джо читали рекламы на домах и проезжавших омнибусах. Даже поспорили о том, в каких коробках лучше продавать конфеты: в белых с красной атласной ленточкой или в темно-синих с ленточкой кремового цвета.

Когда Фиона решила, что увидела все лондонские красоты и поток сюрпризов иссяк, Джо подвел ее к дверям универмага «Фортнум и Мейсон». Швейцар в ливрее открыл дверь и терпеливо ждал, когда они войдут. Джо кивком указал на вход.

– Чего? Сюда? – оробела Фиона.

– Ага. Идем.

– Но, Джо, тут такой шик и блеск...

Швейцар вежливо кашлянул.

– Идем, Фи. Ты загораживаешь проход.

Джо плечом подтолкнул ее. Фионе ничего не оставалось, как войти.

– Ого, это ж только для богачей, – зашептала она, глядя на высокие сводчатые потолки, стеклянные витрины и затейливые узоры пола, выложенного плиткой. – Нам тут что делать?

– Чай пить. Угощаться. Это и есть мой сюрприз. Помнишь, обещал? Идем.

Джо провел Фиону мимо витрин с дорогими деликатесами в чайный зал. Старшая официантка провела их к низкому столику и усадила на мягкие стулья. Фиону настолько потрясли красота заведения и нарядно одетые посетители, что она забыла о тратах. Для нее чайный зал явился настоящим откровением. Она и представить не могла существование прекрасного, совершенного мира, где люди неспешно пили чай и лакомились пирожными. Она вертела головой по сторонам. Глаза у нее сверкали. Она впитывала каждую мелочь и откладывала в память, словно драгоценные камни в нестораемый шкаф. Стены зала, где преобладали два цвета: нежно-розовый и зеленый. Белоснежные скатерти на столах. Живые розы в вазах. Элегантно одетые мужчины и такие же модные женщины. Негромкие звуки пианино, обрывки разговоров, мелодичный смех. И самое прекрасное, что она здесь не одна, а с Джо, сидящим напротив. Сегодняшний день был прекрасным сном. Ей хотелось бы остаться в этом чудесном мире и больше не расставаться с Джо и не возвращаться в Уайтчепел, где ее ждут унылые дни без него. Нет, сейчас она не будет думать об этом, чтобы не разрушить сказку. Сегодня еще не понедельник. Джо проведет с ней весь остаток сегодняшнего дня. Завтра они тоже увидятся, поскольку он поедет в Уайтчепел и заночует в родительском доме.

Из «Фортнума и Мейсона» они ушли где-то в половине пятого, вдоволь насытившись канapé, ячменными лепешками и тортом. Опускались сумерки. На улице ощутимо похолодало. Пройдя немного, они сели в омнибус. Фиона положила голову Джо на плечо и закрыла глаза. Наконец они доехали до Ковент-Гардена; квартира Джо находилась всего в двух улицах от остановки. Повозившись с ключом, Джо быстро открыл дверь. Вскоре они уже были в его жилище. Джо зажег газовые лампы и развел огонь в плите. Пока комната нагревалась, Фиона разглядывала его «логово».

– И это все твое? – спросила она, обойдя комнату.

– Наше с Гарри. У каждого – своя кровать. Поначалу непривычно было. Слишком удобно и просторно. И никакого младшего брата рядом. Никто тебя не лягает.

– И сортир прямо внутри?

– Представь себе! – засмеялся Джо. – Сходи посмотри. Это чудо.

Когда Фиона вернулась, Джо усадил ее перед плитой, дверца которой была открыта и внутри ярко пылал огонь. Глаза Фионы скользнули по вделанной в стену полке, где лежали обычные мужские предметы: бритвы, складной нож, фляжка для виски с выгравированными инициалами «Г. И.» и изящная шелковая сумочка.

– Сумочка твоя или Гарри? – в шутку спросила Фиона.

– Ты о чем? – Джо увидел, куда она смотрит. – А-а... эта... Нет, не наша. Наверное, Милли оставила.

– Милли! Милли Петерсон?

– Угу, – ответил он, вороша угли кочергой.

– А что сумочка Милли делает в вашей комнате? – резко спросила Фиона.

– Ну... она заходит... Гарри навестить.

– И часто?

– Я не считал. В прошлое воскресенье была. Несколько раз на неделе. Похоже, она и сегодня заходила.

– Понятно.

– Что тебе понятно? – спросил Джо, продолжая ворошить угли.

– Не к Гарри она приходит. К тебе.

– Фиона! – простонал Джо. – Опять старая песня?

Фиона была в ярости. Милли Петерсон заявляется сюда каждый выходной. Даже на буднях таскается Джо повидать, пронырливая сучка! А она не виделась с ним целых две недели.

– И чем вы тут занимаетесь, когда она приходит?

– Даже не знаю. В общем-то, ничем. – (Фиону такой ответ не удовлетворил.) – Ну, болтаем втроем. Фиона, да не смотри ты на меня так. Милли – приятная, общительная девушка. Скучно тут после работы одному. А так – посидишь пару часиков с Гарри и Милли, легче становится. Поняла? Гарри – хороший парень. Милли – его двоюродная сестра. И навещает она его. Теперь, может, прекратишь расспросы и не будешь портить наш чудесный день?

– Почему сразу не сказал, что она сюда шастает? – с упреком спросила Фиона.

– Потому что знал, как ты взовьешься. Так оно и вышло. Если заметила, я сегодня не Милли водил по городу. И не Милли сейчас сидит рядом.

– Заметила, – нехотя согласилась Фиона.

Опять она сгруппировалась, поддавшись ревности. Конечно, Джо не виноват, что Милли приходит к двоюродному брату. Вот только не понимает он натуру этой девки. Милли душу продаст, только бы его заполучить. Фиона решила не продолжать спор. Только не сегодня, в такой удивительный день. Она не станет злить Джо, но это не значит, что она закроет глаза на уловки Милли. Джо думает, эта стерва случайно забыла сумочку. Держи карман шире! Предлог это, чтобы лишний раз увидеть Джо. Как тогда на рынке к нему липла, так и сейчас.

Фиона больше не сказала ни слова. Джо тоже молчал. Оба сидели, глядя на огонь: Фиона в кресле, Джо – на полу, возле нее. Потом, в знак примирения, она взъерошила ему кудри. Джо прильнул к ее ногам и закрыл глаза.

– Тебе понравилась прогулка? – спросил он.

– «Понравилась» не то слово. Таких дней у меня еще не было. Сказка! Столько всего повидать... В голове прямо каша. Не терпится ма про все рассказать. Вроде тот же Лондон, где и я живу, а совсем другой мир. «Хэрродс», все эти магазины, чай в «Фортнуме». Не успею дух перевести от одного чуда, а уже другое вижу. Целая куча сюрпризов!

– Вот тебе еще один, – сказал Джо и встал.

Фиона смотрела, как Джо подошел к своей кровати, приподнял матрас и достал знакомую банку из-под какао.

– Наша банка! – воскликнула Фиона, вытягивая спину. – Дай взглянуть. Сколько там? Я свой шиллинг добавлю.

Джо снова сел у ее ног, расправил ей юбку на коленях, после чего высыпал содержимое банки. Фиона взволнованно принялась считать деньги. Джо только улыбался:

– Ты похожа на жадную белку, дорвавшуюся до кучки орехов...

– Не мешай, Джо! Двенадцать фунтов, двенадцать шиллингов, четыре пенса... двенадцать и пятнадцать... двенадцать и восемнадцать... девятнадцать... – считала Фиона. – Никак тринадцать фунтов?

– Еще не все сосчитала. Там больше...

– Тринадцать и шесть... четырнадцать и десять... пятнадцать... Ну черт! Да у нас почти пятнадцать фунтов! – воскликнула она. – Откуда такая прибавка? Когда ты уезжал, у нас было двенадцать и шесть.

– Сейчас расскажу. Петерсон платит мне шестнадцать шиллингов в неделю. Наравне со своим племянником, – начал Джо. – Если случается заказ из отеля или ресторана, я получаю чаевые. За жилье платить не надо. На еду трачусь мало. Газету куплю, пива выпью. Это все. Остальное идет в банку.

– Джо, мы и не мечтали, что к осени скопим так много... Ты столько добавил... Может, мы и магазин откроем пораньше, – затаив дыхание, сказала Фиона. – Ты говорил, год, но с такой скоростью...

Фиона тараторила без умолку. Мысленно она уже видела их магазин и совсем не заметила, как Джо вынул из жилетного кармана сверточек, развернул, взял ее за левую руку и... на безымянном пальце Фионы заблестело тонкое золотое кольцо.

– Последний маленький сюрприз, – тихо произнес он.

Фиона посмотрела на кольцо и ахнула:

– Это мне?!

– А кому же еще?

– Джо! – Фиона обняла его за шею и поцеловала. – Какое чудесное кольцо! Я о таком и мечтать не могла. Как называется камень?

– Сапфир. Под цвет твоих глаз. Помнишь синий камень, что мы нашли на реке? Я тогда обещал сделать подарок получше. И вот. Конечно, не из новых. Дай мне время, и я закажу тебе кольцо у лучшего ювелира, а камень будет величиной с шиллинг.

– Вряд ли оно понравится мне больше, чем это.

Колечко было совсем тоненьким, а сапфир – крошечным, как зернышко. Но Фионе оно казалось настоящим сокровищем.

Джо взял ее руку, повертел надетое кольцо. Выждав минуту, он откашлялся и сказал:

– Ты права насчет наших сбережений. Теперь, когда я зарабатываю больше, они растут быстрее. Мы и в самом деле откроем свой магазин раньше, чем думали. А потому... – он посмотрел Фионе в глаза, – я хочу стать твоим официальным ухажером.

Фиона улыбнулась во весь рот:

– Официальным ухажером? Я должна сказать об этом моему па? Это взаправду?

– Взаправду, – ответил Джо, улыбаясь ее недоверчивости. – Конечно, если я еще нужен тебе, глупая девчонка.

– И мне теперь придется отвалить всех прочих ухажеров? Сказать, что им не светит?

– Само собой, – выпучил глаза Джо. – Уверен, они все будут валяться с разбитыми сердцами.

– Ты же это загодя обдумал? – спросила Фиона, не в силах отвести глаз от кольца. – Целый день знал и молчал, а я и не догадывалась. – (Джо кивнул, довольный собой.) – Ты-то хочешь, а я вот пока не решила, – поддразнила его Фиона, пусть не думает, что один принимает решения. – Почему тебе захотелось ухаживать за мной?

– Странный вопрос.

– И все-таки почему?

– Жалко тебя стало. Обычная девчонка. Тебе ж больше никого не найти.

– Не потому, Джо.

– Нет?

– Нет. Другая причина...

– Угу. Твой па мне приплатил.

Фиону разобрал смех.

– Просто ты меня любишь. Так и скажи.

– Кто это тебе сказал? – фыркнул Джо.

– Ты. Что, не помнишь? На реке. Своими ушами слышала. Ты сказал, что любишь меня.

– Вовек такого не говорил.

– Говорил. Ты меня любишь. Я знаю. Скажи еще раз, и тогда я, может быть, отвечу «да». Джо встал на колени, прижал Фиону к себе и поцеловал. Она вывернулась, требуя:

– Нет, Джо, скажи.

Он снова ее поцеловал.

– Скажи...

Джо заткнул ей рот поцелуем, потом еще одним и еще, пока Фиона не перестала сопротивляться и не уступила. Как здорово было целоваться с ним наедине, в теплой комнате. Ей весь день хотелось его обнять и приласкать. И сейчас ее желание сбылось. Их никто не видит: ни родители, ни матросы с баржи. Никто не мешает. Исчезли все ограничения. Фиона принялась сама целовать Джо: страстно, губами и языком. Ее руки бродили по его плечам и груди. Она восстанавливала свои права на этого парня. Руки Джо легли ей на грудь, поднялись к шее и стали расстегивать пуговицы жакета. Когда он снял с нее жакет, Фиона пристально на него посмотрела и спросила:

– Если я сниму камисоль, ты опять заставишь меня одеться, как на реке?

– Ни в коем разе.

Развязав тесемки, Фиона сбросила камисоль, и та повисла на талии.

– Теперь ты, – сказала она Джо, прикрывая грудь.

Джо молниеносно скинул жилетку и рубашку. Глядя на него, Фиона почувствовала знакомое желание, зашевелившееся глубоко внутри. «Ну разве не красавец?» – думала она. Джо был не просто симпатичным парнем. Он был красивым, о чем свидетельствовала линия подбородка, изгибы сильных плеч и тугие мышцы на животе.

– На что ты смотришь? – застенчиво спросил Джо.

– На тебя.

Фиона приложила ладонь к его груди, с удивлением обнаружив, что волосы там темнее, чем на голове. И под мышками они тоже были темнее, и ниже, под пупком. Обнаженное тело Джо возбуждало ее. Фиона чувствовала, как в нижней части живота становится все жарче. Она поцеловала ложбинку под его горлом, затем небольшое углубление посередине груди. Она слушала биение его сердца. Когда Фиона поцеловала его там, Джо тихо застонал и крепче обнял ее за талию.

Он вновь целовал ее тело: жарко, настойчиво. Отбросив локоны черных волос, закрывавших ее грудь, он стал покусывать ей соски. Прикрыв глаза, Фиона торопливо помолилась, прося Бога о том, чтобы на этот раз Джо не остановился на полпути. Потом закусил губы, боясь захихикать. В таких делах Бог ей вряд ли поможет. Фиона знала, чего хочет: ласк Джо, его поцелуев. Она хотела настоящей близости с ним. Джо поднял голову. Фиона вздохнула. Ей хотелось, чтобы его губы и дальше путешествовали по ее телу.

– Фи, я тебя хочу... Я хочу... заняться с тобой любовью... – (Она кивнула, пьяная от наслаждения, жаждущая новых его поцелуев.) – Я знаю способ... ничего не случится...

Джо перенес ее с кресла на кровать. Встав спиной, он расстегнул ремень, скинул брюки, а затем и нижнее белье. Стоило ему повернуться к Фионе лицом, у нее внутри все сжалось от страха. Боже мой, какой же он большой!

Джо начал ее раздевать. Он торопился, подгоняемый желанием, и очень быстро освободил Фиону от юбки, ботинок и чулок. А Фионе было не отвести глаз от предмета ее греховного интереса. Она еще никогда не видела интимную часть мужского тела и не представляла, что этот... член бывает таким большим и... торчащим. Когда Джо взялся за ее панталоны, Фиона почувствовала себя так, как чувствует себя пьяница, из головы которого выветрился хмель. Недавнее жгучее желание напрочь пропало. Осталось только беспокойство. Они собрались делать то, что делают в постели мужчина и женщина, а не просто тискаться и целоваться. Фиона имела самые туманные представления о том, как все происходит, и совершенно не знала, с чего это начинается.

Фиона лежала совсем голая. Джо чуть подвинул ее, лег рядом, затем крепко прижал к себе. Член упирался ей в бедра. Джо затих. Фиона улавливала его напряженность. Ну почему он молчит? Сказал бы хоть слово. Интересно, а ему тоже тревожно? Внешне не скажешь. Всего

минуту назад все было так замечательно. Может, эти ощущения вернутся – нужно лишь расслабиться?

Джо стал целовать ее шею. Он гладил ей спину, ягодицы, бедра, затем просунул руку ей между ног и развел их. Пальцы осторожно раздвинули вход в нее... Через мгновение туда вместо пальцев попыталось протолкнуться нечто другое. Фиона напряглась всем телом.

– Фи, что не так? – (Она смотрела в сторону и молчала.) – В чем дело? Ты не хочешь? Ничего страшного, нам не обязательно...

– Нет, я... хочу подумать... Просто...

– Что, дорогая?

– Что-что... вот это, Джо! – выпалила она, указав на то, что торчало между его ног. – У тебя это такое большое! Куда ты это хочешь впихнуть?

Джо взглянул на свой член и вдруг громко расхохотался. Он упал на спину и хохотал все неистовее, пока на глазах не выступили слезы.

– Чего я смешного сказала? – насторожилась Фиона, садясь на постели.

– Фи, я сам не знаю куда, – отдышавшись, ответил Джо. – Я почему-то думал, ты знаешь.

– А мне с чего знать? – ответила она и тоже засмеялась, почувствовав облегчение.

Когда их общий смех утих, Джо обнял ее и еще раз сказал, что ничего не станет делать против ее воли. Не хочет – они на этом останутся, оденутся и найдут чем заняться. Однако Фиона сказала, что хочет. Тогда Джо поцеловал ее в губы, прошепав:

– Слава Богу!

Он безумно хотел Фиону и сомневался, что близость между ними когда-либо могла произойти сама собой.

После нескольких неудачных попыток у них получилось. Фиона почувствовала сильную боль, длившуюся всего пару секунд. Джо поцеловал ее и сказал, что все в порядке. Она расслабилась. Боль не повторялась, а Джо уже был внутри ее. Ей понравилось ощущение новой близости. Она впервые почувствовала, что обладает Джо. Он совершал толчки взад-вперед, шепча имя Фионы. Ее вновь охватило желание. Фионе казалось: дальше будет еще лучше, как вдруг все кончилось. Джо застонал и вышел из нее. Он перекатился на спину; глаза закрыты; грудь тяжело вздымается. У него что-то произошло – живот Фионы был забрызган чем-то теплым. А у нее самой? И чем это он ее забрызгал?

– У тебя все хорошо? – шепотом спросила она.

Джо открыл глаза, повернулся к ней. Он улыбался:

– Не только хорошо. Потрясающе! Я чуть момент не проворонил. Еще и сейчас глаза в разные стороны глядят.

Фиона улыбнулась, радуясь тому, что Джо получил удовольствие. Когда его дыхание придет в норму, быть может, он снова ее поцелует. Ей было жарко, неудобно и беспокойно. Полежав еще немного, Джо встал и полез в брюки за носовым платком. Убрав лужицу на животе Фионы, он сложил платок и зачем-то провел у нее между ног.

– Всего капелька, – сказал Джо, разглядывая платок.

– Капелька чего?

– Крови.

– Крови? Джо, а кровь-то с чего?

– Не волнуйся, Фи. Первый раз так бывает у всех девчонок, – с видом знатока ответил Джо.

– Чё, серьезно? И когда ты успел поднатореть?

– Парни на рынке меж собой говорят, а у них все разговоры про то, как они с девчонками... – Джо подмигнул ей и снова лег. – Я как здесь работать начал, многое узнал, и не только про капусту.

Джо снова обнял Фиону. Он целовал ее губы, уши, шею, соски, похожие на бутоны розы. Когда ее дыхание сделалось шумным и жарким, он опустился ниже.

Фиона села на постели.

– Джо, не надо! – прошептала она, закрываясь от поцелуев.

Джо нежно отвел ее руки, поцеловав ладони.

– Не противься, Фиона. Тебе понравится.

Она сопротивлялась и пыталась вырвать руки, но Джо держал крепко. Он целовал ее – подумай только! – между ног. Фионе этого вовсе не хотелось, но Джо продолжал. И не только целовал – облизывал языком. Постепенно ее возражения сменились негромкими стонами. Язык Джо познавал ее, дразнил, показывал, для чего еще предназначена эта часть его тела. Фиона повалилась на кровать. У нее не было сил сопротивляться жарким, влажным ощущениям, проносающимся по телу; сладостной дрожи, исходящей откуда-то из глубины. Теперь уже она крепко сжимала руки Джо и произносила его имя. Она извивалась и изгибалась под движениями его языка, пока внутри не вспыхнул огонь, за которыми последовали жаркие волны неопи-сваемого наслаждения. Такого удовольствия Фиона еще никогда не испытывала.

Она лежала с закрытыми глазами, тяжело дыша. Губы Джо двигались по ее животу, груди, шее. Опираясь на локоть, он стал целовать ее в губы и целовал, пока она не открыла глаза и не улыбнулась ему.

– Я люблю тебя, Фи, – произнес Джо, и его глаза были полны нежности. – Всегда любил и буду любить.

– И я люблю тебя, Джо, – прошептала Фиона. – Всегда...

Она закрыла глаза. Так вот что бывает между мужчиной и женщиной. Теперь она знала. Неудивительно, что вокруг этого столько шумихи. Ей было очень хорошо, очень тепло. Довольную, счастливую, Фиону потянуло в сон.

Джо откинул ей волосы с лица:

– Поспи немного, дорогая. А потом надо собираться. Я обещал твоему отцу, что к восьми ты вернешься. Но время еще есть. Спи.

Фиона что-то промычала, поудобнее устраиваясь на подушке. Она слышала, как Джо шуршит одеждой, выбирая его вещи среди ее. Потом он присел на краешек кровати, натягивая носки. Он торопливо наводил порядок, стараясь ступать потише. И вдруг замер на несколько секунд, после чего метнулся к окну, выходящему на улицу.

– Черт! – завопил он, выглядывая в окно. – Фи, вставай! Быстро! Мой сосед Гарри вернулся!

Фиона села, сонно моргая. С улицы доносился смех и два голоса: мужской и женский.

– Я думала, он на весь день свалил, – сказала она.

– Я тоже думал. А он уже здесь. – Вытащив Фиону из кровати, Джо подал ей одежду. – Иди одеваться в ванную. Он ничего не поймет. Подумает, зашла туда нужду справить.

Совершенно голая, Фиона поплелась в ванную, но у двери остановилась:

– Джо! Моя камисоль... здесь ее нет.

Джо перерыл постель, но камисоли не обнаружил. Он приподнял матрас. Камисоли не было и там. Бросившись к креслу, он увидел камисоль валяющейся на полу, подхватил и бросил Фионе. Снизу донесся звук открываемой двери. Фиона скрылась в ванной, а Джо стал лихорадочно расправлять постель. Когда Гарри и Милли вошли в комнату, дверь ванной была закрыта. Джо сидел у плиты с газетой в руках.

– Привет, старина! – крикнул Гарри.

– Здравствуй, Джо, – следом произнесла Милли, тепло улыбнувшись.

– Не ожидал увидеть тебя здесь, – продолжал Гарри. – Думал, ты болтаешься по городу с подружкой...

– С кем? – насторожилась Милли.

– С подружкой, – сказал Гарри.

Милли пялилась на двоюродного брата и молчала. Подумав, что она недослышала или недопоняла, он добавил:

– С сеньоритой. Или мадемуазель. Словом, с девушкой.

– Я тебя слышу, – процедила Милли, мечта молнии в брата; приветливой улыбки и веселого щебетания как не бывало. – Помнится, Гарри, ты мне говорил, что Джо собирался погулять с другом.

Воцарилось неловкое молчание. Гарри переминался с ноги на ногу. Джо делал вид, что поглощен чтением.

– Ну собирался, – пожал плечами Гарри. – Может, они втроем гуляли.

– Но ты мне говорил...

– Какая тебе разница, Милли?

Гарри улыбался, но его лицо и тон подсказывали Милли, что она перегибает палку. Почувствовав это, она взяла себя в руки. Сердитый голос и мрачный взгляд исчезли столь же быстро, как и появились. Милли вновь лучезарно улыбалась.

– Итак, – весело проговорила она, потирая якобы озябшие руки, – вечер выдался холодный. Я не откажусь от чашки чая. Кто-нибудь составит мне компанию?

– Я, – ответил Гарри.

Джо покачал головой, сказав, что сегодня выпил целое море чая.

– Да неужели? – спросила Милли, по-хозяйски берясь за чайник. – Где ж это ты успел?

Джо рассказал им о проведенном дне: где был, что видел, ни разу не упомянув имя Фионы. Никто из троих не слышал, как открылась дверь ванной и на пороге застыла Фиона. Она успела одеться и теперь наблюдала за Милли, суевающейся вокруг Джо. Увиденное заставило ее стиснуть зубы. Эта сука Милли Петерсон не знает удержу! Надо ее проучить. Фиона решила, что устраивать скандал и вести себя, как тогда на рынке, она не будет. Зачем вредить Джо? Есть другие способы. Фиона отстегнула с лацкана брошку и убрала в карман юбки.

Под конец рассказа Джо о дневных впечатлениях Милли не выдержала и спросила:

– И кто же была та счастливица, кому выпала честь гулять с тобой по Лондону?

– Я, – сказала Фиона.

Гарри вскочил на ноги.

– Вот тебе на! – воскликнул он. – Прошу простить мои жуткие манеры. Я не знал, что вы здесь. Джо нам не сказал, а мы, по правде говоря, его и не спрашивали... Рад познакомиться. Разрешите представиться: Гарри Итон. Садитесь на мое место. А это моя двоюродная сестра Милли Петерсон.

– Рада знакомству, Гарри Итон. Меня зовут Фиона Финнеган. С Милли мы уже знакомы... причем давно.

– Да неужели? Право, мир тесен!

Гарри повернулся к Милли и побледнел. Ее губы улыбались, но глаза... ярость в глазах Милли была сравнима с острым колом, способным проткнуть насквозь.

– Да, тесен, – сказала Милли.

– Садитесь, Фиона. Вы обязательно должны выпить с нами чая.

– Спасибо, но никак не могу, – возразила Фиона. – Время летит, а нам... нам с Джо нужно возвращаться в Уайтчепел. Нас уже ждут.

Фиона и Гарри продолжали вежливый разговор о пустяках. Джо достал куртку и шапку. Милли молча пожирала Фиону глазами. Когда Джо оделся, они простились с Милли и Гарри и направились к двери. Джо открыл дверь, и тут Фиона обернулась и воскликнула:

– Ой нет! Моя брошка! Она куда-то делась. Я потеряла ее!

– А она у тебя была, когда мы сюда пришли? – спросил Джо.

– Конечно. Видно, упала где-то в комнате.

– Где вы сидели? – спросил Гарри. – Возможно, ваша брошка там.

Милли не шевельнулась.

– И что это за брошка? – насмешливо спросила она. – Рубиновая? Изумрудная?

– Латунная.

– Вполне по тебе.

Пока Гарри ползал на четвереньках, заглядывая под кресла, а Джо искал в ванной, Фиона, зная, что Милли следит за ней, подошла к кровати Джо, откинула подушку и воскликнула:

– Нашла!

Довольная «находкой», Фиона прикрепила брошку на лацкан. Милли, язвительно глядя на нее, бросила:

– Не представляю, как твоя брошка туда попала.

– Я тоже, – ответила Фиона, подмигнув Милли.

Гарри, отряхивавший пыль с одежды, и Джо, который только что вышел из ванной, пропустили этот обмен любезностями.

– И где ты нашла брошку? – спросил Джо.

– Да под... Боженька мой! Времени-то сколько! – вскрикнула Фиона, глядя на дорожные часы, стоявшие на той же полке, где лежала сумочка Милли. – Поторапливайся, Джо! Мой па нас прибьет.

На улице Джо одобрительно потрепал Фиону по спине и сказал:

– Я прямо горжусь тобой, Фи. Ты была вежлива с Милли и не повздорила с ней. Вела себя как леди.

«Скорее, как шлюха с причала», – подумала Фиона, невинно улыбаясь Джо.

– Надеюсь, ты поняла, до чего глупо вела себя в прошлый раз. Милли ведь знает, что между нами.

«Теперь знает», – подумала Фиона.

Громкий цокот копыт подсказывал: к остановке подъезжает омнибус и надо торопиться.

– Побежали! – Джо схватил Фиону за руку. – Если поедем на нем, к восьми будем в Уайтчепеле, и твой отец не сдерет с меня шкуру.

– Шкуру он сдерет с меня, когда узнает, что за мной увивается придурковатый торговец.

– Ничего подобного! Он будет горд тобой, Фи. Ты заключила выгодную сделку, – сказал Джо.

Омнибус был уже возле остановки, что заставило их припустить.

– Я... что? – на бегу спросила Фиона.

– Заключила выгодную сделку... продала одну вишенку за пожизненную поставку яблок и апельсинов.

Фиона густо покраснела. Они успели в последнюю секунду: кучер омнибуса натянул поводья, готовый тронуться. Джо открыл дверцу, посадил Фиону и запрыгнул сам. Задышавшись после быстрого бега, они со смехом протопали по проходу, заработав осуждающий взгляд какой-то пожилой важной дамы, и плюхнулись на свободные места. Омнибус покотился на восток, к реке и Уайтчепелу.

Вернувшись домой, Милли Петерсон помчалась по изогнутой лестнице к себе в спальню. Служанка Олив едва поспевала за ней. Милли стремительно распахнула дверь, оказалась возле туалетного столика, схватила хрустальный флакон с духами и с размаху запустила его в стену. Флакон разлетелся вдребезги, разбрызгивая пряный аромат сирени.

– Мисс! – всплеснула руками служанка, на некрасивом лице которой застыл ужас.

– Ничего. Уберешь, – бросила ей Милли. – Помоги разуться.

Милли присела на кровать. Олив встала на колени, держа в руках рожок для снятия ботинок.

– Олив, а я ведь знала! Едва вошла в их комнату и увидела, как там чисто, сразу поняла: Джо встречается с ней. И оказалась права! Гарри пригласил меня на ланч, и не здесь, а в Ричмонде. Сказал: «Давай прокатимся на поезде. Так хочется погулять за городом». Сообщник чертов!

– По мне, мисс, вам только радоваться надо было его приглашению, – сказала Олив, стаскивая с хозяйки ботинок.

– Я и обрадовалась. Сдуру. А он всего лишь хотел, чтобы меня подольше не было в их жилище. Чтобы Джо остался наедине со своей замарашкой.

– Но если, мисс, вы находились в Ричмонде, откуда вы узнали, что она была в комнате этих молодых людей?

– Я зашла за Гарри и перед уходом, когда он стоял спиной, нарочно положила сумочку на полку. Мы поехали, погуляли, а после ланча я объявила, что потеряла сумочку, и разыграла огорчение. Мы вернулись в ресторан. Само собой, никакой сумочки там не было. Гарри предположил, что я могла оставить ее либо на станции, либо у них в комнате. Как ты понимаешь, на станции никто сумочку не находил и найти не мог. Гарри пытался меня успокоить, но я настояла, чтобы мы вернулись в Лондон раньше времени. Затем сказала, что хочу подняться к нему и посмотреть. И когда мы поднялись... – Милли прищурила глаза, – я застала ее там. И они не чай распивали. Олив, они там тешились в кровати!

– Быть того не может! – воскликнула изумленная служанка.

– Представь себе, может. Я уверена, – сказала Милли, принялась и скорчила гримасу. – Боже, какой тяжелый запах! Приберись тут побыстрее. Осколки убери. И окно открой, не то я скоро задохнусь.

Олив посмотрела на хозяйку. «Побыстрее не получится», – читалось в ее взгляде.

Милли повалилась на кровать и застонала от досады. После ухода Джо и Фионы она, забыв про чай, молча смотрела на кровать Джо, представляя его и Фиону в объятиях друг друга. Сейчас в ней поднималась бурлящая ярость.

– Олив, я ума не приложу, почему он предпочитает ее. Честное слово!

– Мисс, может, он ваших намеков не словил?

– Я ему уже столько намеков подала. Слепым надо быть, чтобы не заметить!

– Можно я свое мнение скажу? – спросила Олив, подбирая осколки.

– Говори, – буркнула Милли.

– Парень-то вовсе не слепой.

– Это как понимать? – насторожилась Милли, садясь на постели.

– А так... Он же у вашего отца работает?

– И что?

– Он, мисс, свое место знает. Не подобает такому, как он, за хозяйской дочкой увиваться. Посмотрите на это его глазами. Он, поди, думает, что ваш отец разгневется. Может, у отца для вас партия получше выбрана.

Милли в изумлении уставилась на служанку. Олив права. Как она могла подумать, что неинтересна Джо? Чушь собачья! Такого просто быть не может. Конечно: Джо решил, что не годится для нее. Она – наследница, может выбрать кого пожелает. Зачем ей недавний лоточник, у которого и ста фунтов за душой нет? Все сразу прояснилось. Джо восхищался ее отцом, смотрел с почтением и, конечно же, не смел разгневать хозяина, осмелившись ухаживать за его дочерью. Как она раньше не догадалась? И впрямь Милли-глупышка.

– Олив, а ты умная девица! Так оно и есть.

Милли вскочила с кровати и уселась за туалетный столик. Ей нужно остаться с Джо наедине и чтобы обстоятельства были соответствующими. Он боится до нее дотронуться? Ничего, скоро убедится: ее можно трогать везде, где он только пожелает. Уж она постарается! Мужской породе присущи сильные, неуправляемые страсти. Бывают моменты, когда мужчи-

нам попросту не удержаться. Это Милли слышала от своей тетки. Когда к ней впервые пришли месячные, у них с теткой состоялся разговор о взрослой жизни.

– Знаешь, Олив, я должна вести себя смелее, – сказала Милли, разглядывая свое отражение в зеркале. – Должна показать ему, что мигом откликнусь на его зов. – Милли закусила губу. – Эх, если бы я смогла остаться с ним наедине! А то вечно рядом то отец, то Гарри.

– Мисс, как насчет Ночи Гая Фокса?

Отец отмечал этот осенний праздник устройством грандиозного торжества для своих работников и клиентов. Осталось дождаться начала ноября. Полтора месяца не ахти какой долгий срок. Как всегда, во дворе их дома зажгут громадный костер. Для гостей приготовят горы угощения и реки выпивки. Джо обязательно придет на праздник. Он просто обязан прийти. И в темноте, среди веселой кутерьмы и фейерверков, она останется с Джо наедине. Спросит, не желает ли он осмотреть их дом, или придумает другой предлог. К тому времени Джо уже будет под изрядным хмельком. Внутренние вожжи ослабнут. Некоторых мужчин надо подтолкнуть к действиям. Вот она и подтолкнет.

Ночи Гая Фокса с нетерпением ждали все, кто работал у Томми Петерсона. Это было время раздачи премий. Большинство компаний делали это под Рождество, но отец Милли бывал по горло занят предпраздничной торговлей и не желал тратить драгоценное время. Наряду с раздачей премий Томми объявлял о повышениях по службе. Повышение ожидало и Джо, хотя он совсем недавно поступил на работу. Пару дней назад за ужином Милли узнала об этом от отца. Тот постоянно говорил о таланте и честолюбии Джо. Предложения этого парня уже принесли Ковент-Гардену ощутимую прибыль. Милли догадывалась: отец видел в Джо немало своих черт. Похвал в адрес Гарри она практически не слышала. Бедняга работал у отца уже три месяца, но никак себя не проявил. Милли знала: сердце двоюродного брата не лежит к торговле. Мало-помалу это начинал понимать и отец. Он питал большие надежды относительно Гарри, которые теперь перемещались на Джо. И хотя Милли никогда не говорила с отцом на такие темы, она знала: отважись Джо попросить ее руки, отец был бы рад. Джо быстро становился сыном, о котором всегда мечтал отец.

– Олив, мое платье для праздника уже готово?

– Да, мисс, висит у вас в шкафу. Красивое – глаз не оторвать.

Милли велела принести платье. Осмотрев наряд, она нахмурилась. Платье было сшито из ярко-синей тафты, с короткими цельнокроеными рукавами и пышным подолом. Красивое, но просто красивого платья Милли было недостаточно. Ей требовалось нечто обворожительное. Милли решила, что к своей портнихе не поедет, а отправится в Найтсбридж, где подыщет себе нечто неотразимое. Конечно, платья в тамошних магазинах стоят кучу денег, но, если Милли повезет, счет поступит не сразу. К тому времени отец уже будет так обрадован известием о ее помолвке, что не рискнет отчитывать единственную дочь за расточительство.

– Ты все еще прохлаждаешься с осколками? Ступай вниз и скажи Харрису, что мне завтра с самого утра понадобится карета. Я поеду за покупками.

– И что вы собрались купить, мисс?

– Сначала новый флакон духов, – ответила Милли. – А потом – платье. Сногсшибательное платье.

– Еще одно? Это ж для какого случая, мисс?

– Если мой замысел удастся, то для помолвки.

Глава 9

Фиона стояла у окна гостиной. Шуршали опавшие листья, гонимые напористым ветром. Сейчас темнело все раньше. Фиона задернула занавески, оставив уличную темноту снаружи, и невольно вздрогнула при мысли о страшном человеке, который сделал ночь своим излюбленным временем.

Уайтчепельский Убийца теперь именовался по-другому. Он написал письмо в полицию, смакуя совершенные зверства. Все газеты напечатали это письмо. Злодей сообщал, что собирался написать кровью, для чего нарочно собрал в бутылку кровь одной из жертв. Однако кровь загустела, и ему пришлось воспользоваться красными чернилами. Письмо было подписано: «Искренне ваш, Джек-потрошитель».

«Упырь проклятый!» – думала Фиона. Из-за него теперь не посидишь вечером на крыльце с подругами и не пойдешь одна на реку. Все вечера она проводила дома, и это ей совсем не нравилось. Фиона достала из-под диванчика сигарный ящик. Там давно не было сигар, а лежало несколько листов бумаги и два конверта, купленные ею для писем Джо и дяде Майклу. Она вернулась на кухню. В очаге жарко пылал огонь. На кухне собралась вся семья, за исключением отца, ушедшего на подработку.

Керран, распорядитель работ на складе Оливера, попросил его подменить ночного сторожа, заболевшего инфлюэнцей. Фионе очень не доставало отца на его привычном месте у очага. Не беда, к утру он вернется. Ей нравилось слушать звуки, сопровождавшие отцовское возвращение: шаги по булыжникам, насвистывание. Фиона сразу чувствовала себя под надежной защитой.

Достав из шкафа ручку и пузырек чернил, она села за стол. Мать устроилась в кресле-качалке и штопала. Чарли сидел на отцовском месте, читая книгу об Америке, которую одолжил у мистера Долана, их соседа. В другое время Чарли сидел бы сейчас с друзьями, но, поскольку в доме не было ни отца, ни дяди Родди, он остался ради материнского спокойствия. Если Чарли дома, Кейт могла не бояться, что Джек-потрошитель влезет через трубу и поубивает их всех. Шейми играл с солдатами. Айлин дремала в корзине.

О чем же написать Джо? За несколько дней, прошедших после их встречи, на Монтегю-стрит не произошло ничего примечательного. Самым главным событием по-прежнему оставалось объявленное Джо намерение ухаживать за ней. В их мире это было что-то вроде помолвки. Фиона вспомнила тот вечер и улыбнулась. У матери тогда глаза были на мокром месте. Она радовалась, что Фиона выбрала себе в мужа такого хорошего, работающего парня. Как хорошо, что их детская дружба переросла во что-то большее! По словам Кейт, никакая мать не могла бы желать большего. Если все ее дети найдут себе таких же спутников и спутниц жизни, она скажет, что в жизни ей крупно повезло.

А вот па повел себя по-другому. Когда Фиона выпалила новость, показывая всем кольцо с сапфиром, Пэдди выслушал дочь молча. Его лицо сделалось угрюмым. После ухода Джо отец сказал, что семнадцать лет – это не возраст для замужества. Отец надеялся, что время ухаживания растянется подольше, поскольку девятнадцать – самый ранний возраст, когда девушка должна выходить замуж. Мать приложила палец к губам, предупреждая Фиону: только не перечь. Через некоторое время Пэдди отправился в паб. Кейт успокоила дочь, сказав, что отец постепенно остынет и привыкнет. Просто пока он не готов расстаться со своей девочкой.

– Дай ему время свыкнуться, – повторила мать.

На этот раз Фиона послушалась материнского совета. Она не спорила с отцом, опасаясь, как бы он, чего доброго, не повысил ей брачный возраст до тридцати лет. На следующий день отец пригласил Джо в паб. Уж о чем они там говорили, неизвестно, но домой Пэдди вернулся

в приподнятом настроении. На следующий день он понизил возраст замужества до восемнадцати.

«Неужели с мужчинами можно вести себя только так?» – недоумевала Фиона. Кивать, соглашаться, говорить им то, что они желают слышать, а потом поступать по-своему? Такой была манера поведения ее матери с па. Фиона обмакнула перо и принялась рассказывать Джо об отцовских послаблениях.

– Кому пишешь, Фи? – спросил Чарли.

– Сначала Джо. Потом дяде Майклу напишу.

– Когда закончишь писать дяде Майклу, оставь мне местечко. Я ему тоже напишу.

Фиона хмыкнула и продолжила водить пером по бумаге, стараясь не поставить кляксу.

– Жаль, что ваши дядя с теткой не живут здесь, – вздохнула Кейт. – Особенно сейчас, когда они ждут малыша. Скоро у вас будет двоюродный братишка. Или сестренка. Майкл – человек приятный. Сумасбродный малость, как помню. Может, теперь остепенился...

Кейт не договорила. Кто-то отчаянно забарабанил во входную дверь.

– Черт! Кого там принесло? – воскликнул Чарли, вскакивая на ноги.

– Миссус! Миссус! – послышался мужской голос. – Отворите!

– Ма, сиди здесь, – сказал Чарли, выходя в коридор.

Он быстро вернулся, ведя за собой полицейского.

– Миссис Финнеган? – спросил тот; чувствовалось, он не шел, а бежал сюда. – Констебль полиции Коллинз...

– Ну я, – ответила Кейт и встала.

– Поторопитесь, мэм... тут с вашим мужем...

– Боже мой! Что с ним?

– Несчастный случай на складе. Его отвезли в больницу. Собирайтесь, и поскорее.

– Что случилось? – крикнула Фиона.

Ручка выпала из ее пальцев, и на бумаге расплылась жирная клякса.

– Выпал он, мисс. Из погрузочной двери... – ответил полицейский.

Фиона смотрела на него и ждала, когда он договорит. Склад Оливера был высоким зданием. Целых шесть этажей. Отец мог выпасть с первого. «Боже, сделай так, чтобы с первого!» – взмолилась она.

– С пятого этажа, – сказал полицейский и отвернулся.

– Нееет! – пронзительно закричала Кейт, закрывая лицо ладонями.

Фиона подбежала к матери, подхватила, не дав рухнуть на пол.

Констебль Коллинз посмотрел на Чарли:

– Сынок, поторапливайся... времени мало...

Чарли был единственным, кто не растерялся.

– Ма... Ма! – рявкнул он. – Накинь шаль. Фи, укутай Айлин. Шейми, иди сюда...

Пока Чарли надевал младшему брату башмаки, Фиона накинула на материнские плечи шаль и завязала узлом. Затем подхватила из корзины Айлин, плотнее укутала в одеяло. Оставалось задуть лампы и загасить огонь в очаге. Полицейский вывел Кейт на улицу. Чарли кинулся к Бристоу. Мистер Бристоу сразу же поспешил в сарай, где у него стояли лошадь и телега.

На шум выскочили жильцы ближайших домов.

– Фиона, что случилось? – спросила подбежавшая Энн Долан.

– С моим па несчастный случай. Мы... Нам надо в больницу.

– Держи, – сказала Энн, вынув что-то из кармана. – Наймите повозку.

– Спасибо, миссис Долан. Мистер Бристоу довезет нас на своей телеге.

Буквально через минуту к дому подъехал Питер Бристоу. Роуз Бристоу пыталась успокоить Кейт:

– Дорогуша, садись рядом с Питером. Я тоже подскочу. Вот только попрошу соседку за ребятней присмотреть. Твой Пэдди – он крепкий как бык.

Констебль Коллинз помог Кейт сесть на козлы, после чего забрался на телегу вместе с Фионой, Чарли и малышами.

– Н-но-о! Пошла! – прокричал мистер Бристоу, резко взмахнув поводьями.

Подпрыгивая на выбоинах, телега покатила по темным улицам. Фиона укачивала хнычущую Айлин. Чарли держал на коленях перепуганного Шейми. Фиона посмотрела на него. Боясь, что каждое слово может ранить мать, она ничего не сказала, но Чарли прекрасно видел испуг в глазах сестры. Фиона слышала, как мистер Бристоу понукает лошадь бежать быстрее. Он что-то говорил Кейт. Вокруг стало шумнее и светлее. Они подъезжали к Уайтчепел-роуд. В голове Фионы лихорадочно проносились мысли. Как отец мог выпасть из погрузочной двери? Он знал склад Оливера как свои пять пальцев. Из таких окон выпадают разве что сдуру или с пьяных глаз. Может, отец приземлился на мешки или веревки, смягчившие удар. Возможно, все не так и плохо, как сказал этот полицейский. Фиона вновь принялась лихорадочно молиться Иисусу, Деве Марии, святому Иосифу, святому Франциску и всем другим святым, чьи имена могла вспомнить. И всех она просила помочь ее па.

Наконец телега подкатила к больнице. Чарли спрыгнул, не дожидаясь, когда она остановится. Коллинз подал ему Шейми. Фиона слезла сама, с Айлин на руках. Кейт бросилась к больничным дверям. Мистер Бристоу крикнул, что подойдет сразу же, как только привяжет лошадь. В вестибюле Кейт тут же остановили две медсестры, вскочившие из-за стола. Они спросили, кого она желает видеть.

– Пэдди Финнегана. Муж мой. С ним несчастный случай... – едва сумела произнести Кейт.

– Финнеган... – повторила одна из медсестер, водя пальцем по записям в журнале. – Со склада? – спросила она, поднимая глаза на Кейт.

– Оттуда, – ответил за мать Чарли.

– Второй этаж. Подниметесь по этой лестнице, затем налево. У него уже есть посетитель. Какой-то полицейский. Сказал, что живет у вас.

Кейт кивнула и повернулась к лестнице.

– Погодите! – начальственным тоном произнесла вторая медсестра. – Ей нельзя туда вместе со всеми детьми. Это же больничная палата...

– Сестра Агата! – строго одернула ее первая. – Идите, миссис Финнеган. Поторапливайтесь, дорогая!

Кейт помчалась по ступенькам. Фиона поспешила за ней, но с Айлин на руках она не могла бежать быстро. На полпути к лестнице острый слух Фионы уловил разговор медсестер, не думавших, что их услышит кто-то еще.

– ...бывают моменты, сестра Агата, когда сострадание заставляет нас отойти от правил... этим детям выпал шанс в последний раз увидеть своего отца...

– Нет... нет! – всхлинула Фиона, и эхо отозвалось из всех углов громадного вестибюля.

Передав Айлин Коллинзу, она бросилась догонять мать. К дверям палаты они подбежали одновременно. Там их ожидало страшное зрелище.

Пэдди лежал на койке у самого входа вытянутой комнаты, именуемой мужской палатой. Глаза у него были закрыты. Он что-то бормотал, наклоняя голову то влево, то вправо. Дышал он неглубоко и натужно, а мертвенно-бледное лицо блестело от пота. В тот момент, когда Кейт и Фиона подошли к койке, по лицу Пэдди пробежала судорога боли. Он скорчился, умоляя остановить боль. Фиона увидела, что на отцовских руках нет живого места. Но ее потрясло не это. У отца... исчезла правая нога.

Рядом с койкой сидел в темно-синем мундире Родди. Услышав шаги, он повернулся. Его лицо было мокрым от слез.

– Кейт... – выдохнул он.

Кейт на негнущихся ногах подошла к койке.

– Пэдди... – прошептала она. – Пэдди, ты меня слышишь?

Он открыл глаза, но не узнал жену. Пэдди скрутило новой судорогой боли. На этот раз он закричал, выгибая спину.

Не в силах слышать отцовские крики, Фиона заткнула уши.

– Помогите моему па! – стонала она. – Кто-нибудь, помогите ему!

К этому времени в палату поднялись Чарли, Шейми и Коллинз с Айлин на руках. Перепуганная малышка пронзительно орала. Шейми уткнулся головой в ноги Чарли. Вскоре к койке подошли две медсестры и врач. Пока сестры держали Пэдди, врач сделал ему в руку укол морфина. После нескольких секунд, показавшихся Фионе вечностью, боль утихла.

– Миссис Финнеган? – спросил высокий седеющий врач.

– Я...

– Должен вам сообщить... боюсь, жить вашему мужу осталось недолго. Падение раздробило ему ноги. Правую мы были вынуждены немедленно ампутировать, иначе бы он умер от потери крови. – Врач помолчал. – Ваш муж получил и другие травмы, а также у него геморагия... внутреннее кровотечение. Мы пытаемся снимать ему боль, но новых уколов его организм не выдержит... Сочувствую вам.

Кейт закрыла лицо руками и зарыдала. Фиона подошла к койке, взяла отца за руку. От потрясения у нее кружилась голова. Разум отказывался воспринимать случившееся. Казалось, совсем недавно он уходил на дежурство и она простилась с ним до утра. А теперь он... здесь. Искалеченный. «Такого просто не может быть», – думала она, смотря на отцовскую руку, такую большую по сравнению с ее руками. Это невозможно...

– Фи...

– Слушаю, па! Чего ты хочешь?

– Воды, – с трудом ответил отец.

Фиона схватила графин со столика у соседней койки.

– Ма! Ма! – крикнула она, наливая воду в стакан.

Приподняв голову отца, она поднесла стакан к его губам.

– Пэдди... – Кейт пыталась улыбнуться сквозь слезы. – Боже мой... Пэдди...

– Кейт... – прохрипел он; чувствовалось, ему трудно говорить. – Присядь ко мне.

Остекленевшее выражение глаз исчезло. Пэдди узнал свою семью.

Кейт и Фиона приподняли его, остановившись, когда он вскрикнул от боли, и подсунули под спину подушку. Дыхание Пэдди становилось пугающе неровным. Он прикрыл глаза, ожидая, когда спадет боль в груди. Собрав остатки сил, он позвал всех членов семьи.

Жестом Пэдди показал, чтобы ему поднесли Айлин. Коллинз передал малышку Кейт, и та осторожно положила дочку на койку. Изуродованные руки Пэдди приподняли Айлин. Он поцеловал ручку и лобик младшей дочери, после чего отдал ее Кейт. Услышав отцовский голос, обрадованный Шейми подошел к койке. Фиона схватила брата за руку и срывающимся голосом велела быть поосторожнее. Шейми нехотя попятился назад.

– Почему? – недовольным тоном спросил он.

– Потому что па сильно покалечился.

– Где?

– Ноги, Шейми.

Шейми уставился на нижнюю часть отцовского туловища, закусил губу, хмуро посмотрел на Фиону и сказал:

– У па только одна нога. Второй нет.

Эти слова больно ударили по Фионе, но, понимая, что Шейми еще слишком мал, она как можно мягче ответила:

– Ты прав, Шейми. Второй нет, но той, что есть, очень больно.

Шейми кивнул. Тихо, как мышь, он подошел к койке, поцеловал отцовское колено и нежно погладил своими детскими пальчиками.

– Па, тебе лучше?

– Ага, Шейми, – прошептал Пэдди и потянулся к сыну.

Поцеловав Шейми в щеку, он подозвал Чарли и сказал, что тот теперь – глава семьи и должен заботиться о матери, брате и сестрах.

– Брось, па! Ты поправишься...

Пэдди махнул рукой, велел не говорить глупостей, после чего попросил достать часы из куртки. Куртка висела на стуле, стоявшем в изножье койки. Чарли достал. Пэдди сказал, что теперь дедовские часы переходят к нему.

– Ты славный парень, Чарли. Береги своих. Заботься о них.

Чарли лишь кивнул и отвернулся. У него вздрагивали плечи.

Пэдди повернулся к Фионе, не отходящей от койки, взял ее за руку. Взглянув на их переплетенные руки, она не удержалась от слез.

– Фи...

Она подняла голову, встретившись взглядом с отцовскими глазами, такими же синими, как у нее.

– Девочка, обещай мне... – в голосе Пэдди вдруг появилась прежняя сила, – что ты не откажешься от своей мечты. Что бы ни случилось. У тебя получится. Открывайте с Джо свой магазин и не слушайте тех, кто станет долдонить, что вы прогорите... Обещай мне...

– Обещаю, па, – давась слезами, ответила Фиона.

– Умница. Я буду следить за тобой. Я люблю тебя, Фиона.

– И я люблю тебя, па.

Пэдди повернулся к Родди, взял его руку. Мужчины молча смотрели друг на друга. Слова им были не нужны. Потом Пэдди разжал пальцы, и Родди молча отошел. Пэдди вновь стало тяжело дышать. Он лежал и лишь смотрел на плачущую Кейт. Ей было не поднять головы.

Когда ему стало полегче, он коснулся пальцами лица жены.

– Не плачь, любовь моя. Не плачь, – тихо сказал он. – А помнишь тот день в церкви? Ох, давно это было. Я тогда тебя впервые заметил. Помнишь? Ты еще совсем девчонкой была. Такая красивая. Бежала по снегу, опаздывая на мессу. А я шел из закуской, нес сэндвич с беконом. Я его засунул в карман и припустил за тобой. Запаха от него было – на всю церковь. Такой красивой девчонки я еще не видел.

Кейт улыбнулась сквозь слезы:

– И с тех пор жалел, что наткнулся на меня. Я удержала тебя в Лондоне, и ты не поехал ни в какую Америку.

– Ты похитила мое сердце, но я не возражал. Я знал только счастье. И все благодаря тебе. Я полюбил тебя с того самого дня, как ты спешила в церковь. И всегда буду любить.

Кейт уронила голову и заплакала.

Внутри у Пэдди что-то забурлило. Его грудь тяжело поднялась. Из рта вылилась большая капля крови и перетекла на подбородок. Фиона вытерла ее уголком больничной простыни.

– Кейт... – Пэдди заговорил шепотом. – Послушай меня... в подкладке моего старого чемодана защиты два фунта. Ребята со склада Оливера что-то соберут. Не показывай гордость, возьми эти деньги. Они тебе понадобятся. – (Всхлипывающая Кейт кивнула.) – Напиши Майклу, сообщи ему... – Боль помешала Пэдди договорить, и он судорожно вдохнул ртом и сжал руку жены. – Сообщи ему, что со мной приключилось. Он денег пришлет. И не хороните меня с обручальным кольцом. Оно на полке лежит, на блюдечке. Заложите его.

– Нет!

– Не упрячься. Это всего лишь кольцо... – упрекнул ее Пэдди.

Кейт пообещала так и сделать. Пэдди откинулся на подушку. Кейт полезла в карман за платком, вытерла глаза и снова взглянула на мужа. Его грудь замерла. С лица исчезла гримаса боли. Он умер.

– Нет, Пэдди! Нет! – завывала Кейт, упав на тело мужа. – Не покидай нас! Прошу, умоляю, не покидай нас!

Фиона смотрела на отцовское лицо, слушала причитания матери и чувствовала, как рушится ее привычный мир.

Глава 10

– Фиона, дорогуша... поешь хоть немножко, – уговаривала ее Роуз Бристоу. – Жаркого хочешь? А сэндвич?

Фиона, сидевшая за кухонным столом, улыбнулась одними губами:

– В рот ничего не лезет, миссис Бристоу.

– Дитя мое, надо есть. И так уже одежда на тебе висит. Ну немножечко. Не упрямясь, красавица. Джо рассердится, когда тебя увидит. Кожа да кости.

Фиона поддалась уговорам и, чтобы не огорчать Роуз, согласилась на миску тушеного мяса. Голода она не чувствовала и сомневалась, что когда-нибудь ей сильно захочется есть. Их кухня ломилась от еды. Соседи принесли мясные пироги, сосиски в тесте, рагу, мясные закуски, картошку, вареную капусту и содовый хлеб. Этого с избытком должно было хватить для семьи и плакальщиц. И так – три дня: начиная с поминок – таков был ирландский обычай, – затем траурная служба и похороны.

Под бдительным взглядом Роуз Фиона подцепила на вилку кусочек мяса, отправила в рот и проглотила.

– Вот и умница. Съешь все, а я схожу проведаю твою мать. Он скоро будет. Я про Джо. Я ему еще пару дней назад написала. Не волнуйся, дорогуша. Он приедет.

Миссис Бристоу пошла в гостиную. Там собрались те, кто был сегодня на похоронах и зашел поддержать осиротевшую семью Финнеган. Фиона отложила вилку, спрятав лицо в ладонях. Перед глазами замелькали картины похорон отца. Длинная процессия, тянущаяся к кладбищу. Гроб, опускаемый в землю. Когда священник бросил горсть земли, у матери подкосились ноги. Последнюю ночь па провел под родной крышей, а теперь будет лежать засыпанный холодной землей.

Картины, мелькавшие перед Фионой, уже не вызывали слез. Она слишком устала. В больнице она плакала, пока распухшие веки не скрыли глаз. Потом плакала на поминках. Обжигающая боль, терзавшая ее в тот страшный вечер, притупилась и стала давящей. Эта боль понижала все ее существо – тело и душу. Фиона пребывала в оцепенении. В мозгу не было ничего, кроме понимания, что ее па ушел и уже не вернется. Никогда. Облегчения не наступало. Вынужденная приглядывать за Шейми и Айлин, Фиона ненадолго забывалась, но потом вспоминала, и у нее перехватывало дыхание. Казалось, глубокая рана вскрывалась снова и начинала кровоточить. Куда ни глянь – все напоминало об отце: его стул возле очага, кресло, железный крюк, с которым он ходил на работу. Почему его вещи остались здесь, когда его самого уже нет? Фиона подошла к полке над очагом, сняла крюк, деревянная рукоятка которого была отполирована отцовскими ладонями.

Как теперь им жить? Ее ма... на два дня позабыла о детях. Отказывалась кормить Айлин. Малышку кормила миссис Фаррел – соседка, у которой недавно родился ребенок. Кейт лежала в постели, плакала и звала мужа, обезумев от горя. Вечером второго дня она сошла вниз: бледная, с потемневшими, пустыми глазами. Ее длинные рыжие волосы потеряли блеск и свалились. Кейт заняла место у гроба и присоединилась к душераздирающим воплям и стонам плакальщиц. Ирландский обычай предписывал голосить по умершим, чтобы те слышали и знали, как по ним убиваются. Зрелище было непередаваемо жутким. Осиротевшая человеческая душа, переполненная безутешным горем, взывала к небесам.

После этого Кейт позволила Роуз вымыть ее, приложить теплые компрессы к разбухшим от молока грудям и расчесать волосы. Ее сознание оставалось затуманенным. Кейт впервые за все время спросила о детях и потребовала, чтобы ей принесли Айлин. Поговорив с Родди об устройстве похорон, она вернулась в постель и наконец-то смогла уснуть.

Чарли старался показать, что он сильный и способен позаботиться о семье. Он помогал на траурной службе и похоронах, неся отцовский гроб. Фиона не видела брата плачущим. Чарли словно отгородился от горя, сидя один возле кухонного очага с отцовскими часами в руках.

Шеймус воспринимал случившееся, как и все дети в этом возрасте. То испуганно забивался в угол, плача по отцу, а то садился возле очага и играл в солдатики, забыв про окружающий мир. Фиона смотрела на него и Айлин, и у нее сжималось сердце. Младшие будут знать об отце только со слов старших. Они уже не услышат его рассказов об Ирландии и страшных историй в канун Дня Всех Святых. Он не поведет их гулять на реку. Фиона все это знала и помнила. Когда-нибудь она им расскажет. Но не сейчас. Слишком рано.

Рука, осторожно коснувшаяся плеча Фионы, прервала ее мысли.

– Фиона, поставь чайник, – попросила миссис Бристоу. – Пришел Бен Тиллет со своими людьми. Угостим их чаем.

– Да, – рассеянно ответила Фиона, возвращая отцовский крюк на место.

Роуз снова ушла. Фиона приготовила чай, довольная, что может хоть чем-то себя занять. Выйдя с чайником в гостиную, она увидела, что дом по-прежнему полон людьми, пришедшими выразить соболезнования. Их присутствие сегодня и на протяжении трех дней было последним долгом, отдаваемым Пэдди Финнегану, свидетельством глубокого уважения к ее отцу. Фиона заставила себя поговорить с соседями и друзьями отца. Старухи сжимали ей руку, шептали слова соболезнований и говорили, как здорово она похожа на отца. Фиона искала глазами Джо. Ей очень не хватало его сейчас. Миссис Бристоу написала сыну, рассказав о трагедии. Если бы Фиона могла, то сама бы поехала к нему. Но у нее не было денег на омнибус. К тому же она очень беспокоилась за состояние матери. Мистер Бристоу тоже не мог отправиться за сыном. Он и так потерял рабочий день, помогая с похоронами. На рынке о тебе помнят, пока ты появляешься каждое утро. А пропустил несколько дней – глядь, твое место уже занял другой лоточник. К Фионе подошла миссис Маккаллум и принялась рассказывать о необыкновенной доброте Пэдди. Фиона вежливо слушала, стараясь не показывать, что утомлена.

Старуха продолжала хвалить покойного, но до слуха Фионы донесся другой разговор. В углу стояли Долан и Фаррел – соседи, работавшие вместе с ее отцом. Они тоже говорили о Пэдди.

– Пятнадцать лет на складах и причалах – и ни одной оплошности, – говорил мистер Долан. – Ни оторванных пальцев, ни сломанных костей. И вдруг – на тебе: выпадает из погрузочной двери. Никак я это в толк не возьму, Альф.

– Я слышал, полицейские нашли пятна смазки на платформе, – сказал Альфред Фаррел. – Считают, что смазка вытекла из лебедки, отчего он поскользнулся и упал.

– Ахинея! Ты когда-нибудь видел, чтобы на складах смазка вытекала? За этим зорко следят. Это все равно что обручальные кольца. Зацепилось – прощайся с пальцем. А если где смазку прольют, сразу вытирают. Еще и песком сверху присыплют. Это на складе Оливера каждый зеленый юнец знает.

Фиону ошеломил разговор мужчин. «Они правы», – подумала она. Объяснение полиции выглядело бессмыслицей. Она достаточно знала о работе грузчиков. Неряшливые там не держались. За небрежное обращение со смазкой запросто могли уволить. Существовали и другие правила, которые знал каждый грузчик. Например, никто не поставил бы ящик с мускатными орехами поверх ящика с чаем. Только по распоряжению начальства, если требовалось добавить чаю мускатного аромата.

О расследовании Фиона знала со слов Родди. Полиция обнаружила погрузочную дверь незакрепленной, а на полу перед ней – разлитую черную смазку. Они допросили распорядителя работ Томаса Керрана. Тот предположил, что кто-нибудь из рабочих плохо закрепил дверь. Погода в тот вечер была ветреной. Должно быть, отец услышал, как дверь хлопает о стену, и решил пойти и закрепить ее. Переносной фонарь давал мало света. Разбрызганную смазку

отец не увидел. По словам Керрана, он еще днем велел Дейви О'Нилу, одному из рабочих, смазать лебедку. Скорее всего, Дейви набрызгал на платформу. Мистер Керран назвал случившееся страшной трагедией. Грузчики соберут деньги семье Финнегана. Да и сам мистер Бертон наверняка откликнется и выплатит компенсацию. Удовлетворенный таким объяснением, полицейский коронер признал случившееся несчастным случаем.

Фиона все это слышала, но тогда она была потрясена смертью отца и почти не обратила внимания на детали. Ее па выпал из погрузочной двери. Подробности значения не имели; значение имело лишь то, что он мертв. Но сейчас, когда у нее в голове немного прояснилось...

– Прошу прощения, миссис Маккалум, мне надо отлучиться на кухню, – торопливо сказала она старухе и вернулась на кухню, чтобы остаться одной и подумать.

Фиона села на отцовский стул. Все ясно как день: кто-то намеренно набрызгал на пол смазки, чтобы отец поскользнулся. Почему никто не обратил на это внимания? Ей было тяжело и даже больно думать: мысли едва шевелились в затуманенном мозгу. Ничего, она запишет все свои мысли и разложит их по полочкам. Затем покажет свои записи дяде Родди, он доложит начальству, и полиция устроит новое расследование. Тут не надо быть семи пядей во лбу. Все предельно понятно. А то, что напелл Керран... глупость полнейшая.

«Но зачем кому-то понадобилось калечить моего па?» – задавалась вопросом Фиона. Неужто отец так насолил кому-то из рабочих, что тот решил с ним расквитаться? Неужто она сошла с ума? Похоже, так оно и есть. Она теряла рассудок. Искала причину отцовской смерти, цепляясь за соломинку.

Фиона подалась вперед, уперла локти в колени и обхватила голову. Она до сих пор не могла целиком принять случившееся. Часть ее личности все еще ждала, что за окном послышатся знакомые шаги и отец вернется домой с работы. Сядет, развернет газету, и весь кошмар последних дней мигом забудется. В детстве отец был центром ее вселенной. Фионе казалось, что он всегда будет с ними, заботясь, зарабатывая деньги на пропитание и защищая от опасностей внешнего мира. И вот отца не стало. Кто позаботится о них? Куда они переберутся из этого дома?

Как уже не раз бывало за три страшных дня, боль утраты снова обрушилась на нее, точно снежная лавина. Фиона попыталась удержаться, однако натиск был слишком силен. Она горько рыдалась и даже не заметила появления Джо.

– Фи, – тихо произнес он, опускаясь перед ней на колени.

Фиона подняла голову.

– Джо, – прошептала она.

В ее глазах было столько боли, что Джо сам не удержался от слез. Он обнял Фиону и держал, давая ей выплакаться. Он нежно покачивал ее, гладил по волосам, слушая горестные всхлипывания.

Когда у нее не осталось сил плакать, Джо осторожно взял ее лицо в ладони и большими пальцами смахнул слезы.

– Моя бедная девочка.

– Почему, Джо? Почему мой па? – спросила она.

Слезы сделали ее глаза пронзительно-синими.

– Не знаю, Фиона. Прости, что мне нечего ответить.

– Боже, я так по нему скучаю! – прошептала она.

– Любовь моя, я тоже по нему скучаю. Твой па был редким человеком.

Они умолкли. Джо держал ее за руку. Фиона шмыгала носом. Никаких цветистых слов, никаких разговоров ни о чем. Джо сделал бы что угодно, только бы облегчить ее страдания, но он понимал: никакие слова и поступки не помогут. Горе – оно сродни лихорадке: пока жар не спадет, не отпустит. Должно пройти время. Он не станет предлагать ей «успокоиться», «взять себя в руки» и уж тем более не скажет, что такова Божья воля и что теперь ее па благоденствует

на небесах. Они оба знали, насколько это глупо. Такую боль лекарствами не прогонишь. Нужно дожидаться, пока сама пройдет. Иначе сделаешь только хуже.

Джо тяжело опустился в кресло-качалку матери Фионы. Взглянув на него, Фиона увидела, что он устал. Спешил сюда, даже лицо не умыл.

– Петерсон гоняет тебя в хвост и в гриву?

– Угу. Телеги с урожаем едут и едут. Разгружаем их круглые сутки. Я никак не мог вырваться раньше. Мамино письмо пришло вчера утром, но меня бы не отпустили. А если бы уехал без позволения, выгнали бы взащей. Томми Петерсону плевать на любые похороны. Даже на собственные. Я как прочитал письмо, потом всю ночь спать не мог. Прости, Фи. Сам жалею, что не приехал раньше.

Фиона понимала. Главное – Джо здесь, с ней.

– А когда возвращаешься?

– Вечером. Не сейчас. Попозже. Я попросил Гарри доделать за меня. Но завтра чуть свет – новая пропасть груза.

Услышанное огорчило Фиону. Она надеялась, что Джо останется. Уж лучше бы Петерсон не предлагал ему никакой работы и он по-прежнему жил бы через дом, а не на другом конце Лондона. Она сейчас так нуждалась в присутствии Джо. Он бы поговорил с ней, утешил. Чем дальше, тем острее ей будет его не хватать. Но Джо рядом не окажется.

Словно прочитав мысли Фионы, Джо вложил ей в ладонь шиллинг:

– Вот. На бумагу и марки. Ты можешь мне писать. Каждый вечер. Когда станет совсем невыносимо, напиши мне письмо, и мы вроде как поговорили. Согласна?

– Согласна.

– Пойдем прогуляться, – сказал Джо и встал. – Нельзя постоянно сидеть дома. От всех этих разговоров шепотом и стонов тебе еще тошнее. Сходим на реку, посмотрим корабли. Погуляем часик, пока не начало темнеть.

Фиона встала, сняла шаль с крючка возле задней двери. Джо был прав: ей надо на время выбраться отсюда. Пока Фиона завязывала шаль, ее охватило очень странное чувство. Ее па окажется на берегу, присутствуя во всем, что он так любил: в катящихся серых волнах и клочьях облаков, в чайках, носящихся за кормой корабля, идущего к морю. Он никак не мог быть здесь, в этом доме боли. Он сбежал на реку. Фиона в этом не сомневалась. И когда Джо взял ее за руку и вывел из дому, ей вдруг стало спокойно. Уверенность во встрече с па утешала сильнее любых слов.

Глава 11

Кейт сверилась с адресом на клочке бумаги: Стюард-стрит, дом 65. Такой же номер был и на двери. Но почему никто не открывает? Она постучала снова.

– Эй, довольно барабанить! – донеслось изнутри. – У меня слух хороший.

Дверь распахнулась, и Кейт оказалась нос к носу с толстой неряшливой женщиной. Судя по лицу, та спала и не обрадовалась внезапному пробуждению.

– Вы миссис Колман?

– Ну я.

– Я миссис Финнеган. Пришла насчет комнаты.

– Тогда идемте.

Вслед за хозяйкой Кейт пошла по темному, провонявшему капустой коридору.

– Комната на самом верху. Последний этаж. Там не заперто. Прекрасная комната, миссис Фланаган, – сказала хозяйка, улыбаясь почерневшими зубами и распространяя запах виски.

– Финнеган, – поправила ее Кейт.

– Фланаган, Финнеган – мне без разницы. Идите смотреть.

– Благодарю вас, миссис Колман.

Кейт стала подниматься по лестнице. Перила оказались шаткими. Ступеньки тряслись и скрипели. Она поднялась на второй этаж. Дверь ближайшей комнаты была открыта. Кейт увидела молодую женщину, которая грызла корку, одновременно укачивая младенца. Дверь второй комнаты тоже оказалась незапертой. Там на койке громко храпел мужчина.

Кейт поднялась на третий этаж. Одна из трех дверей была распахнута. Она вошла. Под ногами что-то хрустнуло. «Наверное, штукатурка отвалилась», – подумала Кейт. В комнате было темно. Она подошла к единственному окну, раздвинула занавески и... вскрикнула.

Комната кишела черными тараканами. Они лихорадочно бегали по полу и потолку, торопясь спрятаться от света. Насекомые перелезали через грязные обои, свисавшие лоскутами, ныряли в очаг и ползали по заляпанному матрасу. Кейт опрометью бросилась вниз, прямо к выходу.

– Ну что, понравилась комната? – спросила миссис Колман, шаркая следом.

– Там уже есть жильцы!

– А-а, таракашки? Так они ж не кусаются. Послушайте, сдам по дешевке и позволю кухней пользоваться. – Хозяйка наклонилась к Кейт. – У этой комнаты есть еще одно преимущество. Если вдруг в карманах – шаром покати, всегда можно разжиться несколькими фунтами, не выходя, так сказать, из дому. – Миссис Колман сально улыбнулась. – Мистер Дэниелс со второго этажа. Мне говорили, хорошо платит.

Рванув дверь, Кейт выбежала на улицу. Ее тошнило от тараканов, грязи и вони этого места. «Грязная сука со своими грязными предложениями!» – мысленно негодовала она. Услышь такое Пэдди – эта поганая толстуха вмиг лишилась бы оставшихся зубов.

Пэдди. При мысли о нем из глаз Кейт хлынули слезы. Она торопливо вытерла глаза. Ей нельзя сейчас плакать. Нужно искать комнату, ибо деньги на исходе, а прежний дом на Монтегю-стрит им теперь не по карману.

Мало того, что они лишились главного источника семейного дохода. На семью обрушилась лавина расходов. Сразу после смерти Пэдди из больницы прислали счет. Кейт пришлось платить за гроб, катафалк, место на кладбище и надгробную плиту. Она нашла два фунта, о которых ей успел сказать Пэдди. Еще три собрали грузчики с Оливера, пустив шапку по кругу. По фунту поступило от рабочего союза и конторы похоронного страхования. Фиона и Чарли отдавали матери все свои заработки. Кейт вновь стала подрабатывать стиркой, но денег все равно не хватало.

Она надеялась, что «Чай Бертона» выплатит ей десять или двадцать фунтов компенсации за потерю кормильца. Продав почти две недели, Кейт набралась смелости и сама отправилась в контору компании. Ей велели ждать в коридоре. Ожидание растянулось на три часа, после чего младший клерк заявил, что он такие дела не решает и завтра ей нужно прийти снова, на прием к старшему клерку. На следующий день Кейт вновь мариновали в коридоре, затем позвали в кабинет и вручили бумаги, которые требовалось заполнить. Она хотела взять их домой и показать Родди, больше смыслившему в таких делах. Этого ей не позволили. Кейт заполнила, как умела, и расписалась.

– Приходите через месяц узнать о состоянии вашего прошения, – сказал клерк.

– Через месяц? Сэр, но деньги мне нужны сейчас, – возразила Кейт.

Старший клерк, сурового вида мужчина с бакенбардами, расширяющимися книзу, разъяснил ей: подписав бумаги, она выразила согласие на принятую в компании Бертона процедуру выплаты компенсаций. Если она не желает подчиняться установленным требованиям, ее прошение будет аннулировано. Кейт слишком нуждалась в деньгах, чтобы топнуть ногой и уйти.

Время, проведенное в конторе Бертона, измотало Кейт хуже всякой работы. Но именно работа не давала ей развалиться по кускам. По утрам, стоило только открыть глаза, на нее наваливалась боль утраты, вызывая слезы. Горе туманило ей разум, но необходимость заставляла двигаться. Кейт вставала, кормила детей и бралась за стирку, изо всех сил стараясь держаться. Она не носила траура по Пэдди. Никаких бус или брошей из гагата и черного янтаря. Кейт не могла просиживать часами в затемненной гостиной, перебирая вещи любимого человека и предаваясь воспоминаниям. Это для леди из высших слоев. А такие женщины, как она, даже обезумев от горя, продолжали работать, иначе их детям будет нечего есть.

Стоило Кейт подумать о детях, ее охватывал страх за их будущее. Как их поддержать, особенно малышей? Можно продать часть мебели. Это принесет какие-то деньги. Если припрет, она заложит обручальное кольцо Пэдди, но это она сделает только в случае крайней нужды. Можно также продать ее доску для катания белья и медный кипяtilьный бак. Когда они поселются в одной комнате, уже не постираешь на заказ. С другой стороны, если ей будет негде стирать, она лишится заработков. Можно поискать надомную работу или договориться с заказчиками и стирать у них дома. Но тогда кто присмотрит за Шейми и Айлин?

«Мне не справиться, – подумала Кейт. – Сил нет. Два дня проторчала в конторе Бертона и ушла ни с чем». Весь вчерашний день и большую часть сегодняшнего она ходила искать жилье. И опять безуспешно. Предлагаемые комнаты были или слишком дорогими, или слишком маленькими, а то и просто жуткими. Из ее глаз снова хлынули слезы. На этот раз – слезы отчаяния, и никакой платок не помогал справиться с ними.

– Чего сник, Бристоу? Идем со мной. Там еще наши будут. Развлечемся. Тебе понравится, – говорил Гарри Итон, поправляя перед зеркалом галстук.

– Спасибо, приятель. Я выжат почище лимона, – ответил Джо, сидя с закрытыми глазами и подавляя зевоту.

– Будет врать! Ты вовсе не устал. Я знаю настоящую причину.

– Какую? – спросил Джо, приоткрывая один глаз.

– Это все из-за твоей подружки. Из-за Фионы. Боишься ее обидеть. Скажи ей, что твой дружок промеж ног – не кусок мыла. Хотя и мокнет постоянно, но не смылится.

Джо засмеялся. Эти слова были у Гарри чем-то вроде ритуала. Он их произносил каждый субботний вечер. Никакое утомление не могло удержать Гарри от прогулки по девочкам... и от подкусывания Джо, не желавшего составить ему компанию.

– Ты только представь, старина, – посмеиваясь, продолжал Гарри. – Чудная девка с большими сиськами и упругой дырочкой – целиком твоя за каких-то три шиллинга. Блондинка или

брюнетка – выбирай любую. Знаю я одну рыжую цыпочку. Всему обучена. Ротик у нее – даже краску с фонарного столба облупит...

– Ты там свою прыть попридержи, – посоветовал Джо.

Но Гарри Итон и не думал сдерживаться. Он не жалел денег на удовлетворение своих плотских потребностей, благо в Лондоне хватало женщин, готовых его ублажить. Всех женщин он делил на две категории: тех, кто веселит, и тех, кто заставляет жениться. Естественно, первая категория была ему куда предпочтительнее.

У Джо были свои причины не откликаться на приглашения Гарри. Прежде всего Фиона. И потом, ему вовсе не хотелось вернуться из борделя на Хеймаркете, принеся с собой триппер. Джо слышал, как иногда по утрам Гарри стонет в ванной. Шаловливый «дружок» болел так, что он едва мог помочиться. Гарри признавался, что лечение еще больнее, поскольку бьет не только по «дружку», но и по кошельку. Однако телесные мучения не удержали Гарри от новых походов. Вместе с парнями с рынка он отправлялся искать, говоря его словами, «ножны для моего меча». Уходя, он неизменно одаривал Джо какой-нибудь скабрёзной шуткой. Например, предлагал не теряться и взять дело в свои руки или желал провести удивительный вечер в обществе очаровательной Розы Пам³.

– Ну ладно. Я дернул.

– То-то запахло, – сказал Джо, пытаясь взять реванш за шутки Гарри.

– Очень смешно. Можешь меня не дожидаться. И вот еще что...

– Забыл дать последний совет?

– Ты проверял глаза?

– Нет. А зачем?

– Надо бы проверить, старина. Чрезмерное пристрастие к этому... – ухмыляющийся Гарри сделал непристойный жест, – приводит к слепоте.

– Благодарю. Теперь исчезни, а я посижу в тишине.

Гарри ушел. Джо слышал, как он весело насвистывает, спускаясь вниз.

«Жаль мне несчастную девицу, в чьей постели он сегодня окажется, – подумал Джо. – Ведь навалится на нее, как бык». Он снова зевнул. Надо бы раздеться и лечь, но он слишком устал, чтобы подняться с кресла. Дверца плиты была открыта, и огонь приятно согревал его ноги. Сытый, согретый и... снедаемый чувством вины.

Сегодня их с Гарри работа началась в четыре часа утра. Сезон сбора урожая заканчивался, однако поток фермерских телег не иссякал. Фермеры торопились продать последние дары земли. Работать приходилось и в воскресенье. Джо измотался. Конечно, он мог бы выговорить себе выходной, но сейчас это было бы неразумно с его стороны. Петерсон намекнул на повышение. Человеком, устанавливающим окончательную цену закупок у фермеров, был Мартин Уилсон, который собирался уходить на покой. Джо даже в мыслях не видел себя на месте Мартина. Он здесь недавно и не имеет достаточного опыта, чтобы рассчитывать на такое повышение. И тем не менее все говорило о том, что оно возможно. Петерсон при каждой возможности хвалил его работу. А сегодня Мартин понадобился хозяину для каких-то дел в конторе, и Джо поручили вместо него проводить закупки у фермеров. Джо видел: Томми и Мартин внимательно наблюдают за ним. Под конец Томми просмотрел закупочную ведомость. Оказалось, что в двух случаях он переплатил, зато в четырех – недоплатил. «Что ж, в итоге получается первоклассная работа», – сказал Томми. Джо был необычайно горд. Похвала Петерсона стала для него очень важной.

Их рабочий день закончился поздно, в восьмом часу вечера. Томми все еще оставался на рынке. С ним была и Милли. Он пригласил обоих парней на ужин. Джо упал духом. Он собирался вскочить в первый же omnibus и поехать в Уайтчепел к Фионе. Они не виделись две

³ В переводе означает «розовая ладошка».

недели. Джо беспокоился о ней, но отклонить приглашение Петерсона никак не мог. Томми велел им одеться надлежащим образом и прийти в итальянский ресторан «Сардини», который находился неподалеку от рынка. Джо охватила паника: он ни разу в жизни не был в ресторане. И потом, другой одежды, кроме рабочей, у него не было. Гарри с усмешкой выслушал его опасения и отдал ему пиджак, в который уже не влезал, а также одолжил рубашку и галстук. У Джо было всего две пары брюк, и он надел те, что попримичнее.

Зал ресторана «Сардини» освещался лишь свечами, воткнутыми в винные бутылки, и потому никто не заметил, что брюки Джо не вяжутся с пиджаком. Все заказы делал Томми. Джо благополучно справился с закуской и супом, но смешался, когда принесли пасту. Милли, Томми и Гарри смеялись, глядя на мужественные попытки Джо справиться с итальянским блюдом. Затем Милли показала ему, как надо накручивать пасту на вилку. Для большей пикантности она посыпала его порцию пармезаном и стерла ему с подбородка следы томатного соуса. Милли болтала без умолку, рассказывая про подготовку к Ночи Гая Фокса. Покинув ресторан, все четверо пешком вернулись в Ковент-Гарден, откуда Томми и Милли уехали домой.

Джо очень понравилось в ресторане, но дома приподнятое настроение быстро сменилось унынием. Сейчас он должен был бы находиться в Уайтчепеле, рядом с Фионой. Бледной, исхудавшей, скорбящей по отцу. Джо повел себя как первосортное дерьмо. Фиона нуждалась в нем, а он? Веселился в итальянском ресторане. Джо вспомнил, как в день похорон ее отца он повел Фиону прогуляться на реку. Когда возвращались, она буквально вцепилась в него, не желая отпускать. Это разбило ему сердце. Он видел, что она отчаянно нуждается в его поддержке. Оставить ее в таком состоянии? Но что он мог поделать? Пару дней Джо так и подмывало бросить работу у Петерсона, вернуться на Монтегю-стрит и быть рядом с Фионой. Однако доводы рассудка оказались сильнее. Ну бросит он работу в Ковент-Гардене. И куда это их приведет? Снова работать с отцом, снова наскребать жалкие пенни для их копилки, когда сейчас он мог откладывать фунты? А если он получит место Мартина Уилсона, отчисления станут еще выше. Не разумнее ли держаться выбранного курса? Что он рядом, что его нет, Фиона все равно будет горевать. Его присутствие даст ей утешение, но не сможет погасить боль утраты.

Джо встал с кресла, поворошил угли и прошел в ванную умыться. Надо лечь и выспаться. Вытираясь, он глянул в окошко ванной. Небо над Лондоном было на удивление чистым и усыпанным звездами. Одна из них светила особенно ярко и, казалось, подмигивала Джо. Может, Фиона сейчас тоже видит эту звезду? Вдруг она стоит у окна, смотрит на небо и думает о нем? Джо сказал звезде, что любит Фиону, и попросил светило наблюдать за ней и оберегать.

Джо разделся и лег. Он погружался в сон, а перед глазами мелькало лицо Фионы. Вскоре у них будет достаточно денег для открытия магазина. Он уйдет от Петерсона, и они всегда будут вместе. Они поженятся, и время разлуки и тягот останется позади. И такой день настанет. Скоро.

Глава 12

Фиона жадно смотрела на лоток торговца рыбой, где были выложены соблазнительные копченые сельди. Этим пятничным вечером она отправилась на рынок одна. Мать где-то простудилась и никак не могла избавиться от сильного кашля. Фиона не хотела, чтобы та лишняя раз выходила на влажный октябрьский воздух. Зазывания торговцев и красиво разложенные товары оставляли ее равнодушной. Фиона решала трудную задачу: как купить еды для четверых, потратив всего шесть пенсов.

– Почем ваши селедки? – спросила она у торговца.

– Большие по два пенса. – Торговец указал на кучку, где лежали селедки помельче. – А эти – две штуки за три пенса.

– Я возьму их. Мне две штуки.

Селедки отправились в продуктовую сумку, поверх картошки, купленной у Бристоу, и груш, которые миссис Бристоу отдала даром.

Груши были сочными, но от доброты миссис Бристоу Фиона вдруг почувствовала себя чуть ли не попрошайкой. Нет, у нее не хватило гордости отказаться. Шейми любил груши, и ей хотелось порадовать брата. Они с миссис Бристоу немного поговорили о Джо и будущем повышении по службе – предмете его горячих надежд. Обе раз в неделю получали от него письма, но сам он почти месяц не появлялся в родных краях. Фиона невероятно по нему скучала. Но всякий раз, когда ей удавалось сэкономить несколько пенсов на бумагу и марки, деньги уходили то на носки для Шейми, то на леденцы от кашля для ма, а то и просто на хлеб.

Фиона знала причину материнского кашля: сырые стены их новой комнаты в Адамс-Корте. Комната находилась рядом с единственной водоразборной колонкой, которая постоянно подтекала, отчего булыжники вокруг всегда были скользкими, а стены окрестных домов – сырыми и холодными.

Адамс-Корт был коротким, мрачного вида тупиком, куда с Варден-стрит вел узкий кирпичный проход. Одинаковые дома по обе стороны, разделенные семью футами пространства, вымощенного булыжником. В каждом – по две комнаты на первом и втором этажах. Их новое жилье помещалось на первом этаже дома номер двенадцать, с фасада. Прежде чем переселиться сюда, Фиона с матерью сходили посмотреть. Кейт узнала об этой комнате от своей подруги Лилли. Раньше тут жил жених Лилли. После свадьбы они перебрались в более просторный дом на другом берегу Темзы. В комнате не было ни раковины, ни шкафа. Всю одежду развешивали на гвоздях. Четырнадцать футов в длину, шестнадцать в ширину. Большую часть мебели им пришлось продать. Едва войдя, Фиона возненавидела эту комнату, но когда мать спросила ее мнение, в глазах Кейт было столько надежды вперемешку с тревогой, что Фиона сдалась. Она сказала, что им просто нужно привыкнуть к размерам комнаты и тогда все наладится. А что еще им оставалось? Только привыкать.

Старые друзья и соседи всячески пытались удержать их на Монтегю-стрит, предлагая комнаты в своих домах, где и без того было тесно. Все это делалось по доброте душевной, но с практической точки зрения никуда не годилось. Совесть не позволяла Кейт воспользоваться этими предложениями. Родди тоже попытался помочь. Фиона не должна была об этом знать, но узнала. Как-то вечером, еще на старом месте, он вернулся с дежурства. Кейт приготовила ему чай. Дверь в гостиную была открыта. Фиона слышала их разговор, который поначалу касался усилий матери добиться компенсации от «Чая Бертон». И вдруг Родди предложил ее матери... выйти за него замуж.

– Кейт, я знаю, что ты меня не любишь, – говорил он. – Я и не жду твоей любви. После стольких лет, прожитых с Пэдди. Я знаю, какими были ваши отношения. Речь не об этом. Тут

такое дело... Я бы смог заботиться о тебе и детях. Я бы остался в своей комнате, ты в своей, и все продолжалось бы так, как прежде. И вам не понадобится съезжать с насиженного места.

А потом Фиона услышала материнские всхлипывания и тревожный голос Родди:

– Черт меня подери! Прости, Кейт. Я совсем не хотел довести тебя до слез. Я лишь помочь хотел. Какой же я идиот...

– Нет, Родди, ты совсем не идиот, – ответила ему мать. – Ты хороший мужчина. Любая женщина была бы рада иметь такого мужа. Плачу я совсем не поэтому. Ты меня растрогал. Мало в нашем мире тех, кто поставит чужое счастье выше собственного. Но тебе не надо взваливать себе на плечи чужую семью. Тебе нужно создавать свою, с Грейс. Ты же с нее пылинки сдуваешь. Все знают, что ты намерен на ней жениться. Мы справимся сами.

Но справятся ли? У Фионы такой уверенности не было. Вот уже который день у нее внутри звучал голос, не уставая напоминать, что денег у них совсем мало. Того, что они с Чарли зарабатывали, едва хватало на оплату комнаты. На еду оставались крохи. Откуда взять еще? Что они будут делать, когда подросшей Айлин понадобится новая одежда или у кого-то прохудится обувь? Этот голос сводил ее с ума. Он кричал, требуя ответов, которых у Фионы не было. Она молилась, прося Бога о помощи, прося послать ей силы, чтобы выдержать тяготы потерь, и мужество перед лицом новых испытаний. Ответа она не получила. Похоже, Бог ее не слышал.

Когда становилось совсем невмоготу, она опускала руку в карман и нащупывала синий камень, подаренный Джо. Она плотно сжимала камень в ладони, представляла лицо Джо, напоминала себе об их магазине, мечтах и грядущей совместной жизни. Такой день наступит, причем скоро. Денег в их копилке прибавлялось. В каждом письме Джо называл сумму, которая была выше предыдущей. Если дела и дальше пойдут столь же успешно, они смогут пожениться гораздо раньше. Он написал об этом в последнем письме. Читая письмо, Фиона сияла от радости. Однако ее радость быстро померкла, когда она вдруг поняла, что скорого замужества не получится. Семья нуждалась в ее жалованье. Ма по-прежнему ожидала компенсации от «Чая Бертона» за потерю кормильца. Компания может выплатить двадцать фунтов. Этих денег хватит, чтобы подыскать жилье получше. Тогда и мать почувствует себя увереннее и не будет так волноваться за малышей. Фиона понимала: пока их положение остается шатким, не может быть и речи об ее уходе из родительской семьи.

Проходя мимо прилавка мясника, Фиона пожалела, что у нее нет денег на большой кусок говядины. Мать приготовила бы жаркое с картошкой и подливой. Их нынешний бюджет не выдерживал таких расходов. Но даже если бы деньги и нашлись, им было бы негде это жаркое приготовить. Их комната не имела плиты, только очаг с узкой решеткой, куда не поставишь больше одного чайника или кастрюльки. Фиона тосковала по сытным обедам, которые ма готовила на Монтегю-стрит. Нынче чашка чая – единственная их горячая еда.

Сегодняшний ужин будет таким же скудным. Ей и Шейми – вареная картошка и хлеб с маргарином. Никакого масла – слишком дорого. Чарли и ма получат то же самое и еще по селедке. Чарли требовались силы для работы в пивоварне, а Кейт – чтобы поправиться. Кашель буквально изматывал мать. Порой она так заходила в кашле, что лицо багровело и ей было не отдышаться. Быть может, завтра Чарли получит немного денег сверх жалованья. Тогда Фиона сходит за дешевой бараниной на жаркое. Мясо можно будет сварить в кастрюле вместе с картошкой и морковкой. Оно подкрепит силы ма и станет первым шагом к избавлению от проклятого кашля.

Купив напоследок каравай хлеба и четверть фунта маргарина, Фиона пошла домой. Щупальца тумана сжимались вокруг оранжевых огоньков газовых фонарей, отчего их свет делался неровным и колеблющимся.словно живое существо, туман двигался, окутывая лотки и прилавки, заглушая звуки и затрудняя видимость.

Туман вызывал у Фионы дрожь. Идти сквозь него было все равно что завернуться в мокрое, холодное одеяло. Сумка с провизией оттягивала руку. Фиона проголодалась. Она целый день провела на ногах, и сейчас они саднили. С тех пор как она, думая совершить благое дело и спасти подруг от увольнения, подсказала мистеру Бертону, что можно делать больше работы меньшим числом работниц, мистер Минтон просто оборзел. Ей доставалось от него сильнее, чем остальным. После работы он заставлял Фиону мыть чайные совки, вытирать столы и подметать пол. Сейчас ей хотелось только одного: поскорее оказаться дома. Поддавшись этому порыву, она решила срезать путь.

Свернув с Хай-стрит, Фиона двинулась по тонущей в тумане Барроу-стрит, представлявшей собой даже не улицу, а грязный переулок с полуразвалившимися домами, где давно никто не жил. Двери здесь были сорваны с петель. Окна зияли разбитыми стеклами. Такая же участь постигла и здешние газовые фонари. Фиону окружали темнота и тишина. Пройдя ярдов двадцать, она засомневалась: стоило ли пускаться в столь опасное приключение? Фионе вспомнился другой переулок, где на нее напал жуткий Сид Мэлоун. Как она тогда перепугалась! Что, если Сид увидел ее сегодня на рынке и двинулся следом? И потом, в Уайтчепеле продолжал орудовать Джек-потрошитель. Три недели назад, в конце сентября, он за одну ночь убил еще двух женщин: Элизабет Страйд на Бернер-стрит, а Кэтрин Эддоуз – на Митр-сквер. Об этом только и было разговоров. Фионе тогда было не до Джека-потрошителя, она горевала по отцу. Однако сейчас ей вдруг вспомнились те жуткие истории. Бернер-стрит и Митр-сквер находились совсем неподалеку от Барроу-стрит. Джек до сих пор не пойман. Он сейчас мог находиться где угодно. Здесь никто не услышит ее криков... «А ну прекрати! – мысленно отчитала себя Фиона. – Не будь дурой! Сократив путь, ты дойдешь домой за десять минут вместо двадцати».

Фиона заставила себя думать о другом, начав вспоминать их новых соседей. С одной стороны жила Франсес Сойер. Чарли говорил, что она подрабатывает проституцией. С другой обитал некий мистер Хэнсон, которому Фиона дала другое имя, более соответствующее его склонностям. Жуткий тип: вечно ухмыляется и трогает у себя между ног. Он пытался подсматривать за Фионой и другими женщинами через щель в сортире. По крайней мере, люди в их доме подобрались порядочные. В задней комнате на втором этаже жил мистер Йенсен, человек тихий и замкнутый. Он работал каменщиком. Комнату рядом с ним занимала миссис Кокс, вдова с двумя мальчишками, на которых она постоянно орала. Самыми приятными были супруги Джим и Люси Брейди, жившие в задней комнате первого этажа. Джим всегда находил время поиграть с Шейми, а Люси, ожидавшая первенца, каждый день чаевничала с Кейт, расспрашивая о родах и младенцах.

Тяжело жить бок о бок с таким количеством чужих людей. Нужно подыскать себе жилье получше. Но для этого требуется больше денег. Не желая сидеть и ждать, когда поступит чек от «Чая Бертона», Фиона обошла несколько окрестных магазинов, спрашивая, не нужна ли им работница на вечер субботы и воскресенье. Мать нашла работу на дому и теперь делала из шелка цветы для рождественских гирлянд. Чарли тоже помогал семье. Когда порой казалось, что им сегодня придется ограничиться хлебом с маргарином, он приходил домой с несколькими шиллингами, заработанными на кулачных боях. И тогда семья ела мясные пироги или рыбу с чипсами.

Погруженная в мысли, Фиона едва прошла половину Барроу-стрит, когда позади послышались шаги. Ничего особенного, такая же девчонка торопится домой с рынка. Но голос внутри высмеял ее успокоительное вранье, заметив, что шаги уж больно тяжелые, совсем не девичьи. Фиона и на это возразила голосу: судя по звуку шагов, они еще слишком далеко от нее. Голос напомнил ей про туман, который приглушает звуки, отчего их источник кажется дальше, чем был на самом деле. Фиона покрепче схватила сумку и прибавила шагу. Шаги сзади тоже стали быстрее. Ее явно преследовали. Ей не оставалось иного, как побежать.

Туман мешал разглядеть конец переулка, но она знала: до него недалеко. Там наверняка окажутся люди, они ей помогут. Она бежала изо всех сил, однако преследователь ее нагонял. Шаги становились все громче, и вдруг она поняла, что ей не убежать. Замирая от страха, она все же решила обернуться назад.

– Кто здесь? – крикнула Фиона.

– Тише. Не бойся, – ответил мужской голос. – Я тебе не сделаю плохого. Меня зовут О’Нил. Дейви О’Нил. Мне с тобой поговорить надо.

– Я... не знаю вас. О-отстаньте от меня, – запинаясь, произнесла Фиона.

Убежать не получилось: человек, назвавшийся О’Нилом, схватил ее за руку. Фиона выронила сумку. Она хотела закричать, но он зажал ей рот.

– Не кричи! – прошипел он. – Я же сказал, мне с тобой поговорить надо.

Фиона заглянула в его глаза и увидела отчаяние. Он явно был не в себе. Наверное, это и есть Джек. Сейчас он ее убьет. Фиона испуганно всхлипнула и плотно зажмурилась, чтобы не видеть его жуткого ножа.

– Я тебя отпущу, но не убегай, – сказал назвавшийся О’Нилом.

Фиона кивнула. Он убрал руку с ее рта. Почувствовав, что рот свободен, она открыла глаза.

– Прости, что напугал, – сказал он. – Я еще на рынке хотел поговорить с тобой, но боялся. Никогда не знаешь, кто за тобой следит.

Фиона снова кивнула, стараясь оставаться спокойной и не будоражить О’Нила. Она едва слышала его торопливые, сбивчивые фразы. Он нес какую-то бессмыслицу. Пусть он и не Джек, но наверняка свихнутый, а свихнутые бывают опасны. Главное – не рассердить его.

Человек смотрел на ее испуганное, непонимающее лицо.

– Ты что, совсем меня не знаешь? Я Дейви О’Нил. О’Нил... неужели не помнишь?

И вдруг она вспомнила. Не его. Имя. О’Нил. Его допрашивали полицейские. Это он пролил смазку, на которой поскользнулся ее отец.

– Д-да. Знаю. Но...

– В беде с Пэдди обвинили меня, только я не виноват. Керран велел мне смазать лебедки, но я нигде и капли не пролил. Еще и сами лебедки вытер для надежности. Я всегда так делаю. Говорю тебе: после меня все было чисто. Клянусь!

– Но если не вы... тогда как...

– Я должен был хоть кому-то рассказать, что не виноват. Многие даже говорить со мной не хотят. Но ты – дочка Пэдди. И тебе надо знать. – Дейви огляделся по сторонам. – Мне пора.

– Постойте! – Теперь уже Фиона схватила его за рукав. – Как это понимать? Если вы не проливали смазку, почему она там оказалась? Я не понимаю...

О’Нил вырвался из ее рук:

– Большого сказать не могу. Пойду я.

– Нет, подождите! Пожалуйста!

– Не могу! – Он озирался, как загнанный зверь; собравшись уходить, он вдруг повернулся и спросил: – Ты вроде на чайной фабрике работаешь?

– Да...

– Держись подальше от рабочих союзов. Слышишь? – хрипло зашептал он. – Без твоего отца Уопингское отделение развалилось на куски. Но Тиллет пытается их собрать. Теперь поговаривают о создании союза упаковщиц чая. Ты туда не суйся. Обещай мне...

– Ну хорошо, обещаю! Но хотя бы назовите причину!

О’Нил молча исчез в тумане. Фиона думала его догнать, но дрожащие ноги не желали двигаться. Ну и нагнал же он на нее страху! Надо успокоиться, не то ма увидит, разволнуется и пристанет с расспросами, а ма о таких вещах знать незачем. Фиона испытывала ужасное замешательство. Она не знала, как относиться к появлению О’Нила и его безумным речам.

Этот человек явно не в своем уме. Шел за ней по пятам, потом вдруг появился из тумана, точно призрак. Наверное, мучается угрызениями совести.

Или... он сказал ей чистую правду. И если он не проливал смазку, как тогда ее отец поскользнулся? От этого вопроса Фионе стало не по себе. Он терзал ее и прежде. Ей вспомнился разговор Фаррела и Долана после похорон. Они тоже удивлялись, как ее отец, столько лет проработавший без малейших происшествий, вдруг поскользнулся и выпал из погрузочной двери. Тогда Фиона не придавала значения их разговору, а свои нелепые подозрения посчитала фантазиями ума, затуманенного горем. Но так ли это?

Что ей сказал Дейви О'Нил? Что он не проливал смазку? Или что там вообще не было никакой смазки? Второе просто невозможно: полицейские осмотрели место падения и обнаружили ее. Дядя Родди читал их отчет и сказал, что изложено толково. О чем еще говорил О'Нил? «Многие даже говорить со мной не хотят...» Фиона почувствовала, как ее страх сменился гневом. Слова О'Нила уже не казались ей бессмыслицей. Грузчики ополчились на Дейви, считая его виновником смерти ее отца. Они его сторонились. Возможно, он даже ушел с прежнего места работы и не мог найти другую. Он хотел с ее помощью исправить положение. Неужто надеялся, что она расскажет людям о его непричастности? Каков наглец! Ее отец мертв, семья бьется в нужде, а этот Дейви думает лишь о том, как бы вернуть себе расположение бывших товарищей по работе. Да пошел он! Можно подумать, у нее нет других забот, кроме злключения Дейви О'Нила. Мерзавец проклятый! Перся за ней, перепугал до смерти, а потом понес какую-то чушь про рабочие союзы. Уговаривал ее ни в коем случае не вступать. Как будто у нее есть лишние деньги на членские взносы!

Дрожащей рукой Фиона провела по лбу, откидывая налипшие пряди волос. Надо поскорее убираться с Барроу-стрит. Одной встречи со свихнутым ей хватило через край. Чего ж она стоит столбом? Ждет, когда из тумана вынырнет еще кто-нибудь? Злость, владевшая ею, требовала выхода. Жаль, что никому об этом не расскажешь. Чарли сумел бы проучить О'Нила, но прежде Фионе самой досталось бы от брата за беспечность, а она совсем не жаждала словесной взбучки. Никому она не станет рассказывать. Она просто забудет об этой встрече. Фиона нагнулась за сумкой. Оттуда ничего не вывалилось, а вот груши, скорее всего, помялись. Она зашагала к выходу из переуллка, тревожась за состояние селедок. К счастью, они не пострадали. Приближаясь к концу Барроу-стрит, Фиона все еще поносила О'Нила, обещая себе: если ее когда-нибудь угораздит снова встретиться с этим недоразумением, она выдаст ему по полной.

Глава 13

Стайка уличных оборвышей напоминала птиц, роющихся в мягкой илистой глине под Старой лестницей. Только вместо клювов они совали туда худые чумазные руки и охотились не за червяками, а за обломками меди, старыми бутылками и кусками угля. Фиона смотрела, как они рыщут вдоль полосы отлива, набивают карманы и торопятся наверх, чтобы продать старьевщику найденные сокровища.

Она сидела с Джо на их любимом месте. Эту часть реки она знала как свои пять пальцев. Все вокруг было знакомым с детства: пенистые волны, здание склада Батлера на противоположном берегу и терпкий запах чая. Знакомым, но уже не таким, как прежде.

Фионе было не отделаться от этого ощущения с самого утра, едва Джо внезапно появился у них дома. Она пыталась и никак не могла сообразить, в чем дело. Но в Джо что-то изменилось. На нем был красивый твидовый пиджак цвета лесного мха, который ему отдал Гарри. Под пиджаком белая рубашка. Наряд дополняли новые шерстяные брюки, купленные им для поездки в Корнуолл с Томми Петерсоном. В этой одежде Джо ничем не напоминал грубова- того рабочего парня. Он выглядел как уверенный молодой человек, чьи дела столь же уверенно идут в гору.

На Фионе была ее темно-синяя юбка, белая блузка и серая шаль. Она даже обрадовалась ветреной осенней погоде, заставлявшей кутаться в шаль, под которой скрывалась небрежно заштопанная дырка на рукаве. Фиона испытывала неловкость, сравнивая свою поношенную одежду с щегольским нарядом Джо. Прежде ей никогда не бывало стыдно перед ним.

Джо находился в приподнятом настроении, довольный работой, отношением Петерсона и собой. «Так и должно быть, – думала Фиона. – Он и двух месяцев не проработал на новом месте, а уже ожидает повышения». Джо рассказывал, не умолкая ни на секунду. Он так и сыпал восторженными фразами, расхваливая деловые качества Петерсона. Лицо Джо покраснелось. Еще бы! Он говорил о возможности стать закупщиком. Потом он заговорил о поездке в Корнуолл, где останавливался в дорогом отеле. Свою речь он пересыпал словечками из языка покупок и продаж, которых Фиона не понимала. Она пыталась радоваться за Джо, хотела разделить его воодушевление, но... ей казалось, что все это принадлежит ему одному.

– ...а в нашей коробке уже восемнадцать фунтов и шесть пенсов, о чем я рад сообщить.

Эти слова выбили Фиону из невеселых раздумий. Она вновь почувствовала себя неловко.

– Мне туда нечего добавить. Может, на следующей неделе...

– Не волнуйся. Я добавляю туда за нас обоих.

Фиона нахмурилась. Ей не понравились слова Джо. Что значит – он добавляет за них обоих? Ведь это была *их* мечта. *Их* магазин. Она тоже хотела вносить свой вклад. Магазин виделся ей результатом их совместных усилий и жертв. Неужели Джо этого не понимает?

Он взял ее руку и погладил.

– Любовь моя, да у тебя совсем огрубела кожа на ладонях, – сказал Джо, разглядывая ее руку. – Зайдем к аптекарю, купим тебе мазь.

– Спасибо, у меня есть, – сухо ответила Фиона.

Она сунула руки в карманы юбки. Дома у нее не было никакой мази, но она не хотела этих... благоденствий Джо. Его слова задели Фиону. Ей показалось, что Джо упрекает ее. У Фионы всегда были такие руки, как у каждой работающей женщины. А утонченные леди с нежными ручками не занимаются упаковкой чая. «Вот у Милли руки наверняка мягкие и гладкие», – с неприязнью подумала Фиона.

– Фи, что с тобой? – спросил Джо, заметив ее насупленное лицо.

Господи, Фиона чувствовала себя несчастной. А ведь Джо пытался быть внимательным, и не только к ней, но и ко всей ее семье. И приехал он не с пустыми руками. Привез большущую

корзину овощей и фруктов. Джо попытался обыграть это как подарок, хотя прекрасно знал, что экономит их скудные деньги. Кейт он привез конфет, а Шейми – расписного деревянного солдата. Надо было видеть, как просияло лицо малыша. Фиона получила шесть красных роз. Джо был так внимателен к ней. Тогда почему у нее так погано на душе, откуда в ней желание загордиться от его забот?

– Тебе показалось, – соврала она, заставив себя улыбнуться и не дать тягостным мыслям испортить драгоценные часы, проводимые вместе после стольких недель разлуки.

– Понимаю. Я слишком увлекся рассказами о работе. Наверное, утомил тебя. Прости, Фи. – Он притянул Фиону к себе и поцеловал.

В объятиях Джо ее страхи исчезли. К ней вернулись прежние ощущения. Внешний мир, как всегда бывало, отодвинулся. Есть только они... любящие друг друга, принадлежащие друг другу. И никаких мыслей о Петерсоне и работе. Никаких тревог за мать и безденежную жизнь в одной комнате.

– Фи, мы сейчас так редко видимся. Для меня это невыносимо. Я привык тебя видеть.

– Ну так наслаждайся зрелищем, – весело сказала Фиона. – Потерпи немного. Скоро Ночь Гая Фокса. Осталось каких-нибудь две недели. – Фиона так ждала этого праздника, что сами разговоры о нем повысили ей настроение. – Мы все соберемся на Монтегю-стрит и устроим костер. Я не представляю, как можно праздновать в другом месте. – Фиона порывисто сжала руку Джо. – Ты приедешь на целый день или только на вечер? – (Он отвернулся.) – Джо?

– Фиона, я не смогу приехать.

– Ты не приедешь?! – закричала она, сраженная его ответом. – Но почему? Только не говори, что Петерсон и в праздничный вечер заставит тебя работать!

– Совсем не потому. Томми устраивает большое торжество, и я должен там быть.

– Почему? Это же не работа. Разве ты не можешь ему сказать: «Нет, спасибо большое» – и поехать домой?

– Не могу. Это не просто вечеринка. Там соберутся все, кто у него работает. В Ночь Гая Фокса Томми раздает премии и объявляет о повышениях. Пойми, Фиона: если я не пойду, это будет как пощечина Петерсону. Пожалуйста, не злись. Я тут ничего не могу поделать.

Но Фионе было не совладать с собой, и она разозлилась. А вместе со злостью навалились грусть и досада. На Монтегю-стрит Ночь Гая Фокса всегда была любимым праздником. Так повелось с незапамятных времен. Ребяшня мастерила своих Гаев. Все соседи сходились посмотреть на костер и фейерверки. Влюбленные пары стояли перед костром, держась за руки. Фиона надеялась, что так будет и у них с Джо. Ей нравилось само ожидание праздника, возможность хотя бы немного развлечься и забыть о повседневных тяготах. А теперь все насмарку.

– Милли, поди, тоже там будет?

– Думаю, да. Это же их дом.

Фиона помолчала, потом спросила:

– Ты любезничаешь с ней?

– Что?

– Отвечай!

– Нет! Фиона, что за чертовщина? Ты опять за старое?

– Извини, ошиблась, – язвительно бросила она. – Твоя единственная и настоящая любовь – Томми, а вовсе не Милли? Должно быть, так. Ты же проводишь с ним все свое время.

Джо взорвался.

– Фиона, чего ты от меня хочешь? – закричал он. – Хочешь, чтобы я ушел от Петерсона? – Джо не дал ей времени на ответ. – Были у меня такие мысли: все бросить и вернуться сюда, к тебе. Но я не поддаюсь порыву, поскольку думаю о нас обоих. Я стараюсь получить повышение. Желающих много, но я рассчитываю, что Томми остановит выбор на мне. Тогда я буду зарабатывать больше. И мы сможем открыть магазин. Я смогу по-настоящему заботиться о тебе.

– Я не прошу тебя заботиться обо мне! – крикнула она в ответ. – Я лишь прошу иногда появляться здесь... – Она чувствовала: у нее дрожат губы. Черта с два она заревет! Она сейчас слишком зла. – Мне и так тяжело после смерти па. Сам знаешь. А если бы ты хоть иногда был рядом... просто поговорить.

– Фи, ты же знаешь. Если бы мог, я был бы рядом. Знаешь ведь! Наша разлука скоро закончится. Потерпи еще немного. Мне самому неважно, но что делать? Не могу же я разорваться надвое. Не добавляй мне вины. У меня ее и так с избытком.

Фиона собиралась ему ответить, но слово «вина» ее остановило. Получается, она заставляла Джо чувствовать себя виноватым. У нее заурчало в животе. «Только бы не вывернуло», – подумала Фиона. Она чувствовала себя пристыженной. Закрыв глаза, Фиона увидела Джо в обществе Гарри и Милли. Они гуляли и смеялись. Свободные, не обремененные заботами. Они говорили о Томми, перебрасывались шутками, посматривали на ярко освещенные витрины, мимо которых проходили, распивали чай в каком-нибудь приятном заведении. Зачем Джо возвращаться сюда, на грязные улочки Уайтчепела, если он может весело проводить время с ними? Зачем ему выслушивать ее заботы и страхи, когда он может слушать смех Милли? Где ей соперничать с такими, как Милли? В своих обносках она похожа на старьевщицу. Старая шаль, грубые руки. Должно быть, Джо уже сделал сотню сравнений не в ее пользу. От этой мысли все внутри Фионы сжалось. Она не может и шести пенсов добавить в их коробку... И вдруг она поняла: Джо теперь жил новой жизнью, увлекательной, полной интересных людей и новых впечатлений. Он двигался вперед, отдалялся от нее и не хотел себе лишних тягот. Она стала для него... обузой. Он не говорил этого вслух. Зачем? Это и так понятно. Что ж, Фиона Финнеган слишком горда, чтобы быть чьей-то обузой.

Она поморгала, отгоняя наворачивающиеся слезы, затем порывисто встала.

– Куда ты?

– Домой.

– Ты все еще сердисься на меня.

– Ничуть, – тихо ответила Фиона, не желая срываться и вновь переходить на крик; Милли, наверное, вообще не кричит. – Ты прав. Нечего злить Петерсона. Просто... мне надоело на реке, и я пойду домой.

Джо тоже встал, готовый пойти с ней.

– Спасибо, сама дойду.

– Не глупи. Идти далеко. Если тебе так приспичило вернуться домой, я тебя провожу.

– Я сказала, нет! Оставь меня в покое! Возвращайся на свой чертов Ковент-Гарден! Надоело слушать, что у меня грубые руки, что я должна быть терпелива и что Ночь Гая Фокса ты будешь праздновать с Милли Петерсон!

– Да не буду я праздновать с Милли! Я всего лишь пойду на торжество! Что с тобой стряслось? Ничем тебе не угодить! – устало воскликнул Джо. – То ты говорила, что хочешь почаще меня видеть. Я приехал, а ты торопишься домой. И с чего ты такая до чертиков обидчивая?

– И в самом деле, с чего бы? Вроде и причин нет! Подумаешь, потеряла па, лишилась дома, в котором выросла, а теперь еще теряю своего парня. У меня все просто в лучшем виде!

– Фиона, не надо меня упрекать. Вся наша семья помогала вам, чем могла. Но ты меня не теряешь. Я стараюсь для нас обоих. Оказывается, тебе этого не нужно. Тогда чего ты хочешь?

– Вернуть своего Джо. – С этими словами она взбежала по лестнице и скрылась из виду.

Фиона мчалась по Хай-стрит, мимо причалов и складов, держа путь к Грейвел-лейн и Уайтчепелу. Она уже ничего не понимала. Все потеряло смысл. Джо говорил, что работает не покладая рук ради них, ради их магазина. Это должно было бы успокоить ее, но она не ощущала спокойствия.

Если он действительно работает ради их магазина, тогда почему лезет из кожи вон, стремясь получить это повышение? Не он ли говорил, что у них уже есть восемнадцать фунтов и

шесть пенсов? Осталось еще семь, и вот они – заветные двадцать пять фунтов. И Джо незачем становится закупщиком. Нужно всего лишь проработать еще несколько месяцев на прежней должности. А потом он помашет Петерсону ручкой, и они откроют свой магазин. Что Джо затеял? Зачем ему так понадобилось это повышение?

Одолев полмили Грейвел-лейн, Фиона побежала быстрее. У нее сбилось дыхание, ноги уже не держали, но она продолжала бежать, пытаясь заглушить голос у себя в голове. Голос, отвечающий на все ее вопросы: «Потому что ему больше не нужен магазин. И ты ему больше не нужна».

Под оценивающим взглядом десятков пар жестких глаз Чарли Финнеган снял рубашку и бросил ее на стул, отвел локти назад, расслабил плечи, расправил грудь. Глаза собравшихся заскользили по его выпуклым мышцам. Все заметили его сильные руки с крупными ладонями. В толпе одобрительно зашептались. Его шансы повышались. Зрители меняли ставки, и монеты быстро перемещались из рук в руки.

Сохраняя бесстрашие, Чарли оглядел зал. Увиденное ему понравилось. Это был его первый бой в «Тадж-Махале» – старом мюзик-холле, недавно переделанном под спортивный зал. Денни Куинн, новый владелец «Тадж-Махала», приказал убрать сцену и вынести ряды стульев, но оставил модные газовые люстры и бра, а также яркие цветастые обои. В результате он получил обширное, прекрасно освещенное пространство, одинаково пригодное для крысиных бегов, а также для собачьих, петушиных и кулачных боев.

Публика в зале тоже нравилась Чарли. В основном это были рабочие, но он заметил и кучку зрителей из высших слоев. Пришел на него посмотреть и Томас Шихан по прозвищу Котелок, которое заработал из-за своей неизменной шляпы-котелка. Шихан был самым известным главарем преступного мира в Восточном Лондоне. Не было борделя, игорного заведения или площадки для фехтования, которые не платили бы ему дань. Владельцы причалов платили ему за «защиту» их собственности, владельцы пабов – за цельность стекол в окнах. Глупцов и упрямцев, не желавших поделиться с ним своим пирогом, обычно находили в Темзе плавающими лицом вниз.

Присутствие Шихана свидетельствовало о крупных деньгах, поставленных на сегодняшних участников. Он не тратил вечера на второстепенные состязания. Чарли было приятно сознавать, что интерес к нему высок. Он знал: парни, понравившиеся Куинну, боксеры, становившиеся постоянными участниками, получали не только призовые деньги, но и часть общей выручки. Сегодня Чарли выступал бесплатно. Прежде чем взять новичков, Куинн устраивал им проверку. Чарли был полон решимости произвести впечатление.

Ударил гонг. Под свист и крики Чарли и его противник вышли на середину зала. Оба протянули руки к рефери, который повернул их ладонями вверх, удостоверившись, что там ничего не припрятано. После этого участники разошлись по своим углам в круге, образованном зрителями.

Чарли смерил взглядом противника. Этого парня он хорошо знал. Сид Мэлоун работал вместе с ним в пивоварне. Сид жил на другом берегу Темзы, в Ламбете. Он не был уроженцем Лондона. Со слов Билли Хьюсона – их начальника – Чарли знал, что прежде Сид жил в сельской местности, а в Лондон подался после смерти матери. Семьи у него не было, друзей тоже. Характер этот парень имел драчливый и всегда искал повод с кем-нибудь схлестнуться. Правда, к Чарли он не приставал. Все изменилось несколько месяцев назад, когда Сид вдруг положил глаз на Фиону. Он позвал ее в паб. Она отказалась. Тогда Сид попытался затащить Фиону в темный переулок. Фиона не растерялась и метким ударом сломала ему нос. Она просто ударила в уязвимое место, для чего особой силы не требовалось. Больше Сид к Фионе не приставал, но злобу затаил. Он хотел взять реванш и не видел лучшего способа, чем сделать из ее брата отбивную котлету. Чарли с Сидом были почти одного возраста и роста. Рыжеволосый,

как и Чарли, Сид уступал ему по крепости телосложения. Чарли знал его манеру драться и считал, что легко с ним справится. Однако любой боец, в том числе и Сид, действовал успешнее, когда был зол.

Некоторые боксеры специально нарабатывали злость. Им требовалась причина: желание свести счеты или пара-другая одобрительных выкриков из толпы. Чарли было достаточно открыть ящик, где жил его гнев. Он всегда был хорошим бойцом, а после смерти отца стал еще лучше.

Поединки очищали его, давая выход ярости, чувству вины и беспомощности. Махая кулаками, Чарли забывал о своей обеспокоенной сестре и бледной, усталой матери. Он забывал о печальных глазах младшего брата, молча упрекавшего его за постоянное отсутствие. Забывал он и о Нью-Йорке, и о жизни, которую надеялся там построить. Он целиком погружался в кружение вокруг противника, в обманные движения, в хруст костяшек, соприкоснувшихся с чьей-то челюстью, в запах табачного дыма и пота и в яркие вспышки боли.

Рефери прошел в центр круга и поднял руку. Воздух трещал от напряжения. Чарли чувствовал, как шевелятся волоски у него на руках. Толпа приблизилась. Послышались голоса, требующие от него выложиться по полной. Прозвучал гонг. Поединок начался. Сид двигался как марионетка. Ущемленная гордость и гнев дергали его за ниточки, заставляя надвигаться на Чарли и наносить скованные, слабые удары. Чарли ушел в оборону, легко отражая выпады Сида. Такое положение позволяло ему наблюдать за противником, беречь силы и выбирать, когда пригвоздить к полу этого придурка.

– Ну давай же, трусишка, – шипел Сид, – бейся со мной.

Поведение Чарли не понравилось зрителям. Им хотелось больше агрессии. Мужчины неодобрительно свистели и качали головами. Чарли было плевать на их поведение. Он мог бы провести дюжину показных ударов, рассечь Сиду губу или поставить синяк под глазом, но ему хотелось сделать нечто запоминающееся. Он отступал, дразня толпу и разворачивая действие, как опытный любовник, который оттягивает наслаждение, добиваясь максимальной силы ощущений.

И вдруг, словно на пустом месте, Сид ударил Чарли под левый глаз. Костяшки соприкоснулись с глазницей и рассекли кожу под глазом. Голова Чарли запрокинулась. Из раны хлынула кровь. Толпа загудела. Чарли мотнул головой. В воздух полетели мельчайшие красные брызги. Хорошо, что кожа повреждена под глазом, а не над ним. Кровь не мешает смотреть. Сид осмелел, стал увереннее, что было видно по его движениям. Чарли следил за кулаками противника. Тот не спешил приближаться. Уверенность ослабила его оборону.

Сид нанес еще несколько ударов, не причинивших Чарли вреда. Чарли намеренно их пропустил, все время следя за противником, словно ястреб. Всякий раз, ударяя правым кулаком, Сид опускал левый. Ему было не восстановить сбившееся дыхание, и потому удары он наносил в определенной последовательности, чтобы не напрягать легкие. Чарли держал кулаки возле лица. Еще один удар под глаз ему не нужен. Чарли глубоко вдохнул и внутренне собрался, продолжая наблюдать за Сидом. Правая, правая, правая. Левый кулак противника в это время был опущен, затем поднялся, после чего Сид сделал передышку. Последовала другая серия ударов: правой, левой, правой. Противник ее повторил, после чего бил только правой, а левую опустил. Снова передышка. Чарли ждал. Сид опять бил правой, опустив левую. И тогда Чарли нанес стремительный, мощный удар в висок. Его кулак напоминал тяжело груженный товарный поезд, который вдруг сошел с рельсов и врезался в стену.

Сид рухнул на пол, будто мешок с камнями. Он застонал, веки дернулись, и он потерял сознание. Установилась напряженная тишина. Рефери сосчитал до десяти, подбежал к Чарли, вскинул его руку и объявил победителем. Толпа взорвалась приветственными криками. Многие восклицали, что ничего подобного еще не видели. Всего каких-то пять минут назад они насмехались над Чарли, а теперь хвалили за выдержку и точный выбор момента для удара.

Сида отнесли к столу, где дружки принялись возвращать его к жизни. Чарли сплюнул кровь, успевшую скопиться во рту. Восхищенные зрители быстро притащили ему стул, пинту портера, несколько чистых полотенец и воду. Смочив полотенце, Чарли вытер лицо. Подошел плотный человек в жилетке и рубашке с закатанными рукавами. В руке у него был потертый черный саквояж. Крепыш представился доктором Уоллесом. У Денни Куинна он исполнял обязанности парикмахера и врача. Уоллес промыл с мылом рану под глазом Чарли, после чего промокнул салфеткой, смоченной виски. Чарли поморщился. Увидев в руках цирюльника-медика иглу с ниткой, он спросил, что тот собирается делать.

– Рана у тебя глубокая, – пояснил Уоллес. – Если ее не заштопать, она будет долго заживать. Хуже того, еще и откроется, когда выйдешь на следующий поединок. – (Чарли кивнул, стараясь не дергаться, пока Уоллес зашивал рану.) – Потерпи еще немного, парень. Я хочу, чтобы у тебя все зажило без шрама. Физиономия у тебя приятная. Не будем доставлять дамам огорчение. – Сделав пять стежков, Уоллес оборвал и завязал узлом нить. – Хорошую трепку задал ты сопернику. Ударов такой точности я видел мало, а уж поединков я пересмотрел – будьте-нате. Швы я наложил – прямо загляденье. Вышивка, да и только. Мистер Куинн решил отблагодарить тебя тарелкой жареного мяса. Сейчас ее принесут. – Уоллес кивнул в сторону Сиды, распластанного на столе. – Пойду попробую разбудить эту спящую красавицу. Старайся, чтобы на рану не попадала грязь.

Чарли поблагодарил врача и залпом осушил кружку пива. Ему тут же принесли другую вместе с огромной порцией жареной свинины. Чарли накинулся на мясо. Последнее время вся его еда состояла из хлеба с маргарином. Кто-то подал ему рубашку, которую Чарли надел, не став застегивать. Ему было слишком жарко. Зрители, поставившие на него и получившие деньги, подходили к нему, желая высказать свое восхищение.

– За время вашего поединка перевес менялся дважды, – сказал Чарли один из зрителей, радостно взъерошив ему волосы. – Но я сразу поставил на тебя и выиграл кучу денег! У тебя большое будущее, парень.

Мужчина был настолько счастлив, что поделился с Чарли выигранными деньгами, дав два шиллинга. Чарли убрал деньги и довольно улыбнулся. Поединок прошел так, как Чарли и надеялся: он произвел впечатление. Чарли откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Возбуждение, сопровождавшее поединок, прошло. Навалилась усталость. Чарли глубоко вдохнул, наполняя легкие спертым воздухом. Как и любое заведение подобного рода, «Тадж-Махал» густо пропах мужчинами и тем, что их сопровождало: пивом, пролитым на пол, потом, табачным дымом, сочным жареным мясом и... Запах духов был явно не мужским. Откуда они здесь? Чарли открыл глаза, желая увидеть источник запаха.

Перед ним стояла хорошенькая рыжеватая блондинка. На ней был кружевной розовый корсет, белая юбочка с оборками, и больше ничего. Длинные волосы скручены в узел, но несколько прядок вились у щек. Чарли заметил, что глаза у девицы карие, приятного, теплого оттенка, кожа вся в веснушках, а улыбается она очень даже мило. Он так и прилип взглядом к ее обнаженным рукам и выпирающей из корсета веснушчатой груди. Он никогда еще не видел женского тела, столь мало обремененного одеждой.

– Мистер Куинн сказал, что со мной тебе будет веселее, – улыбнулась девица. – Меня зовут Люси.

Чарли потерял дар речи. Боже, до чего же хорошенькая девчонка! Ее кружевной корсет был надет на голое тело.

– Мне что, уйти? – хмурясь, спросила она. – Позвать тебе другую?

– Нет! – возразил Чарли, у которого прорезался голос. – Ни в коем случае. Ты это... садись. Ты извини... язык плохо ворочается. Поединок выжимает из парня все.

Чарли вдруг почувствовал, что его усталость исчезла.

– Я не видела поединка. Ден не пускает нас вниз, пока все не закончится. Говорит, мы лишь отвлекаем внимание зрителей и мешаем ставкам. Но я слышала, что ты потрясающе нокаутировал противника!

Значит, Люси – одна из девиц Денни. Чарли вновь потерял дар речи. Он не знал, о чем говорить, но сознавал: нужно что-то сказать. Ему очень хотелось задержать Люси, поболтать с ней и поглазеть на нее. Да и другие парни пусть увидят его с этой девчонкой. Чарли заговорил о поединке, потом рассказал о Сиде Мэлоуне и о том, как сестра сломала этому задире нос. Люси смеялась и не уходила. Наоборот, она наклонилась к нему, показывая то, что мешали разглядеть кружева корсета.

Чарли поднял голову, когда ему на спину легла чья-то рука. Перед ним стоял поджарый человек в шикарном пиджаке. Это был Куинн. Чарли отодвинул стул, намереваясь встать, но Куинн велел ему сидеть.

– Ты хорошо поработал парень, – сказал он. – Не ожидал. Ставки не понижались. Мне понравилось. Хочу тебя взять. Пусть рана под глазом заживет, и ты войдешь в круг моих бойцов. Согласен?

– Да, сэр. Спасибо, мистер Куинн.

– Условия у меня щедрые, – продолжал Куинн, обводя цепким взглядом зал. – Будешь получать за каждую победу плюс отчисления от выручки за вечер. А теперь слушай, Чарли. Боец ты способный, и другие захотят тебя переманить. Но я хочу, чтобы ты работал только у меня, и я сделаю так, что ты об этом не пожалеешь.

Куинн достал из кармана пачку денег, вытащил пятифунтовую банкноту и протянул Чарли. Чарли принялся благодарить, однако Куинн поднял руки, показывая, что это излишне.

– Если поединок тебя не вымотал, наша красотка Люси к твоим услугам. Она приготовит тебе горячую ванну. Приготовишь, малышка? А если будешь ласков с ней, думаю, она попотчет тебя еще кое-чем.

Прежде чем густо покрасневший Чарли успел вымолвить хоть слово, Куинн отошел. Хозяин заметил одну из своих девиц праздно сидящей и направился к ней.

– Найди мужчину и поднимайся наверх! – услышал Чарли его крик. – Что, по-твоему, у нас сегодня? Церковное чаепитие?

Люси обняла Чарли за талию и притянула к себе. У него заколотилось сердце.

– Знаешь, Чарли, ты явно приглянулся хозяину. Давно не видела, чтобы Денни Куинн так легко расставался с пятью фунтами.

Чарли не верилось в свою удачу. Придя сюда, он мечтал, чтобы Куинн просто взял его к себе. А теперь у него было пять фунтов, два шиллинга и обещание новых заработков. И Люси. У него была Люси. Сейчас они поднимутся наверх, и она позволит снять с себя корсет и вдоволь насмотреться на нее. Он сможет ее поцеловать. Она не будет противиться, когда он снимет с нее юбку, ляжет рядом... и все остальное.

Чарли нервничал. Парни на Монтегю-стрит любили бахвалиться своими походами к четырехпенсовым шлюхам. Чарли тоже хвастался, но на самом деле все его отношения с женщинами ограничивались Бриджит, подругой сестры, которую он несколько раз поцеловал и потрогал за маленькие грудки. Он залпом допил пиво. Это была третья кружка. Еще четыре – и он по-настоящему осмелеет для мужских подвигов.

– Идем, – шепнула Люси, беря его за руку.

Она повела Чарли на второй этаж, где был узкий коридор с дверями по обеим сторонам. Остановившись возле одной из них, Люси прижала его к себе и стала целовать, водя руками по волосам. Ее руки быстро опустились вниз, к ягодицам. Люси мяла ему ягодицы, словно месила тесто, еще крепче прижимая Чарли к себе.

– Ты хочешь ванну сейчас или потом? – спросила она, перемещая руки к его ширинке.

– Какую ванну? – прохрипел Чарли.

Он заставлял себя думать о Денни Куинне, пятифунтовой бумажке в кармане. О чем угодно, только бы увести разум от рук Люси. Если он этого не сделает, то не дотерпит до постели Люси. К счастью для Чарли, она полезла в корсет за ключом. Хихикая, Люси открыла дверь и втащила Чарли внутрь. На ее кровати с мягкой периной, в ее нежных веснушчатых руках Чарли Финнеган нашел совершенно новый способ временно забыть о тяготах жизни.

Глава 14

Скудный завтрак Фионы состоял из поджаренного хлеба и чая, но ее лицо сияло от счастья. Она в пятый раз перечитывала письмо Джо.

Дорогая Фиона!

В письме ты найдешь два шиллинга. Приезжай воскресным утром на Ковент-Гарден. В омнибус садись на Коммершел-стрит, где мы с тобой садились, когда я возил тебя показывать город. Сойдешь на Рассел-стрит. Там я буду тебя ждать. Свободны у меня только полдня – в час мы с Томми едем в Джерси. Но если сумеешь подъехать к девяти, все утро будет нашим. Прости меня за разговор на реке и за то, что так получилось с Ночью Гая Фокса. Знаю, тебе сейчас тяжело. Скучаю по тебе и надеюсь, что все наладится.

С любовью,

Джо.

Письмо она получила вчера. Даже не письмо, а маленькую посылку. В коробочке, обернутой в коричневую бумагу, был листок и два шиллинга. Каждую монету Джо завернул в тонкую бумажку, чтобы они не гремели и не искушали почтальона.

Фиона была на седьмом небе. Целых шесть дней, с самого момента их отвратительной ссоры, она не видела Джо и не получала его писем. Ей начало мерещиться самое худшее. Джо ее разлюбил. Ему не нужен их магазин. Он закрутил с Милли. Эти мысли терзали Фиону на протяжении дня и не давали уснуть ночью. Она лежала, глядя в потолок, одинокая, несчастная, с разбитым сердцем. Быть может, своим поведением она навсегда оттолкнула Джо. Он с трудом выкроил недолгие часы, чтобы провести с ней. Ну почему ее угораздило поссориться с ним? Вина за случившееся целиком лежала на ней. Он ведь ничем ее не обидел. Рассказывал о своей работе, и что тут плохого? А она вновь поддалась ревности. Фиона не находила себе места. Ей хотелось помириться с Джо, но поехать к нему она не могла. Она не могла даже написать ему. У нее вечно не оказывалось денег на бумагу. Но теперь Джо сам ей написал. Полная надежд, Фиона пребывала в радостном волнении. Они увидятся, поговорят, и снова все у них будет как прежде. Фиона отчаянно нуждалась в нем, в его любви, дававшей ей защиту.

Джо был прав: для нее наступили тяжелые времена. По сути, ужасные. Каждый день приносил новые беды. Шейми требовались рукавицы и свитер, а Чарли – куртка. Наступившие холода увеличивали расход угля. Фабричонка, снабжавшая мать надомной работой, обанкротилась. Фиона искала приработок повсюду: в пабах, магазинах, закусовых, но ее нигде не брали.

В довершение ко всем бедам Айлин заразилась от матери кашлем. Минувшим вечером малышка кашляла особенно натужно – едва дышать могла, – выплевывая окровавленную слизь. Айлин спешно понесли к врачу. Тот сказал, что пока не знает, чем болен ребенок. Выписал лекарство и велел наблюдать, поможет или нет. Фиона с надеждой ухватилась за слова врача, однако мать поразила ее каким-то странным спокойствием. Когда вернулись домой, Кейт села у очага и заплакала. Фиона, которую материнские слезы напугали сильнее, чем кашель сестренки, спросила, в чем дело.

– Это я виновата. Айлин подцепила кашель от меня, а теперь он перешел в чахотку, – сказала мать. – Доктор не скажет, но я-то знаю.

– Ничего ты не знаешь, ма, – упрямо возразила Фиона, будто ее слова могли развеять опасность заражения страшной болезнью. – Врач говорил, что у Айлин горло воспалено или

туда занесена какая-то зараза. Ты же сама слышала, как он говорил: понаблюдать неделю, а потом прийти снова. Уж он всяко больше знает о таких вещах, чем ты.

Мать вытерла глаза и кивнула, но слова дочери ее не убедили. С тех пор Кейт беспокойно наблюдала за Айлин. Спала она урывками, все больше погружаясь в уныние и отчаяние. Мать заметно похудела. Все они похудели. Денег на еду почти не было. День за днем перебивались с хлеба на чай, пока в один из вечеров Чарли не вернулся домой с пятью фунтами в кармане и раной под глазом. Сказал, что подзаработал на перевозке вещей. После уплаты врачу и аптекарю, погашения трехнедельного долга за жилье и покупки еды от денег, свалившихся на Чарли, почти ничего не осталось. Но среди мрачных туч появился просвет: Джо прислал письмо. Скоро они увидятся. Фиона знала: она выдержит любые трудности, пока с ней любовь Джо и пока они оба верны своим мечтам.

Фиона укутывалась в шаль, пытаясь вспомнить, долго ли идет омнибус четвертого маршрута до Ковент-Гардена. В этот момент в окне появилось лицо незнакомого мальчишки.

– Здесь Финнеганы живут? – крикнул он.

– Да. А ты кто?

– Меня мистер Джексон из «Быка» прислал. Велел передать Фионе Финнеган, что ждет ее насчет работы. И еще сказал: если хочет получить работу, пусть поторопится.

– Что... прямо сейчас?

– Так он сказал.

Мальчишка смотрел не на Фиону. Он пожирал глазами хлеб на столе. Она отрезала кусок, намазала маргарином и, приоткрыв окно, подала мальчишке. Посыльный жадно проглотил угощение и помчался искать новое грошовое поручение.

– Привет, ма, – сказала Фиона, склоняясь к кровати, чтобы поцеловать лежащую мать.

Кейт не спала, а просто лежала с закрытыми глазами на боку.

– Привет, дорогая.

Фиона вздохнула. Прежде мать забросала бы ее вопросами о новой работе – особенно о работе в пабе. Могла бы и за порог не выпустить. Сейчас Кейт была слишком измождена, чтобы вдаваться в подробности. Она не спрашивала про рану под глазом у Чарли и не замечала, что Шейми постоянно сыплет словечками вроде «проклятый» и «ублюдок». «Нам надо выбираться из этой дыры», – подумала Фиона. Жизнь в Адамс-Корте была жестокой, тянущей вниз. Живя здесь, они исподволь менялись, превращаясь в оборванцев не только внешне.

Закрыв дверь, Фиона отправилась в «Бык», скреживая пальцы и надеясь на благоприятный результат. Если поторопиться, быть может, она сумеет заскочить в паб, переговорить с мистером Джексоном и еще до девяти часов попасть в Ковент-Гарден. Несколько дней назад владелец паба сказал, что работы для нее нет. Значит, кто-то ушел. И угораздило же его выбрать время! Не иначе как сегодня! Но переговорить с ним надо. Если она немного опоздает, Джо поймет. А если она получит эту работу, в кармане появится несколько дополнительных шиллингов. Можно будет купить мясо к их скудному столу и настойку от кашля для матери. Главное – получить работу. Ну почему в ее жизни не может произойти два хороших события подряд? Судьба и так давно не улыбалась ей.

Подойдя к пабу, Фиона постучала в дверь, которая почти сразу же открылась. На пороге стоял плотный краснолицый мужчина с большими, как у моржа, усами. Он молча посторонился, пропуская ее внутрь.

– Скоренько ты, – сказал Ральф Джексон. – Только что посылал мальчика за тобой.

– Да, сэр, – улыбнулась Фиона, стараясь произвести хорошее впечатление. – Не хотелось утомлять вас ожиданием.

По правде говоря, она не хотела утомлять ожиданием Джо, но мистеру Джексону знать об этом незачем. Пусть думает, что она торопилась на его вызов.

– Приятно слышать. Мне это нравится в работниках. Значит, думаешь, что справишься? – спросил он. – Работа нелегкая и не из приятных. Чтобы отмыть и отчистить пивнушку, надо семь потов пролить.

– Не беспокойтесь, мистер Джексон. Я справлюсь. Вы останетесь довольны.

«Окна отмою так, что они сверкать будут, – думала она. – И пол отскребу до блеска. Перемою тебе все кружки, начищу стойку и поцелую твою большую волосатую задницу. Только дай мне эту проклятую работу!»

– Работать надо три вечера в неделю, а также в субботу – во второй половине дня – и в воскресенье с утра. Платить буду два с половиной пенса в час и сверх того – еда и пинта любого пива, когда закончишь.

– Да, сэр.

Мистер Джексон пожевал губу, оглядел Фиону так, словно она была тягловой лошастью, после чего кивнул:

– Значит, договорились. Щетку и ведро найдешь за дверью. Стойку тоже надо начистить, но вначале уберешь оттуда грязные кружки.

– То есть начинать... прямо сейчас? – оторопело заморгала Фиона.

– Само собой. А что тебя удивляет? Я понятно объяснил: воскресное утро входит в твое рабочее время. Сегодня, если не забыла, воскресенье.

Она не увидится с Джо. Он напрасно будет ее ждать. Он специально послал ей деньги на омнибус. Она так рассчитывала, что они поговорят, Джо обнимет ее и их отношения снова наладятся. Фиона представила, как он стоит на остановке. Туда подкатывают омнибусы. Выходят пассажиры. Джо ищет среди них ее, не находит и через какое-то время, поняв, что она не приедет, поворачивается и идет домой.

– Понимаете... я собиралась... Я не думала, что работа начнется сегодня же... – сказала Фиона.

– Что ты думала, девочка, меня не касается. От меня ушла уборщица, – сообщил мистер Джексон, теряя терпение. – Беременная она была. Ранний выкидыш случился. Мне нужно, чтобы в заведении было чисто, и меня не волнует, кто возьмется за работу. Не хочешь работать – так и скажи. Я быстро найду других желающих.

– Нет, что вы. Я очень хочу работать, – торопливо возразила Фиона, заставив себя улыбнуться. – Спасибо, что вспомнили обо мне. Я сейчас же начну убирать.

Едва хозяин отошел, натянутая улыбка Фионы исчезла. По щекам покатились горькие слезы. А она так хотела увидеться с Джо и восстановить их отношения. Теперь вот оказалась в безнадежном положении. Ну почему этот мистер Джексон позвал ее не иначе как сегодня? Она никак не могла сообщить Джо о внезапной перемене. И он будет стоять и напрасно ждать, а она не приедет.

Но выбора у нее не было. Она не одну неделю обивала пороги, ища приработок. Если отказаться, еще неизвестно, когда ей снова что-то подвернется. Да, ей очень нужен Джо, а ее семье нужны деньги. Не надо отчаиваться. Она напишет ему и подробно объяснит, как все получилось. Два его шиллинга потратит не на омнибус, а на бумагу и марку. Напишет, что тоже раскаивается в своем тогдашнем поведении, что любит его и хочет увидеться с ним при первой же возможности. Оставалось надеяться на понимание Джо.

Фиона наполнила водой деревянное ведро, добавила мыла, взбила пену, радуясь, что она в пабе одна. Мистер Джексон ушел в свою контору заниматься другими делами. Фиона засучила рукава, подоткнула юбку и встала на четвереньки. Погрузив щетку в воду, она принялась отскребать половицы грязного, залитого пивом пола, и ее слезы лились на пол вместе с мыльной водой.

Глава 15

– Стакан пунша, сэр?

– Нет, благодарю вас, – поспешил отказаться Джо; ему и так казалось, что его голова покачивается на веревочке. – Я лучше лимонада выпью.

– Отлично, сэр, – ответил официант и скрипнул каблуками, отправившись за лимонадом.

Хватит с него пунша. Джо не привык к крепким напиткам и после двух стаканов ощутило захмелел. А ему сейчас особенно нужна ясная голова. Томми весь вечер таскал его за собой, знакомя с разными важными шишками. Джо познакомился с главными закупщиками «Форт-нума» и «Хэрродса», с шеф-поварами и метрдотелями больших отелей, с рестораторами, а также с нескончаемым количеством их жен, сыновей и дочерей. Пришлось поднапрячь разум, чтобы запомнить столько имен.

Вопреки его ожиданиям праздник оказался веселым и даже озорным. Никакого намека на чопорность и церемонность. Настроение у всех было приподнятое. Гости искренне веселились. Да и могло ли быть иначе? Все было на высшем уровне: умопомрачительное количество закусок, разнообразие напитков, музыка, дом, украшенный цветами, двор, освещенный факелами и свечами. Зрелище было ошеломляющее. Джо искренне жалел, что Фиона не может разделить с ним это торжество. При мысли о ней у него больно сжималось сердце.

Ну почему их отношения так чертовски осложнились? Он получил хорошую работу в надежде открыть собственный магазин раньше, чем они планировали. Он старался, чтобы они поскорее снова оказались вместе. А теперь... такое ощущение, что они отдаляются друг от друга.

Дней десять назад он послал Фионе деньги, чтобы она приехала к нему в Ковент-Гарден. Но она не приехала. Почему – Джо не знал. Могла хотя бы написать и назвать причину. Должно быть, до сих пор сердится. Возможно даже, что Фиона его возненавидела и больше не хочет видеть. А вдруг она нашла себе другого парня?

Когда они виделись в последний раз, а это было в день их ссоры, Фиона сидела с отсутствующим видом, целиком погруженная в себя и свои мысли. Он не знал, как к ней подступиться. И вдруг у него вырвалось, что она пробуждает в нем чувство вины. Он не имел права говорить ей такие слова. Гордости в характере Фионы хоть отбавляй. Эти слова подрезали ее. Но, по правде говоря, Джо и в самом деле чувствовал себя виноватым.

Зачем, спрашивается, он тогда сказал о ее огрубелых руках? Конечно, это задело ее самолюбие. Но то была мелкая, поверхностная вина. А существовала другая – крупнее и глубже. Вот с ней-то Джо постоянно сражался внутри. В первые дни после смерти отца Фионы, когда она отчаянно нуждалась в его поддержке, он не смог бросить все и находиться рядом с ней. Не мог позаботиться о ней. И за это Джо себя винил. Он хотел спасти Фиону, но как? Она не могла оставить своих, о чем ему и сказала. А он не мог взвалить на свои плечи заботу о пятерых. Отважась он на такое, прости-прощай их магазин.

Можно ли назвать эгоизмом его нежелание брать на себя этот груз? Джо сознавал, что пока не готов тянуть ляжку семейного человека, но, по сути, именно этим он и занимался. Каждую минуту он беспокоился о Фионе. Не поздно ли она возвращается домой? Достаточно ли у нее еды? Хватает ли им денег? Приехав тогда, он привез им овощей и фруктов, а когда никто не видел, бросил в банку, где у них хранились деньги, четыре шиллинга. Конечно, этого недостаточно, но он не знал, чем еще помочь.

Он был молод. У него имелись устремления. Хозяину он нравился. Томми даже уважал его. Джо не хотел погружаться в чужие заботы. Он хотел какое-то время насладиться свободой, которая есть у других молодых людей. Это ж так здорово, когда ты работаешь, учишься секретам профессии и превосходишь других! Приятно услышать от человека уровня Томми,

что ты смышлен и талантлив, и погреться в лучах этой похвалы. Совсем недолго. Но даже такие желания вызывали у него чувство вины. Боже, ну почему на него должно наваливаться столько всего?! Почему он должен сгибаться под громадной ношей и думать только о том, как ее облегчить?! Сколько бы он ни думал, решение все равно не находилось.

Официант принес лимонад. Взяв стакан, Джо вышел из гостиной на балкон – подышать воздухом и освежить голову. Ноябрьский вечер был прохладным и ясным. Джо полюбовался костром, полыхающим на громадном заднем дворе дома Томми. Его внимание привлек девичий смех. Так могла смеяться только Милли. Вот девчонка, в жизни которой никогда не было и не будет тягот. Всегда весела, всегда смеется. Джо поискал ее глазами в толпе, окружившей костер, и быстро нашел. Трудно было не заметить ее сногшибательное платье. Джо плохо разбирался в женских нарядах, но, едва увидев это платье, сразу понял, каких деньжищ оно стоит. Сшитое из темно-синего шелка, платье имело глубокий вырез и облегалo фигуру Милли, подчеркивая все ее округлости. Но самым впечатляющим в этом платье была картина фейерверка, вышитая бисером. Тысячи тысяч крошечных искрящихся бисеринок, пришитых к подолу, изображали большой залп салюта в окружении нескольких залпов поменьше. Все это было очень похоже на настоящий фейерверк, расцветший в темно-синем вечернем небе. Естественно, Милли оказалась в центре внимания гостей, а ее платьем восхищались не только женщины.

Милли стояла с отцом и парнем, который работал у него на Спитафилдсе. Судя по всему, парень их чем-то веселил: Милли и Томми громко смеялись. Глядя на них, Джо вдруг почувствовал укол ревности. Но кого он ревновал? Томми? Милли? Томми положил руку на спину парня. У Джо это вызвало неприязнь. «Неужто этот малый равен мне? – подумал он. – А может, лучше меня?» Глядя на Милли, стоявшую рядом с отцом, Джо понимал: тот, кто станет ее мужем, унаследует семейное дело. Официально считалось, что компания перейдет к Гарри, но Джо знал: этому не бывать. Гарри уже купил билет в Индию и в декабре покинет Лондон. Если парень из Спитафилдса завоюет сердце Милли и женится на ней, то станет Петерсону как сын. «Ну и что?» – мысленно спросил себя Джо, глядя, как Петерсон вышел из толпы гостей и направился в дом. Какое дело ему, Джо Бристоу, до всего этого? Он работает у Петерсона до тех пор, пока не скопит денег и не откроет свое дело. Мимо проходил официант с подносом. Джо взял у него сэндвич с копченой устрицей.

– Вот ты где, Бристоу! А я повсюду тебя искал!

Это был Томми. Подойдя к Джо, он уперся ладонями в балконные перила и довольно улыбнулся.

– По-моему, чудесный праздник получился, – сказал он, оглядывая гостей.

К хозяину неслышно подошел официант и спросил, не желает ли он чего.

– Двойной скотч. И моему юному другу тоже.

Джо стало не по себе. Он и так уже порядком захмелел. Надо будет незаметно выплеснуть, а то он рухнет прямо на балконе. Официант быстро вернулся, принес два стакана. Джо взял свой, сделал глоток и поморщился. Его словно лягнули в поясницу.

– У меня есть новости, – сказал Петерсон, слизывая виски с губ. – Под конец дня, когда я уже собирался уходить, поступил запрос из Букингемского дворца. Представляешь, Джо? Я и надеяться не смел. – Он хлопнул ладонью по перилам; его глаза возбужденно сверкали. – Если им понравятся наши овощи и фрукты, если мы получим признание, на вывеске Петерсона может появиться знак поставщика ее королевского величества. Такое мне не снилось даже в самых диковинных снах. Ну разве это не событие?

– Еще какое, – ответил Джо.

Он не меньше хозяина был возбужден открывающейся перспективой. Если все пройдет гладко, Петерсон получит официальное право изображать королевский герб на вывесках

и документах, возвещая миру, что ее величество королева покупает у него. Разум мигом подсказал Джо, как убедить королевский дворец.

– Можно отправить во дворец лучшие образцы наших овощей и фруктов. Выбрать фургон попримачнее. Хотя бы тот, что недавно покрасили. Нарядить Билли Невикса в ливрею. Парень он симпатичный, опрятный. И надо это сделать раньше, чем дворец сам запросит образцы. Избавить их от лишних хлопот. Зачем их людям ехать к нам, когда мы сами привезем?

– Хорошая мысль... – махнув официанту, сказал Петерсон; он успел проглотить первую порцию и не желал тянуть со второй, а Джо к этому времени успел одолеть лишь половину. – Ты готов?

Джо не оставалось иного, как залпом влить в себя остатки виски и сказать «да».

– И надо установить для них до смешного низкую цену. Ниже, чем мы продаем остальным... – продолжал Джо, которому официант принес вторую порцию. – Это не важно, надо пробиться в тот круг. Даже если и деньги потеряем, не беда. Став королевскими поставщиками, мы расширим круг остальных поставок и восполним все, что можем потерять на поставках дворцу... – Джо заметил, что Петерсон хмурится, и подумал, не зашел ли он слишком далеко, ведь речь о снижении хозяйской прибыли. – Если вы согласитесь на это, сэр, – поспешил добавить Джо.

– Разумеется, соглашусь, – сказал Томми. – Удивляюсь, почему никто из моих старших закупщиков ни разу не обратился ко мне с подобными идеями. Они умеют лишь повышать цены. А молодой предприимчивый парень сразу увидел: надо немного потерять в прибыли, чтобы затем ее умножить. Давай-ка мы твои идеи обмозгуем завтра с утра. А тебя я разыскивал по другой причине. – Петерсон достал из смокинга конверт и протянул Джо. – Вот эта причина. Я хочу первым поздравить моего нового старшего закупщика.

Джо оторопел. Он надеялся на повышение, думал о своих шансах, но не ожидал, что старшим закупщиком сделают именно его. И вот свершилось. Теперь он – старший закупщик в компании Петерсона. Джо расплылся в улыбке:

– Благодарю вас, мистер Петерсон, сэр. Я... даже не знаю, что сказать.

– А тебе не надо ничего говорить, парень. Ты это заслужил. – Петерсон поднял стакан. – За твое будущее в компании Петерсона! У тебя светлая голова, Джо. Ты всегда думаешь о пользе дела, и я это ценю.

Джо чокнулся с Томми и хлебнул виски. Томми, который от выпивки стал несколько сентиментальным, обнял его за плечи и начал рассказывать, с чего начинал свое дело. Джо улыбался и кивал, показывая свою увлеченность рассказом хозяина, хотя в действительности едва слушал.

Ему не верилось в собственную удачу. Еще полгода назад он безуспешно убеждал отца обзавестись второй тележкой и продавать овощи и фрукты отдельно. Теперь он стал старшим закупщиком у одного из крупнейших лондонских оптовых торговцев овощами и фруктами. В этот мир его привели талант и целеустремленность. Он доказал, на что способен. Он стал начальником. Еще не хозяином, не надо забегать вперед... но и не последним человеком в мире торговли. А ему всего-навсего девятнадцать. Новая должность означала ощутимое повышение жалованья. В заднем кармане у него лежит конверт с премией за добросовестную работу. Джо снова глотнул виски, удивляясь, насколько легче огненная жидкость вливается в его горло. Он чувствовал себя на миллион фунтов. Все было просто потрясающим: праздник, угощение, виски. Все было до чертиков потрясающим!

– Отец, ты еще не вогнал бедного Джо в зевоту своими старыми историями?

На балконе появилась Милли. Другой рукой Петерсон обнял дочь за плечи.

– Ничуть, – ответил он, слегка покачиваясь. – Джо любит слушать о... предпринимательстве. – В устах опьяневшего Петерсона это слово звучало как «передпринимательство». – Правда, парень?

– Очень люблю, сэр! – с горячностью подтвердил Джо; после виски он говорил «шэр».

Милли посмотрела на отца, потом на Джо и захихикала. «Наверное, вид у нас пьяный», – подумал Джо. Ощущения безошибочно подсказывали ему, что он пьян.

– А вот я не люблю таких разговоров, – качнув головой, заявила Милли. – Сколько можно говорить о делах? Поговорим лучше о кострах. И о чучелах Гая Фокса. Глянь, папочка, какого Гая твои преданные работники таскают сейчас вокруг костра. Он чертовски похож на тебя.

Она снова засмеялась. «Милли-глупышка», – подумал Джо. Всегда смеется. Глаза сверкают, а большие круглые сиськи того и гляди вывалятся из выреза. Красивая, веселая девчонка.

– Так-так, надо в этом разобраться, – сказал Томми, делая вид, будто оскорблен; он поставил недопитый стакан на перила и поправил галстук. – Сейчас разгоним эту шайку дерзких насмешников. А ты, молодой человек... – он указал пальцем на Джо, – чтобы больше никаких разговоров о фруктах и овощах. Милли права. На праздниках молодежь должна развлекаться, а не болтать о продажах. – Томми замахал руками, прогоняя дочь и Джо с балкона. – Милли, покажи Джо наш дом. Может, он проголодался. Принеси ему чего-нибудь... прохладительного.

– Да, папа, – ответила Милли; когда Петерсон начал спускаться по ступенькам с балкона второго этажа во двор, она повернулась к Джо и сказала: – Надеюсь, папочка не сломает себе шею. Набрался так, что еле на ногах держится.

Она взяла Джо под руку и повела в гостиную.

Джо позволил себя увести. В его состоянии это было самым простым. Он и сам набрался так, что ноги подкашивались. Надо сделать над собой усилие. Похоже, Милли не замечала, в каком он состоянии. Не хотелось, чтобы она пожаловалась отцу, что Бристону не знает меры.

Они переходили из комнаты в комнату, и везде им улыбались. Джо тоже улыбался. Он наслаждался вниманием к своей персоне. «Наверное, они уже знают, что я стал старшим закупщиком», – тщеславно думал он. Женщины перешептывались и одобрительно кивали. В углу он заметил Гарри. Тот приветственно ему помахал. Все гости Петерсона были такими приятными людьми. Приятным был и сам дом, и Милли. Споткнувшись на ковре, Джо едва не упал, отчего Милли снова захихикала. Но почему ноги его не слушаются? В руках у Милли откуда-то появился стакан с виски, который она протянула Джо. Он из вежливости сделал маленький глоток.

Милли показала ему гостиную, которую собиралась переделать в японском стиле. Джо не понимал, что это значит, но спрашивать не стал. Потом она провела его в отцовский кабинет с массивным письменным столом красного дерева, богатыми коврами и тяжелыми шторами. Они побывали даже на кухне, где трудилась целая армия поваров и куда беспрестанно заглядывали официанты. А затем Милли потащила его вверх по лестнице. Где-то на полпути Джо понял, что пропал. У него закружилась голова.

Милли заметила его состояние, но, к счастью, не рассердилась.

– Бедный утенок, – сказала она, – не волнуйся. Мы найдем тебе место, где ты отдохнешь, пока хмель не выветрится.

Они поднялись и вышли в коридор, по обеим сторонам которого были двери. Однако Милли больше не стала показывать ему никаких комнат, а повела в самый конец коридора. Джо чувствовал себя прескверно. Его качало из стороны в сторону, словно моряка, отвыкшего от хождения по суше. Открыв дверь последней комнаты, Милли ввела его туда. Там стояла мягкая кровать. Джо захотелось поскорее на ней растянуться. Он думал, что Милли уйдет, оставив его наедине со своей гудящей, кружащейся головой. Но Милли никуда не ушла. Сев рядом, она начала снимать с него пиджак. Джо пытался возражать, говоря, что с ним все в порядке и ему просто нужно немножко полежать. Милли прикрыла ему рот ладошкой, сказав, что без пиджака гораздо удобнее. Она забрала пиджак, развязала галстук, затем толкнула на кровать, велев закрыть глаза и лежать спокойно.

Джо подчинился ее нежному, сладостному голосу. Он глубоко дышал, приказывая мозгам перестать кувыркаться. Мало-помалу головокружение прекратилось. Он по-прежнему ощущал себя изрядно пьяным. Ему даже казалось, что он находится вне тела. Хотя бы голова не кружилась, и на том спасибо. Кажется, Милли ходила по комнате. Он слышал шелест ее платья. Потом он открыл глаза. Вокруг было темно. Должно быть, Милли погасила лампу. Джо посмотрел на гору подушек слева с кружевными и вышитыми наволочками. От них пахло сиренью. Милли всегда пахла сиренью. Он снова закрыл глаза. «Наверное, это ее спальня», – с тревогой подумал Джо. Ему нельзя здесь находиться. Но лежать на кровати было так легко и приятно, а подняться... хуже пытки.

– Милли?

– Да.

– Спустишь-ка я лучше вниз. Твоему отцу это не понравится.

– А как он узнает? – Ее голос звучал совсем рядом. – Я ему не скажу.

Она села на кровать рядом с Джо. Аромат сирени усилился. Джо почувствовал, как что-то коснулось его губ, и резко открыл глаза. Это Милли его поцеловала. Она подняла голову, улыбнулась. Джо обнаружил, что на ней больше нет платья. Только камисоль и нижняя юбка. Пока он смотрел на нее, Милли принялась расстегивать камисоль, все больше и больше показывая Джо себя. Ему было не отвести глаз. Перед ним покачивались ее красивые, роскошные груди с маленькими розовыми сосками, отвердевшими от прохладного воздуха. И вдруг Джо почувствовал резкую боль между ног, отчего застонал. Милли сбросила камисоль через голову, взяла его руку и приложила к груди. Наклонившись к нему, она снова его поцеловала, водя языком по губам.

«Не делай этого, – мысленно твердил себе Джо. – Не делай». Он оттолкнул Милли и, шатаясь, встал на подкашивающихся ногах. Милли улыбалась. Ее глаза светились, как у кошки, которая знала, что все равно съест пойманную мышь, но решила позабавиться, дав той в последний раз побегать.

– Я – твоя, Джо, – прошептала она. – Я хочу тебя. Я знаю, что и ты хочешь меня. Я это вижу и видела в твоих глазах с самого начала. Так бери меня. Делай со мной что пожелаешь...

Остатки здравого смысла требовали, чтобы он уходил. Немедленно, не задерживаясь. Но он хотел Милли. Он так отчаянно хотел войти в нее, что едва дышал. Джо было гораздо легче подчиниться зову плоти. И намного легче сделать это здесь, на Изи-стрит⁴. В другом месте это было бы сопряжено с невероятными трудностями. А здесь, в доме Петерсона, служанки и официанты принесут тебе разнообразных закусок и бессчетное число порций виски. Это было так легко сделать на большой кровати Милли, касаясь ее нежных губ и больших потрясающих сисек. Милли права. Он может взять ее и сделать все, что пожелает. Так ведь она сказала?

Милли встала, расстегнула нижнюю юбку и сбросила на пол. Она была совершенно голая. Даже в темноте Джо видел линию ее тонкой талии, бедра, островок светлых волос между ними. Милли прижалась к нему и снова поцеловала. Одна ее рука скользнула вниз и расстегивала ему брюки. Руки Джо потянулись к ее грудям. Он должен овладеть ею. Сейчас. Джо толкнул Милли на кровать, раздвинул ей ноги и грубо вошел. Он совершал толчок за толчком, проникая в глубокий нежный бархат ее лона. Милли – его. Работа закупщика – тоже его. И Петерсон – его. Ему принадлежит все. Мощный оргазм не заставил себя ждать. Джо вздрагивал, кусая Милли за плечо.

Когда все кончилось, он затих, тяжело дыша. Виски снова устраивал ему фокусы. Джо пытался сообразить, где находится. Ну конечно, он с Фионой. Где же ему еще быть? В их большом доме. На их большой кровати. У них есть свой магазин. Нет, целая сеть магазинов.

⁴ Игра слов. Изи-стрит (Easy Street) переводится как «легкая улица».

Они богаты, и все у них идет замечательно. Он утыкается в нежную шею Фионы, и ему так хорошо, так спокойно.

Однако что-то не вписывалось в его идиллию. Почему-то кружилась голова, его подтащивало. Опять этот запах: пряный, удушающий. Сирень. Подняв голову, Джо мутными глазами взглянул над женщину под собой. «Это же не Фиона! – завопил его разум. – Боже, что я наделал?!» Джо торопливо слез с Милли, а потом и с кровати. Он чувствовал: его вот-вот вытошнит. Придерживая брюки одной рукой, Джо повернул ключ, открыл дверь и выбежал из комнаты.

Оставшись одна, Милли растирала укушенное плечо. От того, что между ними произошло, у нее было мокро между ног. Хорошо, что она догадалась застелить кровать старыми простынями. Милли подняла колени, уперлась ступнями в матрас, затем приподняла бедра. Это она вычитала в книжке, которую ей дала ее замужняя подруга Сара. Милли закрыла глаза и улыбнулась, смакуя вкус Джо.

Глава 16

– Угощайся, Фи. Такие вкусные, соленькие, – сказал Чарли, протягивая сестре бумажный кулек с чипсами. – Попробуй, ты же любишь такие...

– Спасибо, не хочу.

С ней что-то было не так. Фиона ничего не рассказывала, но он это видел по ее лицу. Что-то ее печалило. Чарли надеялся, что воскресная прогулка на реку поднимет ей настроение. Увы! Ни обрывки матросской песни, принесенной ветром с баржи, ни галдеж чаек, ссорящихся из-за крошек, не вызывали у нее прежней улыбки. Пожалуй, ее настроение стало еще хуже, чем когда они покидали Адамс-Корт.

Чарли посмотрел туда, где блуждал взгляд сестры. Посередине реки плыли две баржи. «Плавают в дерьме», – подумал он. Чарли никак не мог взять в толк, чем Фиону притягивала эта вшивая река. Он доел чипсы, затем поискал глазами Шейми. Младший брат бегал за чайками напротив склада Оливера.

– Эй, приятель! Ты близко к воде не подходи! – крикнул Чарли.

Шейми и ухом не повел. Малыш бежал за птицей, шлепая по воде. Его башмаки были мокрехоньки, но он смеялся. Чарли выругался. Даже четырехлетний сопляк не слушается главы семьи.

Нелегко быть главой семьи. Чарли целыми днями корячился на пивоварне, бился как тигр в «Тадж-Махале», но заработанных денег по-прежнему не хватало. И хотя он был рад каждому лишнему пенсу, работа вынуждала его бывать дома только урывками. Сегодня за обедом он впервые за много дней поговорил с матерью. Кейт налила ему чая. Он всмотрелся в материнское лицо и с ужасом увидел, насколько оно бледно. Потом он посмотрел на сестру. Казалось, та изо всех сил сражается с подступающими слезами. От постоянного нахождения в тесной комнате младший брат стал угрюмым и хнычущим. Даже малышка Айлин хворала.

Как это получалось у па? – удивлялся Чарли. Как отцу удавалось делать так, что все в семье были сыты и одеты? И все чувствовали себя защищенными. А ведь жалованье грузчика не ахти какое. Но у отца получалось. Чарли обещал отцу заботиться о семье. Он и пытался, прилагая все силы, однако его старания ничего не давали. Эх, если бы скопить несколько фунтов! Тогда бы он перевез семью из Адамс-Корта в приличную комнату или даже снял бы целый этаж в доме получше. Недавно Денни Куинн предложил ему возможность заработать несколько дополнительных шиллингов. Один человек задолжал Куинну внушительную сумму денег. Чарли и Сиду Мэлоуну предлагалось явиться к этому человеку домой и выбить долг. Чарли наотрез отказался. Ему не улыбалось вламываться среди ночи в чужой дом и избивать кого-то до полусмерти за невыплаченный карточный долг. Но сегодня, посмотрев на бледную мать и больную младшую сестренку, Чарли подумал, не сваял ли он дурака, отказавшись от предложения Куинна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.